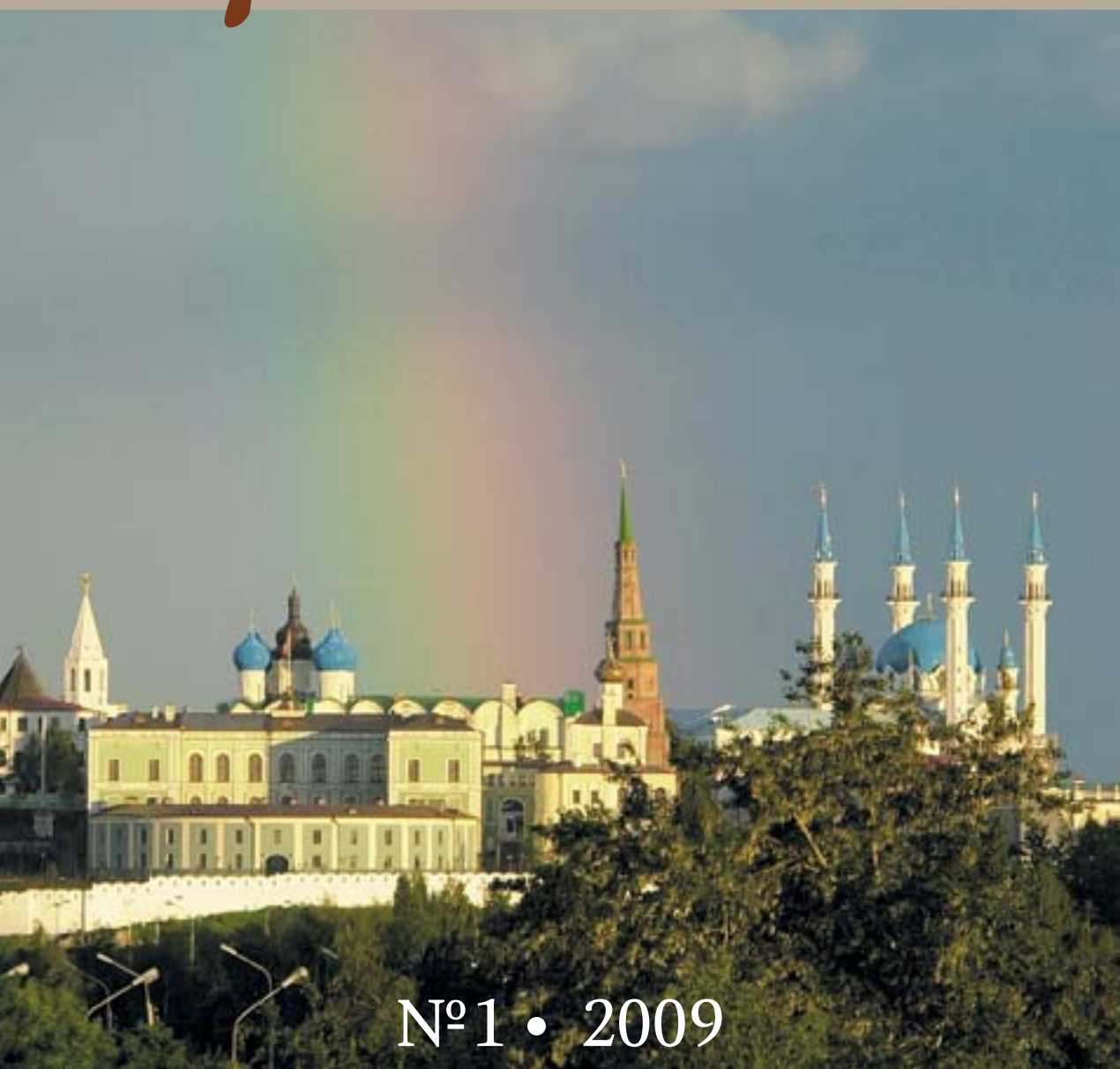

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№1 • 2009

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 1 • 2009

РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха
«АРГАМАК — ТАТАРСТАН»

Николай Алешков

(Набережные Челны)

Николай Беляев

(Владимирская область)

Александр Бобров

(Москва)

Светлана Василенко

(Москва)

Лилия Газизова

(Казань)

Владимир Гофман

(Нижний Новгород)

Сергей Кузнечихин

(Красноярск)

Михаил Кураев

(Санкт-Петербург)

Владимир Леонович

(Кострома)

Виль Мустафин

(Казань)

Иван Переверзин

(Москва)

Рамиль Сарчин

(Казань)

Учредитель
ОАО «ТАТМЕДИА»

Издатель Татарстанское отделение

Союза российских писателей

Главный редактор Николай Алешков

Заместители главного редактора Ольга Кузьмичёва-Дробышевская,
Вера Хамидуллина

Редактор-корректор Алла Орехова

Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов

Художник Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке Михаил Медведев

Секретарь Марина Конюхова

Бухгалтер Елена Сарычева

С любовью из Татарстана

«В ТАТАРИИ, в сердце России // опять наступает весна...» – написал в далёкие советские годы поэт Николай Беляев, которого в нашей республике называли одним из «самых казанских» и который ныне живёт во Владимирской области – так сложилось. Я вспомнил эти строчки неслучайно. Татарстан – сердце России не только по географическим понятиям. Здесь пересечение древних путей между Востоком и Западом, здесь средоточие разных культур...

Невозможно забыть конец восьмидесятых и начало девяностых годов прошлого столетия, когда после развала Советского Союза определёнными политическими силами на карту была поставлена целостность России. И дело не в том, что волна сепаратизма, возникшая на Северном Кавказе, докатилась до наших волжских и камских берегов. Дело в том, что именно в Татарстане эта волна была остановлена.

Сегодня очевидно, что наша республика – один из самых успешно развивающихся регионов Федерации. Экономическая стабильность была бы невозможна без межнационального согласия, без подлинного, веками складывавшегося взаимопонимания. Общеизвестно, что восемь миллионов татар проживают за пределами своей родной республики. Нельзя не напомнить и о другом факте – только в Набережных Челнах, городе с полумиллионным населением, построенном в Нижнем Закамье за немыслимо короткие сроки, ныне живут и работают представители восьмидесяти национальностей. Они-то и строили и КамАЗ, и Новый город, и едва ли не лучшую в стране пригородную сельскохозяйственную зону.

Явлением подлинной, а не декларированной демократии мы считаем и то, что в нашей национальной республике два государственных языка. Один из них, русский, как и несколько столетий назад, остаётся языком межнационального общения. Для нас очевидно, что так и должно быть при справедливом устройстве федеральных отношений. Народы Поволжья и Прикамья сопротивляются сегодня не русификации, а другой тенденции – они не хотят оказаться подстриженными под одну англо-американскую гребёнку, которую несут с собой идеи глобализации. Это оказалось бы губительным для национального космоса не только русских и татар, но и чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы и т.д.

Вот почему я считаю знаковым событием то, что «в Татарии, в сердце России», а именно в многонациональных Набережных Челнах, несмотря на общемировой финансовый и экономический кризис, начинает выходить на русском языке литературный альманах «Аргамак-Татарстан», призванный консолидировать, объединять литературные и творческие силы всей российской провинции – от Калининграда до Владивостока.

Альманах появился благодаря личной поддержке президента Республики Татарстан Минтимера Шариповича Шаймиева. Это свидетельствует о понимании того, что духовность и культура не должны плестись в хвосте экономики. А, во-вторых, повторяюсь, не забыт русский язык – язык межнационального общения на всём постсоветском пространстве. И вообще: писательский труд – дело не только сугубо личное, но и общенациональное. В России так было всегда.

Немаловажно и то, что наши учредители – руководство ОАО «Татмедиа» позитивно отнеслось к идее издания не местечкового (челнинского или республиканского), а рассчитанного на всю российскую провинцию – альманах будет распространяться по шестидесяти городам огромной страны.

Оговорюсь – мы тут не первые. В Красноярске многие годы выходит журнал для семейного чтения «День и ночь», созданный выдающимся писателем современности Виктором Астафьевым и нашим земляком, уроженцем Мензелинского района Романом Солнцевым (оба, к сожалению, уже ушли от нас, но их дело самоотверженно продолжает Марина Саввиных).

Наш костромской коллега и друг Владимир Леонович участвует в выпуске альманаха «Коростель. Письма из России», издаваемого в Москве.

«Аргатак-Татарстан» намерен следовать той традиции, которая создаётся этими изданиями. В нашем альманахе не будет идеологических баррикад, какие существуют, например, в столичных «толстяках». Мы будем публиковать и левых, и правых, почвенников и космополитов, «евреев» и «неевреев», попытаюсь собрать вместе те позитивные творческие силы, которые после развала Союза разбежались по углам. Мы полагаем, что грешно разрывать русскую и российскую литературу на куски. Можно и в одном издании дискутировать открыто и честно. Лучший аргумент в споре – качество текста. При этом мы оставляем за собой право и на собственную позицию по любому спорному вопросу.

А ещё мы надеемся на надёжную «обратную связь» с литераторами и, конечно же, с читателями российской провинции. Не сомневаемся – они откликнутся на наш призыв. Так уже было. В 1998 году мне довелось выпустить межрегиональную литературную газету «Звезда полей» («толстушку» в 24 полосы третьего формата), которая имела обильную и очень добрую почту. Нам было из чего выбирать хорошие, качественные литературные материалы, уверяю вас! К сожалению, «Звёздочка» закатилась за тучи безденежья, когда грянул дефолт, или так называемый «кириенковский» кризис.

И вот через одиннадцать лет посредством альманаха «Аргатак-Татарстан» мы возвращаемся на издательское поле и сердечно благодарим за такую возможность руководство Татарстана, а также наших учредителей.

Пожелайте нам удачи!

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ**ПОСВЯЩЕНИЕ КАЗАНИ**

Великий путаник,
мой неоглядный город,
ты недоверчиво глядишь с крутых бугров.
Не я один узнал тоску и холод
твоих осенних стылых вечеров.
И всё же в этих — с детства — переулках,
в татарской невысокой слободе
я познавал — в улыбках, драках, муках —
земную цену счастью и беде.
Казань меня испытывала, била,
теряла, тёрла, прятала в карман.
Лукавила. Вкруг пальца обводила.
И — новый заводила вдруг роман.
Я жил, дышал. Не гордость и не слава —
срываясь, путаясь и вновь теряя нить,
я одного хотел — естественного права
с людьми и городами говорить!
И если голос мой средь шума, визга, скрипа
сегодня слышен, я почту за честь
сказать разросшемуся городу:
«Спасибо!
За то, что я — такой, какой я есть!».

1969-2005

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ**В ГОСТЯХ У ГОРОДА**

Ясное, тёплое октябрьское утро. В старой Казани на старой липе каркает старый ворон. Казани — тысяча лет, ворону, может быть, — триста, мне — тридцать.

Что может город поведать ворону? Что может ворон накаркать мне? И сколько лет корявой чёрной липе, которая привлекла мой взгляд и приютила ворона?

Потянуло сквозняком. Люблю этот осенний прозрачный коктейль запахов: приближающихся холодов, пожухлой сухой листвы и городской пыли...

Ворон улетел. Липа нехотя отдала ветерку последний лист. Я вчера здесь пела, сегодня — уезжаю домой.

А старый город, большой и шумный, мудро молчит и хранит тайны каждого, кто в нём живёт и растёт, ходит и летает, каркает и поёт...

И у меня вдруг появилось чувство, что все мы — ровесники, просто у каждого своё течение времени.

2007

Я шагаю по Казани

Моя Казань — это десяток-другой улиц в центре города. И это при том, что Казань почти мегаполис. Но так сложилась, что детство, юность и моя сегодняшняя жизнь связаны с историческим центром города.

Судите сами. Двадцать лет я прожила на улице Кирова в доме, где в начале двадцатого века располагались номера гостиницы «Амур». Именно отсюда ушёл умирать в клячкинскую больницу великий Габдулла Тукай.

Три года провела в школе номер два, что на Левобулачной. До революции это была вторая гимназия, где учились дядя Ленина, многие известные деятели науки. Увы, после окончания третьего класса все мы перешли в одиннадцатую школу. А в здании бывшей гимназии открыли Центр детского творчества. Впрочем, это нынешнее его название. Тогда же это был Дворец пионеров.

Одиннадцатая школа располагается на улице Островского. Как раз там находилась клячкинская больница, откуда многотысячная толпа отправилась хоронить великого поэта.

Школа, ТЮЗ, ГАИ, комбинат «Здоровье» — главные достопримечательности улицы Островского того, да и

нынешнего времени, за исключением ГАИ, которая переехала на Сибирский тракт.

Шесть лет я проучилась в медицинском институте. Это улица Бутлерова. От моего дома до института я проезжала две остановки на втором трамвае через Кольцо — административное и географическое сердце Казани. Ю медицинский институт — это не только старый корпус на Бутлерова, а новый — на примыкающей к ней улице Курашова. Это разбросанные по всему городу здания и больница, где располагались кафедры. Например, кафедра нормальной анатомии, или анатомический театр, находилась во дворе Казанского университета, что неслучайно. До шестидесятых годов прошлого столетия медицинский факультет входил в состав университета. Именно здесь училась известная поэтесса Вероника Тушнова. Если перечислить все места, где проходили занятия на протяжении моей учёбы в институте, не хватит и страницы.

Красная Позиция, Вишневского, Лесгафта — это улицы, где я жила после замужества. Но обо всём по порядку.

Улица Кирова — это мой дом номер семьдесят, Кировский садик с атлантами, дом Фукса, где бывал Пушкин, колхозный рынок, детский сад, располагавшийся в старинном дворянском особняке, и центральный стадион им. В. И. Ленина. Эти приметы, безусловно, носят субъективный характер. Но в них — мои детство и юность.

Улица Кирова начинается от стадиона и почти упирается в театр им. Г. Камала у озера Кабан. Дом, находившийся на углу Кирова и Татарстана, это бывшая гостиница «Булгар», где провёл многие месяцы своей жизни Габдулла Тукай. Увы, этот дом недавно был разрушен. Для многих казанцев, да и для всех людей, кому дорога культура, это стало пожизненной болью. Стыдно за тех, кто допустил это. Стыдно за себя перед грядущими поколениями, что не смогли отстоять одну из святынь татарской культуры. Говорят, после драки кулаками не машут. Возможно. Только куда деть щемящее чувство невосполнимой утраты?..

Когда я родилась, мои родители учились. И только по их рассказам знаю, как им приходилось нелегко. Вставали рано и отвозили меня к няне, которая жила где-то в районе Кольца, около «Детского мира». Кроме меня она возилась ещё с близнецами — мальчиком и девочкой, которые потом будут учиться со мной в одной школе классом старше. Думаю, что это были те самые близнецы с моего младенчества. Редкое это явление — близнецы мальчик и девочка. Трудно представить себе, как няня управлялась с троими детьми. Но, видимо, как-то получалась. Она была старенькая и, наверное, ей хотелось побольше заработать. Мама рассказывала, что, когда меня забирали, няня отдавала вместе со мной и все пелёнки, ползунки, использованные мною за день. Поэтому вечером родителей ожидала большая стирка. Много позже, когда я уже училась в школе, мы с мамой навестили

няню. Помню небольшой деревянный домик на Островского, находящийся во дворе. Дети, собаки, бельё, развешанное на верёвках, которые подпирали длинные шесты...

О яслях воспоминания не сохранились. Знаю, что они располагались рядом с детским садом напротив игровой площадки. И когда я пошла в детский сад, часто проходила мимо множества кустов сирени, которые росли на территории яслей. Эту сирень мы иногда рвали и для себя, и для взрослых, которые, стесняясь это делать сами, просили об этом нас. Опять-таки по воспоминаниям мамы знаю, что наши воспитательницы путали наши одежды и возвращали нас родителям иногда в других одеяниях.

Из детского сада — домой,
По снегу пушистому — к маме!
Две тени у нас за спиной,
Нет, слева.
Нет, вновь перед нами!..

В пальто, неуклюжи, смешны,
Две тени, две темы в поэмы,
И обе нужны
И должны
По-своему чувствовать Время.

(Николай Беляев)

Детский сад располагался на той же улице Кирова, где мы жили. Это красивый двухэтажный особняк дореволюционной постройки с большим балконом, выходящим в сад. Внутри высокие потолки с лепниной, паркет. В актовый зал вели большие дубовые двери. На второй этаж поднимались по винтовой лестнице с красивыми перилами. На доме висела и продолжает висеть мемориальная доска, в которой указывается, что здесь жил видный татарский революционер Вахитов. Вообще, всё моё детство было связано с красивыми старинными домами, которые являлись памятниками архитектуры и поэтому сохранились донныне. Проходя сегодня мимо них, я испытываю лёгкое чувство грусти, смешанное с ощущением быстротечности жизни.

Моя мама очень рано уходила на работу. Она будила меня, заплетала мои тощие косицы, и я оставалась в ожидании, когда проснётся папа. Мы с ним часто опаздывали. Меня ругали, а я пыталась свалить вину на папу. Однажды, опоздав в очередной раз, я поднималась по лестнице и увидела воспитательницу, стоящую на маленькой площадке между первым и вторым этажом. Глядя в зеркало, она расчёсывала волосы. Я боялась, что она будет меня ругать, и стала лепетать, что папа опять проспал, а она вдруг за-

лилась счастливым смехом. Из окна на неё падал свет, длинные пушистые волосы казались золотыми, а глаза светились. Сейчас я понимаю, что это была просто влюблённая и счастливая женщина, но тогда ничего не поняла. Лишь почувствовала. И потому запомнила.

День начинался с завтрака. Обычно это были каши или омлет, бутерброд с сыром и кофе с молоком, который почему-то всегда имел подгорелый вкус. За едой начинался бесконечный разговор о всякой всячине — кто куда ходил, что видел, кому что купили, в общем, как в известном стихотворении Агнии Барто «У меня в кармане гвоздь...». Приходилось быть очень изобретательной, чтобы поразить слушателей. Мне это редко удавалось. Но выручали напор и фантазия.

У каждой группы был свой участок, на котором находились песочница, маленький домик из железных прутьев, выкрашенных в разные цвета, и скамейка. Девочки и мальчики играли отдельно. К нашему участку примыкал кирпичный двухэтажный дом, причём окна были на втором этаже. Те, кто жил в этом доме, наверное, часто смотрели на нас в окно. Может быть, шумные игры мешали им. Если бы под моими окнами располагался детский сад, я бы обязательно наблюдала за детьми, за их отношениями, за их немудрёными, но искренними ссорами. Любимым нашим занятием было, взяв осколок кирпича или камешек, тереть его о кирпичную стену, а образующийся порошок собирать в какую-нибудь ёмкость. Обычно это была формочка для песочного куличика. Интерес состоял в том, чтобы, выбрав в стене кирпич необычного цвета, получить порошок, не похожий ни на чей. Совершенно не помню, что мы делали с ним потом. Может быть, посыпали песок на участке или, добавив слюней, делали кашицу...

Играли в дочки-матери. Все хотели быть мамами и никто дочкой. Быть дочками надоело и дома. Иногда подключались и мальчики в роли папы. Но папы из них были никудышные — вялые и неинтересные. Может быть, и сейчас они такие же папы, какими были в детском саду.

На крыше сарая, который находился с другой стороны участка, часто появлялся мальчик в очках. И мы все дружно начинали кричать: «Очкарик! Очкарик!». Когда мне в пятом классе выписали очки из-за начинающейся близорукости, я часто вспоминала этого мальчика и долго стеснялась носить очки. Вижу этого мальчика, словно ниоткуда возникающего на крыше и глядящего на нас сверху. Его хрупкая угловатая фигура хорошо вырисовывается на фоне неба. Милый очкарик...

Весной открывали летнюю веранду, откуда доставались самокаты. Их быстро разбирали мальчишки. Однажды мне очень захотелось покататься на самокате. Поняв, что по своей воле никто мне его не уступит, я решительно подошла к воспитательнице и пожаловалась, что мальчишки не

дают нам самокаты. Недолго думая, она подозвала одного из них и, отобрав самокат, вручила его мне. И я... полетела. Видимо, скорость с детства была моей стихией, которая позже выразилась в моих занятиях лёгкой атлетикой, а ещё позже — автогонках. Самозабвенно катаясь на самокате, я долго ничего не видела вокруг, но в какой-то момент заметила стоящего в стороне мальчика, у которого отобрали самокат. У него был очень потерянный вид. Мне стало его жалко. Я вдруг смутилась и отдала самокат первой попавшей навстречу девочке.

Тихий час — самое неприятное, что только может быть в детском саду. Спали мы в той же комнате, где обедали и играли. Раскладушки и матрасы с подушками хранились в специальной комнате на больших полках, с которых их доставали воспитательницы. Наверное, ходили за ними дважды. Вначале за раскладушками, потом за матрасами. При слове «раскладушка» у меня и сегодня начинают ныть пальцы. Видимо, я прищемляла их, раскладывая её. Поворачивались на правый бок, клали ладошки под голову и закрывали глаза. Мучительно не хотелось спать. Но, боясь гнева воспитательниц, лежали тихо. Зато, когда они выходили из комнаты, начинался гвалт: мы кидались подушками, будили спящих. Возвратившись, воспитательницы обычно пронзительно кричали, выясняли, кто был зачинщиком, его ставили в угол. Ближе к трём часам они становились менее строгими, и можно было вполголоса переговариваться. До сих пор помню эти круглые часы на стене, на которые я постоянно смотрела в ожидании, когда маленькая стрелка будет на трёх часах, а большая — на двенадцати.

Особое место в детском саду занимали утренники и подготовка к ним. Я считалась хорошим чтецом. В этом большая заслуга мамы. Она добивалась, чтобы я читала не только без запинки, но и громко, а главное — с выражением. Сегодня этого я добиваюсь и от своих детей. Сейчас мне кажется, что родители устраивают праздник больше себе, чем детям. Ведь так приятно, когда твоё чадо успешно выступает на утреннике. Однажды я и две девочки разучили к очередному утреннику татарский танец. К танцу раздавались красивые национальные платья и калфаки. Один из них был розового цвета, другие зелёного. Та, которой доставался розовый калфак, танцевала в середине. На репетициях мне доставался зелёный головной убор, но на утреннике повезло, и я танцевала в середине. Этот случай запомнился из-за той радостной дрожи, которая охватила меня, когда, сидя на стульчике, увидела в руках приближающейся ко мне воспитательницы оставшийся розовый калфак.

Перед новогодним утренником девочкам, танцующим танец снежинок, раздавали одинаковые белые платья, которые наши мамы должны были выстирать, накрахмалить и погладить. С утра наши платья, сложенные в пакет,

куда положили и бумажку с фамилией, собрали воспитательницы. Раздали их только перед утренником. Я долго не могла найти свой пакет. Оказалось, что моё платье надела другая девочка. Всё бы ничего. Но её платье было менее белым, менее накрахмаленным, менее выглаженным. И, как её ни уговаривали, она наотрез отказалась снять моё платье. Мне очень хотелось её стукнуть. Но рядом находились наши мамы. И я надела её платье. Было очень горько. До сих пор мне жаль себя пятилетнюю. А может, исходя из того, что всё происходящее неслучайно, я расплачивалась за предыдущее везение...

В детский сад я ходила без большого желания. С явным удовольствием я осталась бы дома. Но родители работали, и оставить меня было не с кем. Вижу раннее зимнее утро, когда ещё темно, и две фигуры, большую и маленькую, освещённые высоким фонарём и отбрасывающие на блестящий снег две бледные тени. Я капризничаю, но больше для вида. Папа берёт меня на руки и какое-то время несёт. Но вскоре опускает меня на землю, и мы идём быстро. Идём торопливо, наверное, опаздываем. А впереди — жизнь...

(Продолжение в следующем номере)

Лев
Гумилёв

НАСЛЕДИЕ

Каждый день так взволнованны зори,
И одна неустанно зовёт
За тайгу, на далёкое море,
На туманный и мгlistый восход.

А другая, из розовых светов,
Поцелована смертью в уста,
И под ней лишь могила поэтов
Да Казанский собор без креста.

Дует ветер с востока, он свежий,
Скоро ичиг обуеt нога.
Скоро кровью людской и медвежьей
Будет мыться святая тайга.

Там, в Охотском неласковом море,
Я доверю свой путь кораблю.
Я молюсь на восточные зори,
А о западных только скорблю.

1934 г.

... В НЫНЕШНЕМ ИСТОРИОСОФСКОМ ЗАПАСЕ НЕТ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ КОНКУРИРОВАТЬ С ТЕОРИЕЙ ЭТНОГЕНЕЗА. НИКТО НЕ ОТВАЖИТСЯ СКАЗАТЬ, ОТКУДА БЕРУТСЯ И КУДА ДЕВАЮТСЯ ЭТНОСЫ (ЕСЛИ УГОДНО, НАЦИИ, НАРОДЫ, НАРОДНОСТИ), — НИКТО, КРОМЕ Л. Н. ГУМИЛЁВА.

АЛЕКСАНДР ПАНЧЕНКО

АЛЕКСАНДР ПАНЧЕНКО

ИДЕИ Л. Н. ГУМИЛЁВА И РОССИЯ XX ВЕКА

«Люди — организмы, живущие в коллективах, возникающих и исчезающих в исторические времена. Эти коллективы — этносы, а процесс их возникновения до распада — этногенез. У всякого этноса есть начало и конец, как есть начало и конец у человека. Этнос рождается, мужает, стареет и умирает. Обычно к истории прилагают две формы движения: вращательную, породившую в древности теорию циклизма... и поступательную, характеристика которой, увы, постоянно сопровождается оценками «выше-ниже», «лучше-хуже», «прогрессивнее-регрессивнее». Попытка их объединить породила образ спирали. Но есть и третья форма движения — колебательная. Тронутая струна на скрипке звучит и смолкает, но в её движении нет ни «переда», ни «зада». Именно эта форма движения — затухающая вибрация — отвечает параметрам этнической истории... Принцип этнологии прост. Каждый этнос — или скопление этносов, суперэтнос — возникает вследствие микромутации, изменяющей бытующий стереотип поведения, то есть мотивацию поступков, на новую, непривычную, но жизнеспособную... Возникший этнос проходит фазы подъёма активности, перегрева и медленного спада за 1200-1500 лет, после чего либо рассыпается, либо сохраняется как реликт — состояние, в котором саморазвитие уже не ощутимо».

Такова в краткой цитации теория этногенеза, созданная Л. Н. Гумилёвым. Судьба её типична для всякой новой, крупной и не праздной идеи: сначала неприятие, замалчивание, издательские препоны, иначе говоря, всяческое поношение и утеснение (притом в жёстком и подозрительном к свободному разуму обществе), затем постепенное привыкание и, наконец, признание (искреннее либо вынужденное — это дело второстепенное). Последние годы — годы торжества теории этногенеза. Она изложена в нескольких книгах Л. Н. Гумилёва,

выпущенных буквально одна за другой разными издательствами и мгновенно разошедшихся: «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «Чтобы свеча не погасла»; она изложена и в курсах лекций, которые Л. Н. Гумилёв вёл по радио и телевидению.

Отвлечённые понятия, разумеется, нераздельны с предметом — в данном случае с историей, климатом, ландшафтом, этническим окружением, этническими контактами и проч. Но отвлечённые идеи с предметом и неслиянны. Между ними — большая или меньшая дистанция. Выбор её для учёного, предпочитающего не прагматическое описание, не каталог фактов, а умозрение и толкование, — главнейшая и труднейшая задача. Если дистанция чересчур велика, наблюдатель сумеет разглядеть лишь самые общие очертания процесса, настолько общие, что его теория станет «подслеповатой» и утратит смысл. При дистанции слишком короткой есть опасность затеряться в пестроте жизни, спастись перед нею, попросту говоря, ничего в ней не понять. Удалась ли Л. Н. Гумилёву та возжеленная «мера», которую превыше всего ценил Аристотель? На мой взгляд, удалась. Во всяком случае, в нынешнем историософском запасе нет идей, которые могли бы конкурировать с теорией этногенеза. Никто не отважится сказать, откуда берутся и куда деваются этносы (если угодно, нации, народы, народности), никто, кроме Л. Н. Гумилёва. А ведь они берутся и деваются...

Каждый, знакомый с историей идей (исключая пустопорожние), знает, что с течением времени они редуцируются. Из Платона и Аристотеля, Гегеля и Канта, Шопенгауэра и Ницше остаётся не всё, но остаётся нечто (это касается и мыслителей поскромнее). Бренный человек — не Господь Бог, а лишь образ и подобие Божие, полнотой истины он не обладает, ему доступна лишь её доля. Исключений из этого правила нет. Дело в том, что отвлечённости зависят не только от силы интеллекта и духа, но также от эпохи и общества, от условий, которые выпали на долю создателя отвлечённостей. Конечно, списывать на эпоху, даже на жестокую, хамскую и рабскую, в которой довелось жить нашим отцам и нам, собственные грехи — это малодушие и лукавство. «Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» (1 Кор. 7, 22). Но воплощение дарованной человеку свободной воли, особенно воплощение творческое, совершается в эпохальной и национальной культурной ауре. Это надлежит учитывать при знакомстве со всякой теорией.

Л. Н. Гумилёву, родившемуся в 1912 году в Царском Селе в семье замечательных поэтов «серебряного века», пережившему в отрочестве расстрел отца, пришлось полной мерой хлебнуть горя. 10 марта 1938 года его арестовали (за что? — вопрос нелепый), посадили в ленинградские Кресты, дав пятилетний срок. Отбыв его «от звонка до звонка», Л. Н. Гумилёв успел и повоевать: он служил в зенитной артиллерии и брал Берлин. По возвращении в Питер для него вроде бы началась нормальная жизнь (удалось поступить в аспирантуру), но вскоре воспоследовала опала А. А. Ахматовой, по тогдашнему подлому обыкновению тотчас отразившаяся на её сыне. В конце 1947 года Л. Н. Гумилёва с формулировкой «за неучастие в общественной работе» отчислили из Института вос-

токоведения Академии наук (хотя и с аспирантскими экзаменами, и с диссертацией он управился до срока). Пришлось служить библиотекарем в сумасшедшем доме на 5-й линии Васильевского острова. Правда, в 1949 году в университете удалось защитить диссертацию, и Л. Н. Гумилёв стал кандидатом исторических наук (с 1961 года он доктор исторических наук, а с 1974-го и доктор географических наук). Но уже в начале ноября того же 1949 года его снова арестовали. Приговор гласил: десять лет. Неволя кончилась в мае 1956 года, — разумеется, «полной реабилитацией».

Пятнадцать лет, притом лучших лет, Л. Н. Гумилёв был лишён того, что составляет насущный хлеб учёного, — книг по специальности. В тюрьме и лагере не навести простейшую справку, там даже энциклопедия Брокгауза и Ефрона недоступна (в «шарашках», конечно, книгами снабжали, однако в «шарашках» Л. Н. Гумилёв не бывал). Неволя вообще несовместима с прагматическим знанием, запоминанием и заучиванием...

Неволя определяет и тематику, и, так сказать, методологию творчества, в чём всякий может убедиться при чтении писателей-узников: Кампанеллы, Максима Грека, протопопы Аввакума, Сильвио Пеллико, Варлама Шаламова, Солженицына — и Л. Н. Гумилёва. Узникам не возбраняется вспоминать, тосковать, надеяться и размышлять — о себе и близких, о друзьях и врагах, а также о высоких материях. Не возбранялось это и Л. Н. Гумилёву; он сочинял стихи, а также по силе-возможности обдумывал первую свою книгу — «Хунну» (она вышла в свет в 1960 году) — и даже писал её, когда его освободили от общих работ. Л. Н. Гумилёв — долголетний узник, он судьбою был обречён либо на художественное творчество, либо на отвлечённости. Попробовав то и другое, он сосредоточился на отвлечённостях. Теперь ясно, что он сделал правильный выбор...

В функциональном смысле его теория этногенеза — это здравая и мужественная оппозиция тому учению, которое «всесильно, потому что верно». Тюрьмы и лагеря не всех сломили. Лучших они закалили, научили самостоянию, укрепили в борьбе. В теории этногенеза есть также эмоциональная сторона. Эта теория утешительна: если этносы, подобно людям, рождаются и умирают, если так было и так будет, то нечего бояться, ибо есть вещи похуже смерти, её-то больше всего страшилось «всесильное» учение, так страшилось, что запрещало описывать смерть. В этом было предчувствие неизбежной гибели.

Мир его праху.

г. Санкт-Петербург

«ОТ РУСИ ДО РОССИИ»

(Москва, «Институт ДИ-ДИК», 1997 г.)

Из предисловия к книге

Сегодня в нашей стране наблюдается небывалый рост интереса к истории. Чем он вызван, на чём основан? Часто можно слышать, что, запутавшись в проблемах современных, люди обращаются к истории в поисках выхода из тяжёлых ситуаций, как говорили в старину, «за поучительными примерами». Пусть так, но в таком случае интерес к истории свидетельствует и о другом: современность и история воспринимаются большинством наших соотечественников как принципиально разные, несовместимые временные стихии. Часто история и современность просто сталкиваются лбами: «Нам интересна только современность и нужно знание только о ней!» Похожие суждения можно услышать и в учёном споре, и в беседе за чаем, и даже в базарной склоке...

И ведь мало кому приходит в голову, что в своё время прошлое тоже было современностью. Значит, видимое постоянство современности — обман, и сама она ничем не отличается от истории. Всё хвалёное настоящее — лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху пунических или наполеоновских войн. И как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история — реальна. Для неё характерна смена эпох, когда внезапно рушится равновесие народов и держав: малые племена совершают великие походы и завоевания, а могучие империи оказываются бесильными; одна диктатура сменяет другую, а вчерашние боги оказываются ничёмными истуканами. Чтобы понять исторические закономерности, работали поколения настоящих учёных, книги которых до сих пор находят своего читателя.

Итак, история — это постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности. Взглянув в каждый отдельный момент на определённую территорию, мы видим как бы фотографический снимок — относительно устойчивую систему из взаимосвязанных объектов: географических (ландшафтов), социально-политических (государств), экономических, этнических. Но как только мы начинаем изучать не одно состояние, а множество их, то есть процесс, картина резко меняется и начинает напоминать скорее детский калейдоскоп, а не строгое картографическое изображение с сухими надписями...

В прошлом веке, в эпоху бурного развития теории эволюции, как до, так и после Дарвина, считалось, что отдельные расы и этносы образуются вследствие борьбы за существование. Сегодня эта теория мало кого устраивает, так как множество фактов говорит в пользу иной концепции — теории мутагенеза. В со-

ответствии с ней каждый новый вид возникает как следствие мутации — внезапного изменения генофонда живых существ, наступающего под действием внешних условий в определённом месте и в определённое время. Конечно, наличие мутаций не отменяет внутривидового процесса эволюции: если появившиеся признаки повышают жизнеспособность вида, они воспроизводятся и закрепляются в потомстве на достаточно долгое время. Если это не так — носители их вымирают через несколько поколений.

Теория мутагенеза хорошо согласовывается с известными фактами этнической истории. Вспомним... пример миграций в I-II вв. н. э. Мощное движение новых этносов имело место сравнительно недолго и только в узкой полосе от южной Швеции до Абиссинии. Но ведь именно это движение погубило Рим и изменило этническую карту всего европейского Средиземноморья.

Следовательно, начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан с вполне определённым генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории — пассионарность. Пассионарность — это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовём таких людей пассионариями.

Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это. Это они организуют далёкие походы, из которых возвращаются немногие. Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, а любые усилия живого организма связаны с затратами некоего вида энергии. Такой вид энергии был открыт и описан нашим великим соотечественником академиком В. И. Вернадским и назван им биохимической энергией живого вещества биосферы.

Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т. д. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.

Но уровень пассионарности в этносе не остаётся неизменным. Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза — фаза пассионарного подъёма

этнoса, вызванная пассионарным толчком. Важно заметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создаётся спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Группа этносов в одном регионе создаёт суперэтнос (так, Византия — суперэтнос, возникший в результате толчка в I в. н. э., состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV в.). Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза.

Наибольший подъём пассионарности — академическая фаза этногенеза — вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть самим собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резнёй, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается, ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовём фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но внешний расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не её подъёму. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие.

Этнос начинает жить «по инерции», благодаря приобретённым ценностям. Эту фазу мы назовём инерционной. Вновь идёт взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии — люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того, как субпассионарии проедят и пропьют всё ценное, сохранившееся от героических времён, наступает последняя фаза этногенеза — мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создаёт новый, давая начало очередному витку этногенеза — процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.

Из послесловия

...Этническую историю любой страны, то есть историю населяющих её народов, нельзя рассматривать так, как мы рассматриваем экономические отношения, политические коллизии, историю культуры и мысли. Не составляет исключения и история России, изложенная в этническом аспекте: её невозможно представить в виде линейного процесса, идущего от Рюрика до Горбачёва. События этногенеза народов нашего Отечества составляют историческую канву жизни по крайней мере двух разных суперэтносов. Поэтому необходимо различать историю Древней Киевской Руси (с IX до XIII в., включая и историю Новгорода до его падения в XV в.) и историю Московской Руси (с XIII столетия до наших дней). При этом ключевым периодом для понимания отечественной исторической судьбы являются три века: XIII, XIV и XV, — когда русская действительность формировалась как результат интерференции (наложения) двух разных процессов этногенеза. Финальная фаза этногенеза Киевской Руси сочеталась с начальным, инкубационным периодом истории будущей России, и это сочетание придало столь трагическую окраску времени Александра Невского, Дмитрия Донского и Василия Тёмного.

Знали ли современники этих великих государей, что они живут в эпоху смены традиций? Конечно, нет! Распад древнерусской государственности, распри князей, литовские и татарские набеги, необходимость платить ханский «выход» и княжеские пошлыны... Казалось, будто тяжелее времени и быть не может. Именно такое бытовое мироощущение эпохи осталось зафиксированным в литературных источниках XIII в. и перекочевало в последующие исторические сочинения. С точки зрения традиционной историографии, это было правильно, но в том-то и дело, что, используя методы гуманитарных наук, иного вывода получить было невозможно... Для того, чтобы достигнуть обобщения фактов исторической действительности, необходимо учитывать их в «чистом виде», отслоенные от литературных источников и подвергнутые сравнительной исторической критике. Такой метод принадлежит уже не гуманитарным, а естественным наукам. Именно его и применяет историко-географическая наука об этносах — этнология, в основе которой лежит пассионарная теория этногенеза.

При использовании естественнонаучной методики можно видеть недоступное взгляду современников — истинный характер той или иной эпохи. Он открывается исследователю при взгляде на длинный событийный ряд с известного временного расстояния. Оценивая таким образом отрезок русской истории XIII-XV вв., можно убедиться, что именно в этой эпохе лежат подлинно начальные пласты нашей истории. По отношению к ним всё предшествующее есть законченная историческая традиция славянского этногенеза, а все последующие — трансформация некогда возникших поведенческих стереотипов и культурных доминант.

Анализируя этническую историю Руси — России, необходимо принимать во внимание этногенезы всех народов нашей Родины. Каждый из этих этносов, обладая своим этническим возрастом и соответствующим ему пассионарным потенциалом, оказывал мощное влияние на ход этногенеза всего суперэтноса.

И, только учтя весь спектр этнических контактов и их социальных последствий, можно приблизиться к истинному представлению о прошлом Отечества.

Используя основную характеристику этнической истории — уровень пассионарного напряжения, — легко обобщить различия между Киевской и Московской Русью, указать на два разных потока русской истории... Этногенез Московской Руси — России только в XX в. подходит к тем финальным фазам, в которых прошла вся история Киевской Руси. Москва не продолжала традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов, — системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности...

Новая система поведения, созданная на старой идеологической основе — православии, — позволила России сказать своё слово в истории Евразии (здесь под Евразией понимается не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре его суперэтнос с тем же названием). Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Жёлтого моря до Чёрного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса.

Объединённой Евразии во главе с Россией традиционно противостояли: на Западе католическая Европа, на Дальнем Востоке — Китай, на Юге — мусульманский мир. В отличие от ландшафтов Западной Европы ландшафты Евразии очень разнообразны. А ведь для любого народа крайне важны связи с родным ландшафтом, который определяет систему хозяйства. Этнос приспособлен к своему ландшафту, ему удобно в нём. Если же ландшафт изменяется радикально, то радикально меняется и этнос. При изменениях ландшафта, превышающих определённый критический порог, на месте старого этноса появляется новый.

Разнообразие ландшафтов Евразии благотворно влияло на этногенез её народов. Каждому находилось приемлемое и милое ему место: русские осваивали речные долины, финно-угорские народы и украинцы — водораздельные пространства, тюрки и монголы — степную полосу, а палеоазиаты — тундру. И при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых. Поэтому в Евразии политическая культура выработала своё, оригинальное видение путей и целей развития.

Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определённый образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно. Таким образом обеспечивались и права отдельного человека. Вспом-

ним, например, что после присоединения Поволжья, Урала и Западной Сибири в армии московских царей, наряду с полками иноземного строя, стрельцами, дворянской конницей, появилась «низовая сила». На кочевников, служивших в армии, почти не расходовали денег, они жили за счёт своей добычи и в маневренных войнах были довольно удачливы. С их помощью Алексей Михайлович освободил от Польши Украину и тем самым спас её от уничтожения.

Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединённая Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами — пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения.

Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт. Так называемые цивилизованные страны относятся к иному суперэтносу — западноевропейскому миру, который ранее назывался «Христианским миром».

Возник он в IX в. и за тысячелетие пришёл к естественному финалу своей этнической истории. Именно поэтому мы видим у западноевропейцев высокоразвитую технику, налаженный быт, господство порядка, опирающегося на право. Всё это — итог длительного исторического развития.

Конечно, можно попытаться «войти в круг цивилизованных народов», то есть в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не даётся даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция.

Этот простой, казалось бы, вывод можно сделать, лишь руководствуясь верными исходными посылками. А мы почему-то никак не хотим признать очевидного: основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания — она в эмоциях: симпатиях-антипатиях, любви-ненависти. И направление этих симпатий-антипатий вполне обусловлено для каждого этноса. Оценивать данное явление можно как угодно, но от этого оно не станет менее реальным.

Отсюда следует, что история и география человеческого поведения должны изучаться нами так же, как изучаются, к примеру, история дипломатии и география транспорта.

МУСАГИТ ХАБИБУЛЛИН

... Как ни странно, но некоторые события, пережитые нами в XX веке, находят себе объяснение в далёкой истории, где они причудливо переплетаются с истинной, но истина их преодолевает.

Л. Н. Гумилёв

Заступник

Видно так уж было угодно судьбе, что в 1969 году мои земляки, уехавшие из Азнакаева в Таджикистан, пригласили и меня с семьёй поменять место жительства. Золотых гор не обещали, но заверили, что и мне, и жене будет работа и даже квартира. Мы решились. Собрались да поехали. Приехав в пригородный шахтёрский посёлок Чорух-Дайрон, действительно устроились на работу. Здесь, в пригороде Ленинабада жили и работали в основном татары, приехавшие из разных краёв. Давно известно: где тяжёлая работа — там и татарин.

До сих пор удивляюсь своей решимости. Ведь можно сказать — «рванули» на край света. Но всё равно в итоге оказалось, что меня туда привела судьба. Когда преподавал в школе историю, я повстречался с одним татарским аксакалом. Он, человек благородного происхождения, уже давно покинул свою родину, Оренбуржье, сбежав от принудительной христианизации. Какое-то время он

был имамом в городе Оренбурге. И здесь продолжал служить Аллаху. Он пригласил меня на чай. Дом его был наполнен старинными книгами. Имам Мухамеджан перевёл для меня свои записи на кириллицу, а при расставании подарил несколько томов учёного В. Бартольда.

Мухамеджан-ага стал моим учителем. Я начал брать у него уроки. Они были посвящены настоящей, истинной истории татарского народа. Об этой истории я стал рассказывать и своим ученикам. Русских в классе было мало. В основном учились таджики и татары, но были и украинцы, узбеки, киргизы. Я был рад появившейся возможности дать ученикам истинные сведения о наших предках. Дети меня внимательно слушали, но кто-то рассказал директору об уроках не по программе, а директор, как человек много повидавший, сказал мне: «Дети вас любят. История похожа на запутанные сети. Рассказывайте, лишь бы не было вреда».

* * *

А жизнь снова сделала крутой поворот. И я вновь решил, что это знак судьбы. Уже позднее, когда начал писать исторические произведения, я пришёл к выводу, что великих учителей мне посылает сам Аллах. В один прекрасный день меня вызвал к себе директор.

— Мусагит Мударисович, к нам приехал известный учёный, он согласился встретиться с учителями города. Пожалуйста, сходите, послушайте его.

Я сразу же согласился, будто знал, что услышу нечто новое о предках татар. Так и случилось — интуиция меня не подвела. Встреча проходила в большом дворце древнего города. Лекцию читал тюрколог Лев Николаевич Гумилёв, имя которого мне было уже знакомо. О нём рассказывал мне Мухамеджан-ага. Лев Николаевич читал лекцию красивым приятным тембром, немного картавя. Я слушал и слушал. Хотелось, чтобы некоторые слова он повторял снова и снова. Историю нынешних татар он начал с «хуннов» (европейские историки их называют «гуннами»), живших в древнем Китае. О герое гуннов Атилле, его последователе хане Кубрате, одним из первых в VII веке построившем государство в Восточной Европе, он рассказывал особенно вдохновенно. По крайней мере, так показалось мне. Тем самым он ещё сильнее разжёл мой интерес к истории. После лекции многие хотели задать вопросы, но представитель райкома, организовавший встречу, не позволил этого сделать, сказав, что у учёного мало времени, что он торопится на самолёт. По-моему, чиновник просто испугался, что всесторонне подготовленному учёному зададут ненужные вопросы. Впрочем, этот человек исчез сразу, как только закончилась лекция. Я тут же поспешил в коридор, вышел навстречу учёному и только открыл рот, чтобы задать вопрос, но гость оказался проворнее. «Откуда такой народ здесь?» — спросил он, дотронувшись пальцем до моей груди.

— Из Татарстана я, Лев Николаевич. Хотел бы с Вами познакомиться. Я интересуюсь историей татар.

— Казанский татарин, значит, — сказал он по-татарски. — Вот ты-то и есть внук Кубрат-хана! А он впервые в Восточной Европе создал государство Великая Булгария. Волжская Булгария — это осколок древних гуннов-татар. Каждый народ начинает свою историю от какой-либо личности. Хотя история древних татар очень далека, с Алтая, но история казанских татар начинается с Кубрат-хана. Запомните это, молодой человек! Древние хунн-татары ещё в 156-м году нашей эры перекочевали в Предуралье и Поволжье... Это точная дата, её подтверждают и древние источники.

— Я писатель, у меня есть книги...

Он подошёл ко мне очень близко и снова сказал:

— Вот Вам совет бывалого человека: пишите исторические произведения. Через художественные произведения история того или иного народа скорее доходит до сознания читателя. Вы, наверное, рано или поздно вернётесь в Татарстан. Вот и приезжайте ко мне в Ленинград, от Казани — рукой подать. Я дам Вам исчерпывающие ответы о ваших предках. А пока возьмите мой труд о хуннах.

Он взял книгу из рук молодого человека, стоявшего рядом с ним и, поставив автограф, протянул мне свой первый труд «Хунны в Китае». И ушёл, беседа с провожавшими его людьми.

Вот так я встретился с великим учёным Львом Николаевичем Гумилёвым, заступником татарского народа. Спрятав книгу с автографом за пазуху, я, словно на крыльях, вернулся в школу. Радостный, зашёл к директору, поблагодарил его за то, что он предложил мне сходить на лекцию.

* * *

Ещё через год, снова неожиданно, председатель Союза писателей Татарстана Заки Нури и главный редактор журнала «Казан утлары» («Огни Казани») Гариф Ахунов пригласили меня на работу в Союз писателей. Таким образом сбылось предсказание Льва Николаевича о моём возвращении на родину.

В моей жизни открылась новая страница. Я снова сделал вывод, что это знак судьбы. Слово меня водил за собой дух наших предков. В Союзе писателей я взял творческую командировку и поехал в Ленинград. Сперва, узнав у ленинградских коллег телефон Льва Николаевича, позвонил ему. Когда услышал в трубке его слегка картавый голос, сказал, что я тот татарский парень, которому он в Таджикистане подарил свою книгу «Хунны в Китае».

— А-а, внук Кубрат-хана, — сказал он по-татарски и, тут же, перейдя на серьёзный тон, словно встретил давнего знакомого, посоветовал непременно посетить Эрмитаж. — Зайдёшь к Борису Борисовичу Пиотровскому. Он там самый главный начальник. Я ему позвоню — дескать, придёт мой

ученик, и попрошу показать богатства Кубрат-хана. Потом позвонишь мне, расскажешь. Тебе есть где жить?.. Нет? Борис Борисович даст мой адрес. Из Эрмитажа напрямик приедешь ко мне. Договорились?..

— Договорились, — сказал я, немного смутившись. Однако с радостью взял в ленинградском Союзе писателей направление и в тот же день побегал в Эрмитаж...

Борис Борисович при встрече со мной встал и вышел из-за стола. Мы поздоровались обеими руками. Я протянул ему направление. Он взглянул на него и вызвал по селектору гидов:

— Покажите сокровища Кубрат-хана, которые находятся в запасниках, и дайте этому молодому человеку все сведения о них.

Парень и женщина повели меня на нижний этаж, где за толстыми железными дверьми хранились дорогие сокровища. Я не стану писать о том, как я пораился, не знал, что делать, сгорая от желания прикоснуться к каждому экспонату — это невозможно объяснить словами. Гиды сказали, что простые люди лишены возможности увидеть эти сокровища. Показывают только учёным, да и то лишь тем, кто занимается именно этой областью. «Вы молодой учёный?» — спросили они. Я лишь сказал, что являюсь молодым писателем. Около двух часов мы смотрели экспонаты, затем вернулись в кабинет Бориса Борисовича. Гиды отдали ему материалы и ушли. А Борис Борисович пригласил меня попить чаю. Я подарил ему книги Габдуллы Тукая и Мусы Джалиля. Взяв в руки книги, он немного полистал их и спросил:

— А сам-то что собираешься писать?

Я сказал, что хочу написать о Кубрат-хане.

— Один из лучших способов донести до читателя историю — сделать это через литературное произведение, — поддержал меня Борис Борисович. — Я вот тоже выпустил сборник. Подарю-ка Вам. История древних народов Востока. Здесь — труды различных учёных, работающих в данной области.

За чаем я узнал, что Пиотровский всю свою жизнь работает в Эрмитаже, в следующем году уходит на пенсию.

Зазвонил телефон. Это был Лев Николаевич, он просил Бориса Борисовича проводить меня. Борис Борисович распорядился насчёт машины, и шофёр с ветерком помчал меня по Ленинграду. Шофёр всю дорогу рассказывал о своей родной деревне. Он оказался мишарином:

— Вы, наверное, святой, вас и Борис Борисович полюбил. Я сам, брат, с пензенских краёв, здесь служил в армии, познакомился с татарской девушкой и стал у неё жить. Отец мой хоть сперва и изводил себя, говоря, что прийти жить в дом к женщине — что в огонь войти, но потом смирился. Радует, что невестка обходительная. Сами каждый год приезжают в гости. Привожу их в Эрмитаж. Диву даются, брат. У меня два сына, оба у родителей в деревне растут, пусть по-татарски разговаривать учатся. Хорошо говорят. Жена рада — сама по-татарски не знает, а сыновья только так болтают. Тебе, брат, ведь ко Льву Николаевичу?.. Они с Борисом Борисо-

вичем закадычные друзья. Когда Лев Николаевич приходит, целый самовар опустошают. Говорят, говорят, спорят. Но никогда у них на столе я не видел алкоголя. Прямо святые...

Лев Николаевич дверь мне открыл сам. В пижаме, один. В доме больше никого.

— Здравствуй, внук Кубрат-хана, — улыбаясь, сказал он вновь по-татарски. — Раздевайся, проходи. Откуда я знаю татарский? 15 лет заключения принесли пользу, они ушли на изучение татарской истории. Там вместе со мной сидели ваши учёные. Все они разговаривали по-татарски. Впрочем, всё это потом. А сейчас будем пить чай.

Он проводил меня в рабочий кабинет, а сам отправился на кухню. Я застыл, увидев книжные полки, находящиеся везде: на стенах, под столом, в углах комнаты. Где какая книга находится, знает, вероятно, только хозяин.

Так и оказалось. После угощения учёный достал с полки, известной только ему, папки с записями, книги, написанные и арабской вязью, и кириллицей, дореволюционные книги на русском языке. И всё это — об истории моих предков. В итоге протянул мне папку с материалами о Кубрат-хане. И добавил:

— Там есть материалы, и прошедшие, и не прошедшие цензуру. Однако писателю одних материалов недостаточно, ему нужны и другие качества. Думаю, они у тебя есть. Иначе ты не появился бы здесь.

Тогда я показал ему свою книгу «Водовороты», вышедшую на татарском языке в Казани и на русском в Москве. Он пролистал обе, в итоге поставил их рядышком и посмотрел мне в глаза.

— Вижу, собираешься заняться большим делом. Если хочешь писать о Кубрат-хане, то перво-наперво ты должен чуть ли не пешком обойти Таманский полуостров. Я так писал свой труд «Открытие Хазарии». Повидай, отложи в памяти владения тюрского героя седьмого века. Как великий завоеватель, ваш Кубрат-хан был неординарной личностью. Он жил в эпоху, когда христианство и мусульманство твёрдо вставали на ноги, хотел всё понять. Большинство наших учёных тенгрианство у тюрков приравнивают к язычеству. Думаю, что это ошибка. В каждой религии можно увидеть прообраз Тенгре. Думаю, что Кубрат-хан должен стать главным героем твоего романа. Все остальные герои пусть вращаются вокруг него.

Лев Николаевич смотрел-смотрел на меня и рассмеялся:

— Какое же удовольствие — учить писателя писать! Но что поделаешь — исторический роман должен брать курс на правдивость. Академики, пишущие историю, обычно основываются на политике империи, то есть осознанно идут на ложь, ведь их кормит государство. Никому не хочется остаться без куска хлеба. А художественная литература — совсем другое дело. У неё намного выше сила убеждения, она в образах, в характерах героев, живших в ту или иную эпоху.

Я осмелился перебить Льва Николаевича:

— Я ещё только мечтаю написать об этом книгу.

— Самое главное для писателя — уметь мечтать. Это очень хорошее качество. Как у вас говорят? Иншалла? — рассмеялся он и положил руку мне на плечо. — Я готов стать твоим помощником. История тюрско-татарских народов богата, она лишь только начинает к вам возвращаться.

Вошла женщина, поздоровалась с нами и начала что-то готовить на кухне. Лев Николаевич, как ни в чём не бывало, продолжал рассказывать и в конце сказал:

— Мне надо сходить в университет, у меня там пара лекций. Мы сейчас пообедаем тем, что приготовила Марфа, и расстанемся. Ты оставайся здесь. Просмотри материалы, касающиеся татар. Отбери нужные.

Мы зашли на кухню. Марфа накрыла на стол. Когда мы кушали, она ходила туда-сюда: то чай нальёт, то ложки подаст. Затем встала в дверях и, скрестив руки, спросила у Льва Николаевича:

— Что принести на вечер?

— Вечером не приходи, мы идём в гости, — сказал Лев Николаевич...

Они ушли почти одновременно. Я остался один в квартире, среди целого кабинета книг. Глаза разбегаются, хочется, если не прочесть, то просмотреть и пролистать всё. Но нельзя объять необъятное. Я начал с книг, касающихся татар. Лев Николаевич всё не возвращался, и я, устав, заснул прямо за столом. Когда проснулся, Лев Николаевич уже был дома, он поставил чай, накрыл на стол и сразу позвал меня.

— Не смущайся, — сказал он с улыбкой. — Бывает, и я засыпаю, положив голову на стол. Вот радуюсь, наконец появилась возможность поговорить по-татарски. А то я некоторые слова уже забывать стал. — Он какое-то время сидел, глядя на меня. — Вот что я хочу тебе сказать. История татар не менее богата, чем история русских. Вместе они — фундамент России. Впрочем, ладно. Давай собираться в гости. Нас приглашает историк Габдрахман Тагир. Он хочет тебя видеть. В Татарстане становится всё меньше таких смельчаков, как ты. А Тагирзян всё готов отдать за сынов татарского народа, интересующихся историей. Его можно назвать внуком хана Атилы, за свой народ он готов пойти в огонь и воду. Мне он тоже нашёл много материалов о татарах. Спасибо ему...

Когда Лев Николаевич вёл разговор о татарах, у меня перед глазами прошла судьба нашего уважаемого писателя Амирхана Еники, который был из рода «чабаталь алпавыт» (лапотных помещиков), вынужденных мигрировать во время насильственной христианизации. Одна ветвь этого рода принимает христианство, вторая, к которой относился отец Амирхана Еники, бежит в Башкирию и остаётся там жить в бедности...

Габдрахман-абый встретил нас прямо на пороге.

— Проходите, проходите, добро пожаловать. Лёва, ты проводи гостя в комнату, а я дам кое-какие указания Марфуге-апе.

Странная штука жизнь. Кто я и кто эти всемирно известные учёные? Диву даюсь. Я ведь простой деревенский парень. Перед ними боюсь даже рот раскрыть.

Тем временем к нам вышла какая-то женщина, поздоровалась с нами, поинтересовалась здоровьем Льва Николаевича, потом посмотрела на меня.

— Габдрахман сказал, что ты казанский ученик. Очень хорошо. Оказывается, интересуешься историей. Надо же, как повезло, самому арыслану («арыслан» по-татарски «лев» — *прим. автора*) попался. А он на Вас, Лев Николаевич, даже немного похож, не сын ли? — пошутила она и так залиvisto засмеялась, откинув голову назад, что из соседней комнаты прибежал Габдрахман-абый, чтобы узнать, что случилось.

— Сама тебе расскажу, — сказала апа и увела мужа на кухню.

Габдрахман-абый, как человек, всю жизнь изучавший историю, был неповторимой личностью. Он до такой степени изучил историю татар, древнюю литературу тюркского мира, что я не мог наслушаться, хоть и слушал его несколько часов кряду.

— Неприязнь российских историков к татарскому народу берёт свои корни не откуда-нибудь, а с Запада. Первым плохой пример подаёт царь Михаил Романов, принявший в Польше католичество. Затем севший на престол его сын Алексей начинает осуществлять заветную мечту отца. Самое удивительное, что им на помощь приходят именитые историки. Например, Карамзин, Соловьёв, Ключевский, Иловайский, Кузьмин и другие, вплоть до выходца из татар Каргалова и сбежавшего позднее в Америку Пушкарёва. Все они академики, известные люди. Однако то, что они совершили... Посеяли вражду между народами России. Их главный тезис: история — это политика. Именно тогда в России начали писать, что татары — завоеватели, что они сотни лет держали русских под игом и, основываясь на четыре-пять раз исправленной и подогнанной под политику Москвы летописи «Повести временных лет», своими предками называют варягов, в IX-X веках считавшихся мирскими ворами («донья караклары»), хоть эта летопись и появилась-то лишь в XVIII веке. А ведь варяжская кровь у нынешних русских — лишь капля в море. Родные вы мои, разве Карамзин, Соловьёв, Ключевский, Вернадский, Иловайский, Платонов, даже Бердяев до гробовой доски не продолжали писать: «Нас завоевали татары»? А варягов, видите ли, они сами позвали. Но если одни это считали святым шагом, другие говорили, что это было большой ошибкой.

Габдрахман-абый достал из шкафа книгу и открыл страницу с закладкой.

— Вот послушайте, что пишет Бердяев, в котором, кстати, текла и татарская кровь: «Всё будущее русского народа зависит от того, удастся ли победить в нём нехристианский Восток, стихию татарскую, стереть с лица русского народа монгольские черты Ленина, которые были в старой России». Дорогой Лев Николаевич, молодой писатель Мусагит, что вы можете сказать после этого?

— Я всё это знаю, Габдрахман, знаю, — отреагировал Гумилёв. — Предками Владимира Ильича является калмыцкий народ «ойрат». В конце XVI-начале XVII вв. часть этого народа переселяется с Востока в Россию. Бердяевская «татарская стихия» — это фикция. Среди татарских воинов был строжайший порядок, а слово «татар» в Ордынскую эпоху не имело этнического значения, оно означало «ордынский воин». Название ТАТАР даётся им для сохранения целостности. Именно поэтому мы с тобой, Габдрахман, и встали на защиту татар. Из того, что уже издано, ближе к истине труд «Чингисхан» калмыка по происхождению Аримзяна Карадавана...

С великим татарским учёным Габдрахманом Тагиром мне довелось встретиться ещё раз. Позднее он приезжал в Казань с целью издать книгу «От истории — к литературе». Я пригласил его в «Дом татарской кухни» на улице Баумана и угостил национальными блюдами. А профессор Миркасым Усманов написал к книге большую и содержательную вводную статью. В то время считалось большим грехом не привести в своём труде цитаты Ленина. Удивительно, но Габдрахман-абый, хорошо знавший произведения Ленина, смог так умело применить в своей книге цитаты революционного тирана, что даже редактор книги Григорий Трофимов не смог ничего сделать — пропустил всё так, как есть. Книга вышла, дошла до широкого круга читателей и в татарском мире стала своего рода жемчужиной. Габдрахман-абый смог увидеть свой труд, но, к сожалению, очень нужная для татар эта книга вышла в мягком переплёте и тиражом всего 2 тысячи экземпляров. В том же году я, решившись, начал писать роман «Кубрат-хан»...

* * *

Мы со Львом Николаевичем очень долго разговаривали об истории, после чего он, глядя на свои переполненные книжные полки, сказал:

— Человек, не знающий язык, религию, историю своих предков, напоминает дерево, высохшее от недостатка земли и воды. Я вот что могу сказать татарским историкам. Изучайте, пишите историю ваших прадедов. Я показал вам дорогу. Сейчас не спеша идите по ней — и вы всего достигнете... Учтите при этом — наш огромный континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Жёлтого моря до Чёрного. На смену тюркам пришли татаро-монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия.

Я долго думал об этих словах учёного-гуманиста. И пришёл к выводу: Россия — наш общий дом. Разве этого мало представителям каждой национальности?! Людям, болеющим шовинизмом, расизмом, я бы предложил трезво смотреть на мир... В России никто не должен чувствовать себя ущем-

лённым, иначе, насколько бы она ни была сильна, век её недолог. Об этом предупреждают уроки прошлого.

По утверждению заступника тюркско-татарских народов, авторитетного российского учёного Льва Николаевича Гумилёва наша история — история приволжских татар — хоть и соединяется с очень древними предками, алтайскими татарами, начинается в 632 году с хана Кубрата.

Кубрат-хан был потомком Атиллы, одного из великих ханов тюркоязычных народов. Атилла-хан знал имена тридцати трёх своих прадедов. Кубрат-хан вместе со своим народом строит государство на Таманском полуострове. Это было первое государство в Восточной Европе, имеющее название. У Кубрат-хана было пятеро сыновей: Батбай, Кодрак, Аспарух, Балкыр, Аслан и дочь Чечке.

В 640 году Кубрат-хан обращает внимание на Среднее Поволжье, где жили его собратья по языку. В этих местах ещё в первом и втором веках обосновались предки гуннов-тюрков. Этот сильный народ объединяется с соседними угро-финскими народами. Кубрат-хан отправляет в эти края своего второго сына Кодрака с ордой. Молодой хан Кодрак основывает здесь Волжскую Болгарию. Третий сын Кубрат-хана Аспарух, воюя с хазарами, отступает на территорию около Дуная. Там он основывает сегодняшнюю Дунайскую Болгарию. Увидев общее между нашими предками, болгарское издательство «Посоки» попросило для ознакомления мой роман «Кубрат-хан». И ознакомившись, убедившись в том, что история у нас общая, издало роман на болгарском языке.

* * *

...Мы в Крыму — на родине наших древних родичей, едем по дорожному кольцу. Волей-неволей я думаю о судьбе моих соплеменников, изгнанных отсюда крымских татарах. И у меня щемит сердце. Я вспоминаю своего коллегу, крымско-татарского писателя, который может приехать на свою родину только в отпуск, на отдых. Наверное, его сердце плачет.

Остановившись возле дома на краю деревни под названием Счастливого Свидания, я подошёл к украинскому старцу, пасущему в кукурузе корову, поприветствовал его и поинтересовался прежним названием деревни.

— Ташлыяр, батенька, Ташлыяр¹, — сказал старик и добавил, пригладив длинные усы, — Раньше здесь татары жили. Порядок был. А наш народ всё развалил. Татары виноград выращивали, диковинные фрукты, мы вот кукурузу растим да худых коров держим. Для коровы луга нужны, сочная трава, а тут одни камни. Мы со старухой прежде в Башкирии жили, ещё в тридцатые годы. Сталин проклятый погнал на Урал. Когда нам сказали, что

---

1 Ташлыяр — в переводе с татарского «каменистый берег»

в Крым вербуют, мы со старухой ближе к Украине перебрались. И тут застряли. Состарились. Вот весь мой сказ, батенька...

Я очень долго смотрел на белобородого украинского старика, уехавшего от башкирской суматохи в Крым и занявшего готовые дома крымских татар, чтобы быть ближе к своей родине. Старик, когда-то изгнанный со своей родной земли, хоть и хотел попасть на родину — в рай, так и не смог вернуться в родные края, остался на крымскотатарской земле. Я попросился со старцем, которого политика империи согнула в три погибели, и поспешил своей дорогой.

* * *

Мы в пути на Таманский полуостров, ведь моя цель — увидеть владения хана Кубрата. Дорога очень долго идёт через степь. В Керчи мы посетили музей Айвазовского, почерпнули вдохновение из бессмертных картин великого художника. Дальше мы из Керчи на пароме направились на Таманский полуостров.

Вот она, земля наших древних предков!

Уже нет города Фанагория, который я хотел бы увидеть, осталась только маленькая деревня под названием Сенная. В небольшом доме есть музей. Зайдя в него, я поздоровался с сидящей там немолодой женщиной, представился и спросил:

— Куда делся вошедший в историю древний город Фанагория?

Похожая на татарку, но одетая в украинскую одежду Наталья Ивановна ответила:

— Поменяли это название. Деревню называли Сенной казаки, косившие сено для государственных лошадей. Они каждое лето приезжали сюда, на Ханский луг. Мне новое название тоже не нравится, но что поделаешь — у нас никто не спрашивает... Никого не интересуют не только наши имена, но и наши корни. Вот видите, здесь каждый экспонат подтверждает — в древние времена здесь жили татары.

— А в ещё более древние времена, Наталья Ивановна, здесь жили наши прадеды булгары, — сказал я.

— Да не поймёшь, всё перевернулось вверх ногами. Моя мама тоже говорила, что бабка моя из тюркских булгар... А Вы кто?

— Мои древние прадеды жили здесь, а основатель этого города — хан Кубрат.

— Батюшки, дай-ка я вам чай поставлю. Куда ещё направляетесь? А я ведь, батенька, понимаю вас, мои предки тоже говорили на вашем языке.

— Татарами были?

— Нет, болгарами, но говорили всё равно что по-татарски. Потом их крестили.

Наталья Ивановна напоила нас чаем с сахаром. Я хотел ей заплатить, но она, подняв обе руки, категорически запротестовала:

— Что вы, я очень рада была вас видеть, угостить. Выходит, что мы — земляки, из одного корня. И Бог у нас один... Только судьбы разные... А от судьбы не убежишь, так говорят мудрые люди.

Мы поблагодарили Наталью Ивановну и направились к выходу. Я вновь обратил внимание на то, что названия многих экспонатов здесь основаны на татарском языке, начиная с корсака (степной лисы) и заканчивая чугунком возле печи...

Выйдя на побережье, мы остановились на невысокой, но довольно обширной возвышенности возле моря. Я коротко рассказал детям:

— Какой бы народ не жил здесь, все они использовали эту возвышенность для продажи рабов. Их в основном покупали купцы из Рима, халифы. Красивых девушек за большую цену продавали во дворцы великих шахов. Наши красавицы с золотыми волосами и белой, словно фарфор, кожей, украшали дворцы римских сенаторов, а с появлением халифатов — гаремы халифов. Всё это давно засыпано семью слоями земли. А нам нужно добраться до города Тимерук, который основал хан Кубрат.

Дорога в город Тимерук лежит через озёра. В этих водоёмах наши прадеды ловили рыбу. Ведь неспроста хан Кубрат во время приёма византийских послов приносит в жертву рыбу. Город Тимерук небольшой, с одной его стороны течёт Терек. Именно об этой реке говорил мне Лев Николаевич: «Живая она, живая река» («тере» — по-татарски «живая»). Терек неспокоен, и весной, и после сильного дождя меняет своё русло. Поэтому древние не селились близко к реке, выбирали место повыше. И город Тимерук тоже стоит на возвышенности.

Город Тимерук, основанный ханом Кубратом, находится у самого Ханского луга. Нас больше всего удивило то, что здешние люди внешне похожи на казанских татар. Потрясающе. В магазине хочется говорить по-татарски, девушки-продавцы — точь-в-точь наши татарки, но разговаривают на украинском языке, только протяжно, даже немного нараспев. Никто к нам не обращался по-русски. Я зашёл в школу. Детей не было. Лето ведь, все на каникулах. И тут я повстречал учительницу, говорящую по-русски. Сюда приехала недавно, после окончания Московского пединститута. Она поинтересовалась, откуда мы приехали. Когда я сказал, что из Татарстана, она, склонив голову набок, долго смотрела мне в глаза, взглянула на моих дочерей. И только после этого сказала:

— А вы на татар не похожи.

Вот ведь какая история — по мнению преподавателя истории, все люди, живущие в России, должны быть похожи на русских. Мне стало и грустно, и смешно. Я понимал, что с ходу не объяснишь этой учительнице, что мы не из монгольского рода, что наши предки татаро-булгары жили и здесь, и потом на берегах Волги ещё со времён Атиллы, и жили не только в степи,

но и строили города и деревни. Мы ли виноваты, что ту же «Повесть временных лет» четыре или пять раз переписывают, исправляют, подгоняют под политику Москвы. И эта летопись издаётся лишь в XVIII в., да и то в Германии, на немецком языке. А именитый аксакал России Дмитрий Лихачёв перед смертью пишет об этой летописи следующее: «Повести временных лет» — это не история и не хроника России, а собранное из различных былин и сказаний различных веков литературное произведение». И сотни учёных и историков, таких как знаменитый Татищев, Карамзин, Соловьёв, Ключевский, Иловайский, Костомаров, Пушкирёв и другие, свято веря, что это литературное произведение — их истинная история, используют его в своих трудах как первоисточник. Какая тут может быть истина?..

И, наконец, мы вышли на окраину города, где стояли ряды улиц, чем-то напоминая наши деревни. Было на самом деле удивительно. Самое первое, что меня поразило — это Ханский луг. Он завораживает взор, далеко-далеко соединяется с горизонтом, слившимся с синим морем. До того ровное место, что не веришь своим глазам. Ханский луг... Название сохранилось, а ханы, их могилы — нет? Я видел в Ленинграде сокровища хана Кубрата, теперь смотрю на Ханский луг возле основанного им города. Этот город хан Кубрат строил для того, чтобы изготавливать стрелы. Из озёр добывали руду, а из неё делали стрелы. И ещё, я знал из трудов отца истории Геродота, что наши предки сунны-скифы держали на этом лугу скот. Вот что он пишет в своём труде «История»: «Скифы не пасут скот, они даже зимой держат скотину на этом лугу — лошадей и других животных. Военных лошадей объезжают только перед самыми походами». Полюбовавшись лугом, я остановился при выходе с улицы возле старца, сидящего на скамейке у ворот точно так же, как и наши бабаи. Поздоровался, расспросил. У старика на голове была точно такая же войлочная шляпа, как и у наших деревенских стариков. Только снова та же протяжная, распевная украинская речь. Я дал ему 100 рублей. Старик не перекрестился, а сказал спасибо, встал, поднял руки к небу, прочитал какую-то молитву и поклонился мне. Странная штука жизнь, что только не делает с людьми...

Потом он сказал, глядя на меня: «Бог един, сынок, мы все равны перед ним». И проводил нас, кивая головой. Значит, этот старик хорошо знает бога своих древних предков Тенгре, подумал я.

На этот раз мы не успели вернуться к ужину. Перекусив тем, что было, легли спать. Мне приснился старик, которого я видел в Тимеруке. Почему-то он был весь в белом, волосы и борода тоже были белыми. Он показал мне развилку дороги. Но не смог точно объяснить, по какой из дорог надо идти. Наверное, он хотел сказать, что все дороги мои. По какой бы я ни пошёл, всё равно попаду на родную землю. Я проснулся и успокоил себя тем, что у меня, слава Аллаху, есть машина, и мы как-нибудь сможем вернуться в Казань. Потом сон снова смежил мои веки, и перед глазами опять появился старик. Когда я садился в машину, он крикнул: «Все дороги ведут тебя

в хану Кубрату!» Только я не разобрал, во сне это было или наяву. Я этот сон никому не рассказывал и не истолковывал. Но сразу по возвращении из путешествия сел писать роман «Кубрат-хан».

Я написал его быстро, сам не заметил. Потом мой друг Яхья, живущий в Москве, купил себе германскую пишущую машинку. В то время не так-то просто было иметь машинку, так как люди из КГБ приходили за образцами шрифта и брали по одной странице, напечатанной на твоей машинке. Поставив на неё татарский шрифт, я тоже напечатал для них одну страницу. Только после этого я начал печатать свой роман. Он печатался с большими исправлениями. Рукопись рукописью, а напечатанный текст, оказывается, смотрится совсем иначе. Кое-что я исправил, некоторые части сократил, кое-что добавил. Потом решил дать роман работавшему в отделе поэзии журнала «Казан утлары» («Огни Казани») поэту Нури Арсланову, который очень много знал об истории татар. Он с удовольствием взял роман и довольно быстро прочёл его. Я со страхом ждал, что же скажет этот аксакал. Вечером, когда все ушли, он позвал меня в свой кабинет и, расхаживая взад-вперёд, дал и оценку, и совет:

— Понравился мне твой роман, Мусагит-брат. Я ввёл в него некоторые древние слова. Не отказывайся от них. Слово «ханша» означает «ханбикэ» («царица»). Во времена древних булгар слова «ханбикэ» не существовало. А Кубрат-хан как образ вышел очень хорошо. Предстает перед глазами великой личностью. Настоящий герой того времени. Другие образы также удачные. Обрати внимание на мои пометки, ещё раз хорошенько просмотри и носи роман в наш журнал.

Вот так дошёл до читателя мой первый исторический роман. Потом вышла книга. Редактором книги был Киям Миннебаев, пришедший работать в издательство сразу после окончания университета. Именно тогда мы с Киямом сблизились. Не так давно он покинул нас, но до последнего вздоха оставался моим другом. Ещё раньше от нас ушёл Аббар Калимуллин, не успевший издать все свои труды. После этих утрат я на какое-то время почувствовал себя так, словно мне подрезали крылья. Никак не мог заставить себя сесть за компьютер. А ведь у меня лежит начатый роман «Айбиби», хочется закончить его. Но в то самое время, когда я ходил словно в воду опущенный, я был удостоен Государственной премии имени Габдуллы Тукая. За роман «Кубрат-хан», вышедший на русском языке. А в 2008 году я был удостоен звания народного писателя. У меня будто снова стали вырастать крылья.

И молодые писатели меня не забывают, приглашают на встречи с читателями. На них я рассказываю, что меня никто не учил писать литературные произведения. Этому невозможно научиться, это идёт от Бога. Иногда берёшь в руки свою книгу и удивляешься — неужели это ты написал? Видя некоторые нескладные предложения, огорчаешься, думаешь, что сейчас написал бы иначе. Но я до последнего стремлюсь оставаться верным благо-

словениям, полученным от учёных Льва Гумилёва и Габдрахмана Тагирзянова, а также повстречавшегося мне в Таджикистане имама Мухамеджана. Насколько мог, стремился через свои произведения донести до народа нашу истинную историю. В какой степени мне это удалось, решать не мне, а моим читателям.

История татарского народа начинается с древних времён. И если в XVIII в. такие известные просветители, как Ш. Марджани, Г. Курсави, Х. Фаетханов, К. Насыйри, Газиз Губайдуллин, Хади Атласи, стремясь внести ясность в историю, сумели разбудить ото сна народ, то родившийся в XIX в. уважаемый, большой учёный Ризаэддин Фахретдин с помощью своих содержательных произведений смог разбудить такого парня, как я, родившегося в деревне и полжизни проводшего среди русских. Также мой современник Нурихан Фаттах произведениями «Итиль-река течёт» и «Свистящие стрелы» положил начало жанру исторической литературы. Я, как мог, продолжил это дело через призму своего восприятия. Теперь по этой дороге идут такие опытные писатели, как Вахит Имамов, Рабит Батулла, Фаузия Байрамова, Равил Валиев, Султан Шамси, Марат Амирханов. Поэт-прозаик Марсель Галиев в своих поэтических и исторических одах смог эмоционально и впечатляюще изобразить славное прошлое наших предков. Он, начиная с эпохи хана Атиллы, объяв период правления великого Чингисхана, превознося до небес нашу святую книгу Коран, обращается в своей поэтической оде через небесный проблеск молнии к дорогому татарскому народу, к каждому человеку, в котором течёт татарская кровь, — проснись, храни свою родину, своё имя, свой родной язык. Храни и гордись... В конце концов, этот проворный парень перевёл на татарский язык и издал книгу «Чингисхан» калмыцкого историка Аримзяна Карадугана. Спасибо ему. До того я смог познакомиться с этой книгой лишь на русском языке.

Прежде чем взяться писать об истории наших предков, мне пришлось прочесть труды очень многих историков, которые мне предложил мой учитель Лев Николаевич. Конечно, в первую очередь, его собственные. Моими настольными книгами всегда были труды Эдуарда Паркера «История татар, вернувшись на 1000 лет», «История возникновения великого народа», книга Горальда Лэмба «Чингисхан». Российские историки В. В. Бартольд, А. Баскаков, Н. М. Карамзин, Д. Иловайский, Б. Я. Владимирцов, М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев, мой соплеменник Мурад Аджи также от чистого сердца писали книги о наших предках. Спасибо им. В деле восстановления истории мне протянули руку помощи и археологи Альфред Халиков, Гайнутдин Ахмеров, Азгар Мухаммадиев, Гамир Давлетшин, Нурулла Гариф.

Каждый писатель в своих произведениях описывает исторические события, исходя из своей точки зрения. Это нормально. Все мы воспитывались в одной среде, вполне возможно появление разных произведений на одну тему. Благодарю Аллаха, в последнее время увеличилось количество писателей, интересующихся историей наших прадедов. Что меня радует, так

это то, что наши учёные начали писать довольно объёмные объективные труды, основанные на древних исторических сведениях, на достижениях археологии.

Всё это говорит о том, что мы начали нравственно очищаться. Когда-то Лев Николаевич сказал мне: «У народа, не имеющего истории, нет будущего». Верно сказал. И я рад, что сегодня мы можем с полной уверенностью открывать настежь врата истории не только для своих детей, но и для следующих поколений.

* * *

Я не смог быть на похоронах Льва Гумилёва, своего учителя, который научил меня очень многому. Но при первой же возможности приехал в Ленинград. Очень долго стоял возле дорожного моему сердцу дома.

Я тронут до глубины души и следующим фактом. По инициативе Президента Татарстана Минтимера Шариповича Шаймиева, по-отцовски заботящегося о своём народе, на доме в Ленинграде, где жил Лев Николаевич, установлена мемориальная доска. А накануне празднования тысячелетия нашей Казани великому учёному был воздвигнут настоящий памятник в центре города. Так, словно он восстал из-под земли. По-моему, его поднял дух татарского народа. На этом памятнике написаны следующие слова Льва Гумилёва: «Я, русский человек, всю жизнь защищал татар от клеветы». Лучшей скрепы между двумя народами, живущими вместе, быть не может.

*Перевод с татарского
Гузель Мардановой*

*К 80-летию
Василия Шукшина*

РУССКИЙ НАРОД ЗА СВОЮ ИСТОРИЮ ОТОБРАЛ, СОХРАНИЛ, ВОЗВЁЛ В СТЕПЕНЬ УВАЖЕНИЯ ТАКИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА, КОТОРЫЕ НЕ ПОДЛЕЖАТ ПЕРЕСМОТРУ: ЧЕСТНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ, СОВЕСТЛИВОСТЬ, ДОБРОТУ... УВЕРУЙ, ЧТО ВСЁ БЫЛО НЕ ЗРЯ: НАШИ ПЕСНИ, НАШИ СКАЗКИ, НАШИ НЕИМОВЕРНОЙ ТЯЖЕСТИ ПОБЕДЫ, НАШЕ СТРАДАНИЕ — НЕ ОТДАВАЙ ВСЕГО ЭТОГО ЗА ПОНЮХ ТАБАКУ. МЫ УМЕЛИ ЖИТЬ. ПОМНИ ЭТО. БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ.

Василий Шукшин

ТВОЙ СЫН, РОССИЯ, ГОРЯЧИЙ БРАТ НАШ

*Из статьи, опубликованной в сборнике
«Шукшинские чтения» (Барнаул)*

Никому, кто пытался говорить о Шукшине, этого вопроса миновать нельзя, последнего вопроса Шукшина, который на пределе физических и нравственных сил, как стон, как отчаянный вскрик прозвучал в рассказе «Кляуза» — «Что с нами происходит?» Через месяц после того, как была опубликована «Кляуза», Шукшина не стало, и вопрос этот так и остался с нами, остался не только нерешённым, а, напротив, окрепшим за последние годы и, так сказать, возмужавшим...

Пора снова вернуться к словам Шукшина:

«Нравственность есть Правда. Не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду».

А может быть, нет оснований для такой уверенности? Что есть ныне народ и что есть правда? Не слишком ли стёрты и размыты слезами умиления эти понятия, не слишком ли много всякого, порой несовместимого, они в себя вмещают? Так ли уж знает народ правду?

Народопоклонство — тоже русская черта, но холодное и бездушное обожествление народа никогда и ничего утешительного к его судьбе не добавляло. Шукшин должен был это знать, и он не стал бы подставлять ещё одну фигуру, возвышенную и расплывчатую, из своих громких слов к памятнику, и без того переполненному подобными фигурами, если бы не был уверен в реальности...

Поэтому, говоря о народе, необходимо сразу разделить понятия. Есть НАРОД как объективно и реально существующая в каждом поколении физическая, нрав-

ственная, духовная основа нации, корневая её система, сохранившая и сохраняющая её здоровье и разум, продолжающая и развивающая её лучшие традиции, питающая её соками своей истории и генезиса. И есть народ «в широком смысле слова, всё население определённой страны», как читаем мы в энциклопедии. Первое понятие входит во второе, существует в нём и действует, но это не одно и то же. И когда Шукшин с уверенностью говорит, что «народ всегда знает правду», он имеет в виду душу и сердце народа, здоровую, направляющую её часть, а когда Фёдор Абрамов обращается с известным письмом к односельчанам, упрекая их в нерадивом хозяйствовании, он не НАРОДУ адресует свои справедливые упреки, а населению, которое составляет жизнь и труд родного ему посёлка. И составляет, кроме того, часть всего народа — как населения.

Тысячу раз прав Шукшин: «народ всегда знает правду». Ибо то и есть народ, что живёт правдой, как бы ни тяжела была эта ноша, то и есть правда, что составляет первооснову и первосмысл этого понятия, не подверженную духовной ампутации истину о человеке и его жизни. Не голую, разумеется, не чистую и формальную, а соотнесённую со временем — какова она есть.

Конечно, это не полное, больше нравственное определение народа, нравственное искомое его сути. Но сейчас оно, нравственное, самое важное. А определение правды может быть только нравственным и никаким иным. Народ, надо полагать, не только то, что уже сегодня живёт правдой, но и то, что в исканиях и блужданиях своих расположено к правде, жаждет её и примет её со временем, что в беспокойстве и сомнениях неуверенно расшифровывает в душах и памяти своей заложенные там многими поколениями духовные знаки.

«Не люби ты меня, а полюби ты моё — вот что вам скажет народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему», — это известные слова Достоевского.

Не ахти, казалось бы, какое достижение, какая победа, одержанная Алёшей Бесконвойным, — всего-то добился субботы для бани! — не столько тут на трезвый взгляд воли, сколько блажи, но посмотрите, как меняется и облагораживается человек: «Последнее время Алёша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он — любит. Стал стучаться покой в душе — стал любить».

Невелика победа, но и то давай сюда, и то сгодится, чтобы сохранить в себе человека и отстоять душу. Движение, пусть маленькое, слепое, инстинктивное, однако же, произошло — движение в благодатную, родную для человека сторону.

Моня Квасов, тот самый Моня, который изобретает вечный двигатель (рассказ «Упорный»), вскакивает однажды среди ночи, делает чертёж, и от уверенности, что получилось, редкое снисходит на него настроение: «Ничего вроде не изменилось, но какая желанная, дорогая сделалась жизнь. Ах, чёрт возьми, как, оказывается, не замечаешь, что всё тут прекрасно, просто, бесконечно дорого».

И от ложного вроде бы толчка (вечный двигатель), но и тут начало движения к лучшему в себе, к обретению духовной воли и духовной красоты.

И Генка Пройдисвет из одноимённого рассказа пристаёт к дяде не потому, что его возмущает вера дяди в Бога, а потому, что не уверен он в этой вере и боится, не ударился ли дядя из неприятия одной лжи в другую.

«—... Дядя Гриша, милый, ну зачем же ложь-то? Ведь ты же мужик, крестьянин, труженик, ну зачем же ложь-то?.. Как же жить-то, люди?! — Генка скрипелся, заплакал... Но он не злился на слёзы, они только мешали ему, он их торпливо смахивал ладошкой. — Как же нам жить-то?! Когда — раз, и соврал, ничего не стоит! А?.. Ты меня упрекаешь, все упрекают: зачем институт бросил? Не хочу врать! Раз я не чувствую, что мне это позарез надо, что же я буду притворяться-то? Мне без диплома тоже интересно жить. Но почему же... Эх!.. Я же думал, ты не способен на ложь — вообще, зачем это мужику? Мало на свете притворных людей? Куда же мне теперь идти прикажете? К кому? Бесстыдники, вот так и даёте пример... Ведь так же всё рухнуть может!»

И затем, после драки:

«—... Горько, горько, — говорил Генка, сплёвывая сукровицу. — Ах, как горько!.. Речь идёт о Руси! А этот... деляга, притворяться пошёл. Фраер. Душу пошёл насиловать... уважения захотел... Врать начал! Если я паясничаю на дорогах, — Генка постучал себе с силой в грудь, сверкнул мокрыми глазами, — то я знаю, что за мной — Русь: я не пропаду, я ещё буду человеком. Мне есть к кому прийти! — Генка закричал, как на базаре, как на жадную бессовестную торговку закричал, когда вокруг уже собрались люди и уже всё равно и не стыдно кричать. — Мы же так опрокинемся!..»

Вот это понимание, эти золотые слова о том, что мужику незачем врать, пагубно участвовать во лжи, эта истовая вера в Русь и дают нам право на самую большую надежду в судьбе своей родины и народа. И оттого, что сказаны эти слова таким непутёвым внешне, бесшабашным, неустроенным в жизни парнем, как Генка, крепче уверенность, что духовная твердыня народа там, где в глубинах народного сознания, находится по-прежнему в крепости и силе.

«Воля» — любимое слово, любимое понятие Шукшина, встречающееся у него буквально всюду. Не «свобода», а близкое человеку, родное русское «воля».

«Я пришёл дать вам волю» — называется роман о Разине. Свои самые главные, глубоко выстраданные мысли о России и о судьбе её вложил он в этот роман и до последних дней мечтал вложить в фильм, чтобы сделать их видимыми и яркими. Потому у Шукшина и терпит поражение народный герой и заступник Стенька Разин, что не верит он до конца в мужиков и начинает опасаться их, а затем и предаёт их под Симбирском, отказывается от правды мужицкого философа и мудреца Матвея Иванова.

Матвей Иванов, Фрол Минаев и Степан Разин — эти три ипостаси русского характера: в лице Фрола Минаева — разумный, до определённых пределов протест, а на деле разумное послушание, выливающееся в долготерпение; в лице Степана Разина — постоянная готовность к самопожертвованию, стихийность, даже разбойность по отношению к себе; в лице Матвея Иванова — народная основа и народная правда, которые много и тяжело страдали как от чужих, так и

от своих, и которые вопреки всем явным и тайным врагам сохранили и сохраняют Россию.

Памятный разговор происходит между Фролом Минаевым и Степаном Разиным, когда его, связанного по рукам и ногам, везут в конце романа в Москву:

— Ну, чего ты хотел-то, Степан?

— Хотел дать людям волю, Фрол.

— А чего из этого вышло?

— А чего вышло? Я дал волю, — убеждённо сказал Степан.

— Как это?

— Дал волю. Берите.

Не может быть никаких сомнений: речь идёт о духовной воле, о внутреннем раскрепощении человека, об изгнании из себя раба и осознании своей личности. В этом смысле Степан Разин сполна выполнил свою задачу: он действительно дал людям волю. Размахом поднятого им казацкого и мужицкого бунта он показал возможности народной силы и внушил народу, несмотря на поражение восстания, великую веру в себя. Если до того народ и батюшку-царя славил, не смея поднять вверх глаза, то после того он и под плети ложился с гордой душой.

В долгой и сложной своей судьбе народ неминуемо проходит и через болезни, и через сомнения и испытания, и всё это в определённом смысле даже может способствовать его нравственному очищению и гражданскому возбуждению. Нет в свете таких бед, которые не в состоянии был бы превозмочь народ, если он правильно, в соответствии со всем ходом его исторического движения и духовного согласия организован и нацелен. И только одно может иметь для любого народа самые тяжёлые и непоправимые последствия: самодовольство поколения или нескольких поколений, забвение корней своих, сознательный и бессознательный разрыв с многовековым опытом прошлого, ведущие через последующие связи к утере национального чувства и исторической памяти, к разобщению, обезличенности и безродности. Тогда и народ — население, и родина — место жительства и прописки, тогда мы перестаём слышать токи одной крови в другом человеке и остаёмся одни. Глухота к ближнему грозит затем общей глухотой и вседозволенностью, человек принимает себя за случайность и уповает на случайность, случай превращается у него в судьбу.

«Чудик» у Шукшина и есть тот самый характер, тот самый человек, который не выдерживает бесприютного одиночества и вслепую, неуверенно и судорожно, ищет пути, чтобы быть вместе с народом и из холодного понятия вернуться в живую его плоть, чтобы, не довольствуясь ценностью физического существования, получить духовное значение. Свобода, за которую так ратует человек, в людях, не имеющих общей и выверенной цели, ведёт к уродству. По-настоящему свободна и автономна личность только в народе, только там ей просторно и вольно, в неискривлённом и продолжающемся пути его, находит она свой смысл и вечность.

Незадолго до смерти Шукшин писал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта...

Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

«Будь человеком...» Всё, что сделано Шукшиным в искусстве, освящено у него этим требовательным понятием, этой страстью и этой болью, которым он заставил внимать всех — кто умеет и не умеет слушать. Не было у нас за последние десятилетия другого такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывался во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и далях она заблудилась, какому поддавалась соблазну, или, напротив, что помогло ей выстоять и остаться в верности и чистоте. Читателем и зрителем Василия Шукшина была и остаётся вся Россия от самых высоких умов до самых падших душ: его талант — это прежде всего голос взыскующей совести.

И вот в этом-то — в предельной напряжённости слова и объединяющей его силе — мы, кажется, не сумели достойно поддержать Шукшина. И мы говорим о том же, но спокойней и отстранённой, и нас читают, но свои читатели, по-гурмански. Литература после Шукшина вернулась в своё обычное русло, он же умел, не теряя красоты и проникновенности искусства, довести её до пропагандной остроты и тревоги, до разрушающей всякое равнодушие силы, до аввакумовской страсти.

Нам так нужен был Шукшин — и он пришёл, сделал своё дело талантливо и честно, не жалея себя, и, надорвавшись за этим запущенным делом, преждевременно ушёл, показав, как необходимо художнику жить, работать и думать во имя народа и правды.

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

Срезал

К СТАРУХЕ АГАФЬЕ Журавлёвой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попробовать, отдохнуть.

Деревня Новая — небольшая деревня, а Константин Иванович ещё на такси прикатил, и они ещё всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника... Сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьёй, средний, Костя, богатый, учёный.

К вечеру узнали подробности: он сам — кандидат, жена — тоже кандидат, дочь — школьница. Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки.

Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба. Про Глеба надо сказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин — толстогубый, белобрысый мужик сорока лет, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлев — кандидат. И как-то так повелось, что, когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером

народ, слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, — тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж — вместе — к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника с блеском, красиво. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал — Распутин. Глеб Капустин коршуном взмыл над полковником... И срезал. Переволновались все тогда, полковник ругался... Бегали к учительнице домой — узнавать фамилию графа — поджигателя. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях, верно?» Глеб остался победителем; полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. Он очень расстроился. Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он только повторял: «Спокойствие, спокойствие товарищ полковник, мы же не в Филях». Удивлялись на Глеба. Старики интересовались — почему он так говорил.

Глеб посмеивался. И как-то мстительно щурил свои настырные глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались. И вот теперь приехал кандидат Журавлев...

Глеб пришел с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том о сем — нарочно не о Журавлеве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлевой.

Спросил:

— Гости к бабке приехали?

— Кандидаты!

— Кандидаты? — удивился Глеб. — О-о!.. Голой рукой не возьмешь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмёт, а кто может и взять. И посматривали с нетерпением на Глеба.

— Ну, пошли попроведаем кандидатов, — скромно сказал Глеб.

И пошли.

Глеб шёл несколько впереди остальных, шёл спокойно, руки в карманах, щурился на избу бабки Агафьи, где теперь находились два кандидата.

Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь.

Дорогой говорили мало.

— В какой области кандидаты? — спросил Глеб.

— По какой специальности? А черт его знает... Мне бабёнка сказала — кандидаты. И он, и жена...

— Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепологией занимаются.

— Костя вообще-то в математике рубил хорошо, — вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. — Пятерочник был.

Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало.

— Посмотрим, посмотрим, — неопределённо пообещал Глеб. — Кандидатов сейчас как нерезанных собак.

— На такси приехал...

— Ну, марку-то надо поддержать!.. — посмеялся Глеб.

Кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, захлопотал насчёт стола...

Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

— Эх, детство, детство! — сказал кандидат. — Ну, садитесь за стол, друзья.

Все сели за стол. И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал. Но — видно было — подбирался к прыжку. Он улыбался, поддакнул тоже насчёт детства, а сам всё взглядывал на кандидата — примеривался.

За столом разговор пошел дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина... И тут он попёр на кандидата.

— В какой области выявляете себя? — спросил он.

— Где работаю, что ли? — не понял кандидат.

— Да.

— На филфаке.

— Философия?

— Не совсем... Ну, можно и так сказать.

— Необходимая вещь. — Глебу нужно было, чтоб была — философия. Он оживился. — Ну, и как насчет первичности?

— Какой первичности? — опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

— Первичности духа и материи. — Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут.

Кандидат поднял перчатку.

— Как всегда, — сказал он с улыбкой. — Материя первична...

— А дух?

— А дух — потом. А что?

— Это входит в минимум? — Глеб тоже улыбался. — Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься — не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

— Как всегда определяла. Почему — сейчас?

— Но явление-то открыто недавно. — Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. — Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определяет это так, стратегическая философия — совершенно иначе...

— Да нет такой философии — стратегической! — заволновался кандидат. — Вы о чем вообще-то?

— Да, но есть диалектика природы, — спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. — А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

— Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович все же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

— Давайте установим, — серьезно заговорил кандидат, — о чем мы говорим.

— Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

— Нет, можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с вами... — Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо улыбнулся жене кандидата, тоже кандидату, кандидатке, так сказать. — Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

— Вы серьезно все это? — спросила Валя.

— С вашего позволения, — Глеб Капустин привстал и сдержанно поклонился кандидатке. И покраснел. — Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать.

— Да какой вопрос-то? — воскликнул кандидат.

— Твоё отношение к проблеме шаманизма, — Валя опять невольно засмеялась. Но спохватилась и сказала Глебу: — Извините, пожалуйста.

— Ничего, — сказал Глеб. — Я понимаю, что, может, не по специальности задал вопрос...

— Да нет такой проблемы! — опять плеча рубанул кандидат. Зря он так. Не надо бы так.

Теперь засмеялся Глеб. И сказал:

— Ну, на нет и суда нет!

Мужики посмотрели на кандидата.

— Баба с возу — коню легче, — еще сказал Глеб. — Проблемы нету, а эти... — Глеб что-то показал руками замысловатое, — танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... — Глеб повторил: — При же-ла-нии их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?

Кандидат молча смотрел на Глеба.

Глеб продолжал:

— Вот высказано учёными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...

— Ну? — спросил кандидат. — И что?

— Где ваши расчёты естественных траекторий? Куда вообще вся космическая наука может быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

— Допуская мысль, что человечество всё чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?

— Вы кого спрашиваете?

— Вас, мыслителей...

— А вы готовы?

— Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем. Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба.

— Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? — Глеб помолчал вопросительно. Посмотрел на всех. — Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то, что я в скафандре, у меня тоже есть голова и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме, откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

— Так, так, — кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. — Это очень интересно: по каким законам?

Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой

Рисунок
Светланы
Румак

выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент — когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше всё случилось само собой.

— Приглашаете жену посмеяться? — спросил Глеб. Спросил спокойно, но внутри у него, наверно, все вздрагивало. — Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...

— Послушайте!..

— Да мы уж послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство — это ведь не костюм, который купил — и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать, — Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки — его несло. На кандидата было неловко смотреть: он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. — Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно надеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели — и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

— Это называется — «покатил бочку», — сказал кандидат. — Ты что, с цепи сорвался? В чём, собственно...

— Не знаю, не знаю, — торопливо перебил его Глеб, — не знаю, как это называется, — я в заключении не был и с цепи не срывался. Зачем? Тут, — оглядел Глеб мужиков, — тоже никто не сидел — не поймут. А вот и жена ваша сделала удивлённые глаза... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москве на кого-нибудь. Так что этот жаргон может... плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «катали бочку» на профессора. Верно? — Глеб встал. — И «одеяло на себя не тянули». И «по фене не ботали». Потому что профессоров надо уважать — от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать». Так? Напрасно. Мы тут тоже немножко... «микитим». И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем... И телевизор даже смотрим. И, можете себе представить, не приходим в бурный восторг ни от КВН, ни от «Кабачка «13 стульев». Спросите, почему? Потому что там — та же самонадеянность. Ничего, мол, всё съедят. И едят, конечно, ничего не сделаешь. Только не надо делать вид, что все там гении. Кое-кто понимает... Скромней надо.

— Типичный демагог-кляузник, — сказал кандидат, обращаясь к жене. — Весь набор тут...

— Не попали. За всю свою жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал, — Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда. — Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чём моя особенность?

— Хочу, объясните.

— Люблю по носу щелкнуть — не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...

— Да в чём же вы увидели нашу нескромность? — не вытерпела Валя. — В чем она выразилась-то?

— А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте — и поймёте, — Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. — Можно ведь сто раз повторить слово «мёд», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немножго собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свидания. Приятно провести отпуск... среди народа, — Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили:

— Оттянул он его!.. Дошлый, собака. Откуда он про Луну-то знает?

— Срезал.

— Откуда что берётся!

И мужики изумлённо качали головами.

— Дошлый, собака. Причесал бедного Константина Ивановича... А?

— Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

— А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово — пять.

— Чего тут... Дошлый, собака!

В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил ещё.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет), спросит мужиков:

— Ну, как там кандидат-то?

И усмехнётся.

— Срезал ты его, — скажут Глебу.

— Ничего, — великодушно заметит Глеб. — Это полезно. Пусть подумает на досуге. А то слишком много берут на себя...

ПОЭЗИЯ: ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

...СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ПЛАМЕНЬ» (МОСКВА, 2009 г.)

Стоит ли жаловаться, что время для поэзии сейчас непростое. Впрочем, «простым» оно было разве что в Серебряном веке. Тогда агонизировавшее в канун исторической катастрофы общество буквально упивалось — словно напоследок — поэзией, порой весьма ядовитой. Другой вариант столь же лихорадочного поэтического ажиотажа повторился через полвека — в начале 60-х годов. Можно заметить, что при такой массовости аудитории и спросе на лирику словесная бутафория сгоряча принималась порой за живое слово...

А процессы, которые в современной поэзии не просто настораживают, но уже и вызывают культурный протест, народились ещё давно, ещё при советской власти. В 1984 году в замечательном эссе о Пушкине Александр Солженицын предупреждал: «Уже целая литературная ветвь практически «работает на снижение», разваливает именно то, что в русской литературе было высоко и чисто. Распушенная и большая своей распушенностью, она силится представить всеиронию, игру и вольность самодостаточным Новым Словом».

Однако в ту пору совковая цензура, больше всего, как известно, ценившая в искусстве «борьбу хорошего с лучшим», заодно с искренним и бескорыстным свободным творчеством попри-

держивала под своим намордником и ту литературную гарь, на которую указал Солженицын.

Но намордник вдруг отвалился — и, как чуть ли не единственная альтернатива соцреалистической лжи, на поверхность выскочили именно чёртики постмодернизма, беззастенчивые, крикливые, карьерно спешащие наводить мосты с простодушными и либеральными западными славистами (которые сами, будучи в основном детьми анархичной «сексуальной революции» 1968 года, клюют как раз на такое). Прежде всего потребовали они тогда избавить нашу литературу от «бациллы учительства», насадить «русские цветы зла», а свои потуги самонадеянно выдавали за свежее и монопольное слово новой литературы. Плоский сарказм, богохульство, матерок и брезгливое отношение к духу отечественной истории — компоненты данного литературно-коммерческого движения в никуда. Такая литература, в которую не надо вдумываться и вчитываться, как раз и пришлась по вкусу массмедиа, болтливым критикам и околоолигархической тусовке в целом. Аляповатая картина посттоталитарной культуры...

Утвердиться ей оказалось тем проще, что на другом полюсе — добросовестный лирический традиционализм всё стремительней вырождался в эклектику. От «благонамеренности» лирических текстов в патриотических литературных изданиях сводило скулы: настолько были они — в своей основной массе — не интересны, беспомощны. Рушатся, можно сказать миры, а данная поэтика делает вид, что ничего не случилось. Прямо скажем, постмодернисты оказались всё же пассионарнее, а потому энергичнее, при этом сообразуясь с мировой конъюнктурой.

Но всегда были и есть поэты, которые, следуя своему дару, почитали ниже своего достоинства подлаживание к житейской и культурной реальности, а уж тем паче самопиар. Ведь и в самые неблагоприятные для поэзии времена в Отечестве нашем теплилась независимая литературная жизнь, не ушла атмосфера литобъединения, студии, семинара, не была забыта русская классика, а поиски нового не связывались с непременным успехом... Культурная жизнь России, как сердце, бьётся даже и под бессовестным наплывом масскультуры и тех образцов, которые порой назойливо навязывает столица.

Время для поэзии ещё и потому непростое, что стихотворение требует, ждёт неспешного, многократного прочтения, требует не навязчиво — деликатно, с верной перспективой наслаждения гармонией, красотой — но всё-таки это требование, необходимое для полноценного постижения. А современный обыватель ищет, чтобы его развлекали, не требуя ничего, кроме натуральной платы за удовольствие. Его сознание становится всё более клиповым, не способным к протяжённому постижению. Он ищет ставших необходимыми адреналинчика и порнографического момента. Он уже позабыл, отвык (а точнее, по молодости и не привыкал), что искусство ждёт чистого жара сердца, закаляет, а не разрыхляет характер, делает личность моральнее и духовно сильнее. Поэт приходит в «мир» с искренним самоотверженным словом, драматичным, порою тяжким — но, несомненно, с целительным. Словом, зовущим верить Богу, любить Отечество. И чувствовать ответственность

каждого перед всеми. Всё это не архаичные «русские комплексы», а сущностные, необходимые составные настоящей нашей поэзии. Вспомните пушкинские «Маленькие трагедии» или «Медного всадника» — как там беспокойно; там такая бездна смысла, что страшно заглядывать. А всё равно — с в е т л о.

Но разве культура XXI века предполагает такое? Она последовательно моделирует своего человека. А бескорыстные, искренние поэты в её координатах — нелепый анахронизм. В современных потребительских обществах, к которым в общем-то и примкнула Россия в послесоветское время, не представим уже лирик глубины Эдгара По, Лермонтова, Бодлера. Измельчал человек, превратился в автоматическую марионетку прогресса.

Хотя правда и то, что в России — поэзии всего лишь два с небольшим века; словесные, по крайней мере, ресурсы её до конца не вычерпаны.

Но с другой стороны — катастрофически подорван поэтический генофонд. Со сколькими мастерами расправился советский режим! Скольких подмяли 90-е годы! Думаю, едва ли не любой интеллигент согласится, что читает теперь стихов много меньше, чем раньше, что относится к ним без прежнего жара. И порой ловишь себя на мысли: да существует ли ещё читающая Россия как культурное целое? Быстро уходит из сознания непоколебимая прежде убеждённость в предназначении. А без неё какая ж поэзия?

Убережётся ль в такой катастрофической ситуации лирическое слово? Я, например, нашу Родину без поэзии просто не представляю. То будет совсем, совсем другая страна — жёсткая, нехорошая...

От редакции: С этой статьи Юрия Михайловича Кублановского альманах «Аргамак» начинает дискуссию о современной поэзии. Разделяя тревогу автора и не во всём с ним соглашаясь, мы намерены поразмышлять о традиции и новаторстве в стихах, о состоянии молодой поэзии. Всё чаще представляется, что неолиберальные тусовки ведут её в тупик. Вы не согласны? Ждём Ваши отклики, реплики, статьи, исследования. А далее представляем на наших страницах поэтов одного поколения, которых почему-то не хочется называть «шестидесятниками». Ни тот, ни другой не укладываются в это искусственно придуманное «направление», каждый идёт своим путём, продолжая тем не менее ту гуманистическую традицию русской поэзии, о которой так проникновенно говорит Кублановский. Отметим лишь, что «Аргамак» намерен решать в меру сил «проблему не востребованных, пропущенных поэтов, ставшую хронической болезнью отечественной литературы», о чём не так давно писала Инна Ростовцева в «Литературной газете». К сожалению, в российской глубинке остаются порой в неизвестности таланты, которые могли бы соперничать с нобелевскими и прочими лауреатами...

«ДОКОПАТЬСЯ ДО ЗВЁЗДНЫХ КОРНЕЙ...»

Никогда не забуду солнечный сентябрь 1988 года в Коктебеле. Мы, две семейные пары, оказались за одним обеденным столом в Доме творчества писателей. Теперь-то я понимаю, что эта случайность действительно оказалась (для меня во всяком случае) дополнением необходимости. Два отнюдь не знаменитых, но достаточно самолюбивых стихотворца могли бы и не снизойти до личного знакомства, если бы не общий стол. Хочешь-не хочешь, за завтраком, обедом и ужином, находясь в приличном обществе, необходимо соблюдать этикет и поддерживать разговор, который начали, как помнится, наши красавицы-жёны Лида и Светлана. Мужчинам, как выяснилось, тоже было чем поделиться: оба искушены поэзией и скитальчеством, оба — уже непьющие.

В нашу маленькую компанию органично вписался художник Валерий Беганов, приехавший вместе с Перовскими из Орла к морю на этюды и определившийся на постой в частном секторе. Вот и сейчас, когда я пишу сей мемуар, передо мной на стене висит живописная работа Валеры, на которой изображён благоухающий зеленью волошинский дворик с тремя еле различимыми, но точно узнаваемыми фигурками Николая Михайловича, Лидии Ивановны и Маши Авакумовой. А ещё я благодарен Беганову за карандашный портрет Светланы, который храню как драгоценную реликвию.

Расставались мы тогда только на сон грядущий и на редкие творческие уединения. Без спиртного отмечали день рождения Лидии Ивановны, и я сочинил двустушие: «Мы ловили мидии//для Перовской Лидии». Душой компании, её непререкаемым авторитетом сразу стал мой тёзка — без всяких потуг с его стороны. Чувства юмора ему было не занимать. Как-то на тенистой аллее коктебельского парка наша весёлая компания нечаянно встретилась с ещё одной семейной парой. Николай Михайлович и Вадим (имя мы услышали при восклицаниях) радостно обнялись, как старые знакомые. А милая дама, сопровождавшая

Вадима, протянула изящную руку и представилась: «Жена Ковды!». На что Перовский моментально отреагировал. Представляя своего знакомого, он торжественно объявил: «Ковда жены!». Московский поэт Вадим Ковда и его супруга захохотали вместе с нами.

Короче говоря, сошлись мы с Перовскими довольно быстро и легко. И сошлись во многом. Удивительно вот что. Наша коктейбельская встреча оказалась единственной — больше мы, к сожалению, никогда не виделись. Но после того «бархатного» курортного сезона возникла переписка, длившаяся около двадцати лет и переросшая в настоящую дружбу — и мужскую, и семейную, а также в сотворчество. В 1998 году я начал выпускать в Набережных Челнах «Звезду полей» — литературную газету российской провинции, «толстушку» в 24 полосы третьего формата. Это было тогда неслыханным делом: газета рассылалась по шестидесяти регионам и сразу получила положительный отклик — прежде всего, от коллег-литераторов, живущих на немеряных просторах от Калининграда до Владивостока. У литераторов появилась возможность для публикаций, а у редакции великолепная обратная связь — обильная почта, из которой было что выбирать.

Моим первым и совершенно бескорыстным помощником в осуществлении проекта оказался Николай Михайлович Перовский, согласившийся стать членом редакционного совета. От него приходили лучшие материалы для каждого номера, причём не только и не столько свои, авторские. На страницах нашей газеты щедро публиковались писатели Орла, Курска, Белгорода. Самые памятные из этих материалов: интервью Дмитрия Порушкевича с покойным Юрием Казаковым, большая подборка стихов Евгения Курдакова с предисловием Геннадия Тюрина, а также две публикации самого Николая Михайловича: стихи и рассказ «Дорогой и любимый». Этот рассказ имел документальную основу — в далёком детстве «воспитанник колхоза» Коля Перовский, едва ли не с рождения оставшийся без родителей, писал письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину...

К сожалению, через полгода наша «звёздочка» закатилась за тучи безденежья. Грянувший «кириенковский» дефолт не позволил моему спонсору и земляку Ринату Багдалову продолжить финансирование. Перовский по этому поводу переживал не меньше меня.

Но время шло, зализывало раны, и мы продолжали обмениваться книгами, публикациями и новыми стихами. В 2002 году мне удалось выпустить в Набережных Челнах небольшую книжечку избранной лирики Николая «Звезда упала» тиражом в 300 экземпляров. Я делал это с удовольствием, ибо убеждён, что его лирика — самой высокой пробы. А когда возникала «напряжёнка» с публикациями у меня, он одаривал сюрпризами, трижды печатая мои стихи в «Орловском вестнике».

Конечно, у нас с Перовским наблюдались и общие литературные пристрастия (Тютчев, Блок, Рубцов), и некоторые разночтения, ставшие предметом для дискуссии. Но самое главное — я всегда ощущал в личности орловского поэта какую-то особенную, подкреплённую судьбой, творческую подлинность, которую

не заменит никакое версификаторство. Наверное, я потянулся к Перовскому, как к старшему брату (разница между нами — одиннадцать лет), а он (спасибо ему!) не отверг. Речь, конечно, идёт об исчезающем, к сожалению, «братстве по смуте в крови», по нашему общему «безнадёжному делу», ремеслу, призванию — как хотите, так и называйте. Поэзия — это ведь всё, что угодно, только не профессия.

Возможно, нас объединило и то, что мы оба принадлежим как бы к породе отверженных, хотя никогда не говорили друг с другом на эту тему. Есть у меня такие (неслучайные) строчки: «Мы по-прежнему родину любим//хоть не каждый ответно любим». В частности, и Перовскому, и мне в разные года довелось побичевать «на московских изогнутых улицах», вплотную познакомиться не только с богемой, но и с «дном» (по Горькому), откуда пришлось выкарабкиваться, вернувшись из равнодушной столицы в родную провинцию. Но не могу не учитывать при этом, что за моей спиной не было чёрной дыры раннего сиротства, а вот у Михалыча она была. Ему было труднее, говоря высокопарно, стать гуманистом.

А, может быть, стоило удержаться в пределах Садового кольца — «поэт рождается в провинции, а умирает в Париже»? Юрий Кузнецов, например, не раз говорил, что не состоялся бы в Краснодаре. Но у каждого свой выбор. Не берусь судить о Перовском, а про себя знаю, что тогда погиб бы в Москве. А на седьмом десятке в неё и на аркане не затянешь.

Что же касается поэзии, то ей дела нет до наших житейских обстоятельств. Увы, «... не она от нас зависит,//А мы зависим от неё!». Конечно, обидно, что стихи Николая Перовского в России, в мире знают меньше, чем стихи того или иного раскрученного «шестидесятника». Это уже не его проблема — он сделал всё, что мог. Это уже проблема общества, не способного отличить подлинное от мнимого, отдающего предпочтение футболу перед поэзией.

«Нынешние соловьи все при императорах... — написал в 2002 году критик Леонид Агибалов в предисловии к изданной нами избранной лирике Перовского. — Иные кормятся русской идеей и жертвенно сдают в аренду старинные особняки. Иные, граждане мира, освоили чтение лекций о лирической поэзии для заморских «умников». Только сам предмет этих забот шатается где-то по медвежьим углам, вечно неустроен, нищ при любом раскладе властей. Это, как и дар, врождённое».

Я не берусь устраивать литературоведческий разбор стихотворений Николая Михайловича. Это уже сделали его земляки и друзья Геннадий Тюрин, Владимир Ермаков, Роберт Винонен с которыми опять-таки меня познакомил во время сотрудничества со «Звездой полей» Перовский. Приведу лишь ещё одну, абсолютно точную, на мой взгляд, характеристику творчества Николая Михайловича: «Каждое из этих стихотворений, если верить единой теории поля, голографическая матрица мира» (Леонид Агибалов).

Пока я жив, во мне будут звучать многие стихи орловского поэта. Например, о том, как он

...отроком грешным,
сговорясь с камышом,
подсмотрел, как потешно
ты прошла нагишом.

Я забыл твоё имя,
но шуршит между строк
под ступнями твоими
раскалённый песок.

Я убеждён, что в любой иерархии поэтических ценностей этот шуршащий, раскалённый песок под ступнями юной красавицы — высший пилотаж, чудо. Я бы отнёс творческое наследие Перовского к самой высокой — пушкинской — школе, изначально занятой поисками гармонии. Эти поиски Николай Михайлович начинал из трагической точки собственного сиротства, нащупывая стихами разорванные со всем сущим на земле и в мироздании нити родства и связывая их:

Дай наглядеться, дай мне послушаться,
дай докопаться до звёздных корней...

* * *

Скорбное известие я получил в 2007 году, находясь в очередной раз в Крыму, в Судак. Стоял такой же солнечный сентябрь, как и девятнадцать лет назад. Я дважды съездил в Коктебель, благо он всего в 45 километрах. Что я там искал? Наши следы? Следы моей дорогой Светланы, которая покинула сей мир, оставив мне сына, ещё в 1994 году после такой же проклятой болезни, как и у Николая Михайловича?

Нет там наших следов. На коктебельской набережной гремит попса, там сплошное молодёжное «развлекалово» — яблоку негде упасть. На волошинском поэтическом фестивале «другие юноши поют другие песни», и я почувствовал, что мы с тёзкой не пришлось бы здесь ко двору, как абсолютно не тусовочные люди.

Многого жаль. Утраты невосполнимы. Но в строчках соболезнования, написанных мною Лидии Ивановне, я выразил робкую надежду, что, может быть, там, в неведомой нам долине, её Коля и моя Света встретятся и улыбнутся друг другу. Пока без нас.

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ

ДОРОГИ ПРОПАХЛИ ПОЛЫНЬЮ

КОВЧЕГ

Всё-то мне бродится, всё-то мне бредится,
спать не даю ни себе, ни другим,
дразнит сосцами Большая Медведица,
звёздное млеко глотаю, как дым.

Поздние росы прохладнее инея,
ноги промокли, и сам я продрог,
ночь беспредельная, ночь соловьиная,
дай надышаться досыта и впрок.

Дай наглядеться, дай мне наслушаться,
дай докопаться до звёздных корней,
лёгкая лодка на отмели сушится,
двое влюблённых устроились в ней.

Я ни на что в этой жизни не сетую
и признаюсь, ничего не тая:
сладко вздыхать и дымить сигаретою,
щёлкать и петь на манер соловья.

Филин кугукает в диком орешнике,
в лодке на отмели шорох и смех,
все-то мы грешники, все пересмешники,
всех нас баюкает звёздный ковчег.

...Судьбы не считаны, время не меряно,
томные розы шипучи до слёз,
для скакуна и беззубого мерина
в Божьей горсти не иссякнет овёс.

1996

МУРАВЕЙ

Ю. Чубукову

Безымянный пассажир на верхней полке,
я вписался и втянулся в общий круг
и мотался, словно нитка при иголке,
под вагонный перегонный перестук.

Понимая, что сиротство не в награду,
был я каждому и всякому родня,
прилепился к человеческому стаду
так, что не было отдельного меня.

Дни и годы нарастают не в нагрузку,
если с детства ты сдаёшь себя в наём,
и, с поправкой на усушку да утруску,
оставался я вселенским муравьём.

Я летел на дух полыни и гудрона,
беспородный и безродный до седин,
чтобы вдруг, среди галдящего перрона,
спохватиться и увидеть — я один...

Облик времени неясен и неярк,
а в наследство от дурного волшебства —
одинокчество, магический подарок,
вроде пятого туза из рукава.

1995

ОБ ОСЕНИ

Об осени писать — какой наглец!
О ней не раз великие писали...
Но как же быть, когда соседний лес
опять, опять в безлиственной печали?

Как не писать, когда в сухой стерне
старинный горьковатый запах грусти,
а в блёклой, отпылавшей вышине
всё тот же плач несут над нами гуси?

И будет так за окнами темно,
случайный, а быть может, не случайный,
ворвётся ветхий лист в моё окно,
хрустящий, как пергамент, полный тайны.

Кружитесь, листья, падайте на грудь,
ложитесь мне на голову и плечи,
и пусть ваш золотой и краткий путь
с путём пересечётся человеческим!

И я бегу из дома... И до слёз
всё так необъяснимо и так близко,
то листья поднимаются до звёзд,
то звёзды опускаются до листьев!

1964

ТУМАН

Туман занавесил цветы в луговине,
и зелень примята тяжёлой росой,
рыбак по колени в тумане, как в глине,
висит с удилицем над сонной рекой.

Над лугом плывут отсыревшие звуки –
хрипят петухи и заходятся псы,
заря сквозь туман — от излома излуки –
раскинула мост до песчаной косы.

Сидеть бы и мне на замшелой коряге,
на тоненький прутик низать пескаря
с лицом, отражённым от радужной влаги,
с душой, что проснулась ни свет ни заря.

Высокие годы, тяжёлые воды
туманом окутали душу мою,
стою, словно пасынок мирной природы,
над бездной тумана, на самом краю.

1982

* * *

Дремлют лилии в озёрах,
спят степные пауки,
суховея сонный шорох
шелушит солончаки...

Велики глаза у страха –
слёзы, стоны, шёпот, смех...
А луна, ночная сваха,
осеняет первый грех.

Просыпаются стрекозы,
богомолы и жуки,
по степи гуляют козы –
оренбургские платки.

Звёзды в зареве зачахли,
поседали кураи,
и бессмертником пропахли
губы жаркие твои.

1992

ЧУДО

Постарел я и стало мне худо –
не найти подходящих чернил,
и приснилась мне ты, моё чудо,
то, которому я изменил.

Я вскочил, я искал твоё имя
в стародавних своих дневниках,
потускнело ли рядом с другими,
затерялось ли в жёлтых листках...

Как назвать тебя — Настя, Мария?
Кто ты — грёза, затмение, сон?
Понапрасну листал до зари я
разноцветие женских имён.

Обронил и оно расколосось,
разбежалось на тысячи брызг,
мне остался лишь мартовский голос,
мне остался июльский каприз.

Гнутый гребень и солнца осколки
на лице, на груди, на плечах
и упавшие в хвою заколки
в предзакатных и влажных Филях.

То ли взгляд, то ли вздох твой короткий,
и в багряной листве октября
твоя тень вдоль чугунной решётки
у Донского монастыря.

И теперь на любом перекрёстке,
где давно отшумела гроза,
расколовшейся радуги блёстки
размывают и колют глаза.

1984

* * *

Жизнь не отбрасывала тени,
пока душа росла в зенит,
но ветви сердца облетели,
а старый ствол ещё звенит.

Ещё ни солнце и ни выюга
его не могут побороть,
лишь родовых колец кольчуга
стесняет дух и сушит плоть.

1986

РЫНОК

Не пишется, не пьётся, не поётся,
и всё-таки пишу, пою и пью.
Гляжу на дно забытого колодца
и собственную душу узнаю.

А по ночам отдёргиваю шторы,
и лунные лучи, ложась на стол,
безжалостные, словно кредиторы,
бракуют и бракуют мой глагол.

Но, горд, как лорд, и кроток, словно инок,
я заново сплетаю кружева,
сегодня на земле и в небе рынок,
а мой товар — слова, слова, слова...

1990

СТЕПНОЕ ОЗЕРО

Я увидел степное озеро,
когда на нет сошла луна:
вода, густая, как молозиво,
прохладных лилий белизна.

Дымилась гладь его зеркальная,
похоронившая луну,
созвездия зодиакальные,
отсыревая, шли ко дну.

А на рассвете бледно-розовом
бессмертники и ковыли
головки свесили над озером
и к водопою прилегли.

И вслед за жаркими зарницами
на берег хлынули лучи
с людьми, отарами и птицами,
перворожждёнными в ночи.

1993

В РАСКОЛДОВАННОМ МИРЕ

Мы живём в расколдованном мире.
Сказки кончились — скучно, старо.
Злой иронии, едкой сатире
вручено золотое перо.

Что поделаешь — всё по науке:
подобрали к природе ключи,
а Емеля без сказочной щуки
так и свищет в кулак на печи.

Нам почти удалось откреститься
от стихов, от восходов и звёзд,
жирной курицей стала Жар-птица,
потерявшая радужный хвост.

Мы утратили магию слова,
взбаламутив источник до дна,
остюки да гнилая полова
обретаются в роли зерна.

Ох, учёные, будь вы неладны!
Напрягите высокие лбы –
синтезируйте нить Ариадны,
дайте шанс в лабиринте судьбы.

1995

ЗАВОДЬ

Эта сонная заводь –
день открытых дверей,
здесь учился я плавать
и удить пескарей.

Здесь я отроком грешным,
сговорясь с камышом,
подглядел, как потешно
ты прошла нагишом.

Я забыл твоё имя,
но шуршит между строк
под ступнями твоими
раскалённый песок.

1995

ПАМЯТИ ПОЭТА

От больного ума за плечами сума,
сандалеты на босую ногу,
впереди сумасшествие или тюрьма
и молись ты хоть чёрту, хоть Богу.

Все друзья позади, все враги впереди,
все дороги пропахли полыньёю,
льют на тощие плечи чужие дожди,
омывая сиренью и стыньёю.

Подглядит и запомнит земляк-ротозей,
как ты прыгаешь с кочки на кочку.
Ты погибнешь, и выплывет куча друзей,
ухватившись за лёгкую строчку.

1989

КРАСОТА

Промелькнула, прямая, высокая,
полуженщина-полудитя,
по асфальту весеннему цокая
и зубами в улыбке блестя.

Рыжеватые лёгкие волосы,
то и дело вступая в игру,
упоённые собственной вольностью,
отлетали назад на ветру.

Присмирившие сверстницы — где они
обретают свой рай в шалаше?
Разве к ним не слетаются демоны —
править шабаш в открытой душе?!

Может, вспыхнет звездой падучею,
догорит светлячком на лету,
на земле ещё не было случая,
чтобы мир уберёг красоту.

Но пока молода и прельстительна
и готова идти до конца,
всё доступно и всё ей простительно,
всё к лицу — от венка до венца!

1997

НОЧЬ

Рите

Ночь с фонарями, с глазницами окон
стёрла остатки дневной бирюзы
и размотала свой бархатный кокон
с лужами первой весенней грозы.

Ночь разлеглась, как невеста на ложе,
гроздь сирени провисли фатой,
ночь подытожит, а Время низложит
всё, что не смыто грозой и росой.

Жизнь в мирозданье подвластна привычке –
купол искрит и троллейбус искрит,
по расписанию, как электрички,
перемещается звёздный синклит.

Молния Зевса, сразив Фаэтона,
семенем жизни развеяла прах,
яблоком Евы, Париса, Ньютона,
райской оскомой греха на зубах...

Ева в Эдеме сама себе сваха, –
женскому чреву не писан закон,
только оно и не ведает страха,
только оно перешло Рубикон.

Ночь без Пришествия, ночь без Потопа,
быт совершает вселенский обряд,
больше не ткёт полотно Пенелопа,
нить Ариадны не вьёт шелкопряд.

Как это страшно — закон и порядок!
Плазма не выкипит в звёздном котле.
Марья Иванна над стопкой тетрадок...
неотвратима, как ночь на земле.

2005

«НАШИ»... «НЕ НАШИ»...

Конская лава на конскую лаву,
удаль и ярость с обеих сторон,
так добывают погибель и славу
«наш» эскадрон и «не наш» эскадрон.

Ради кого эта смертная сеча,
ради чего этот вызов судьбе?!
Люди, людей убивая, калеча,
жалкую тризну готовят себе...

Войны, турниры, дуэли, кулачки,
повод и довод найдутся всегда,
даже невинные детские драчки –
«юшку пустить» – не составит труда.

«Наши»... «Не наши»... пустая затея:
чтобы в соседе увидеть врага,
надо забыть, что огонь Прометея
не для пожара, а для очага...

2005

БОМЖ

Попросил прикурить у бомжа,
он смутился на долю минутки,
а потом, суетясь и дрожа,
протянул мне бычок самокрутки.

И, потешно потряхнув головой,
он как будто на миг возгордился,
дескать, видишь, браток, я живой,
я кому-то ещё пригодился...

1999

ПОМОЛ

Есть в мире вещи, о которых
неловко все вспоминать:
всю жизнь кружу, как лошадь в шорах,
бегу от слов «отец и мать»...

Слова, слова — «мукá и мўка»,
помола «лагерная пыль» —
не идиома ради звука,
и не метафора, а быль.

Я был бесправный беспризорник
и по сравнению со мной
любой торговец или дворник
владел державной правотой.

Ну а потом я был колхозник,
залётный серый воробей,
обыкновенный жук-навозник,
а не священный скарабей.

Теснясь в землянке и халупе,
мы все служили трудодню,
толкли труху в домашней ступе,
сады сводили на корню.

На жребий сетовать не смея,
я жил, утрачивая плоть,
и так подсох от суховея,
что не разгрызть, не размолоть.

А всех радетелей помола
при кобурах и при дворах
судьба в свой час перемолола
в отлитых ими жерновах.

2005

МЕРЫ И ПОЧВА ПОЭТА

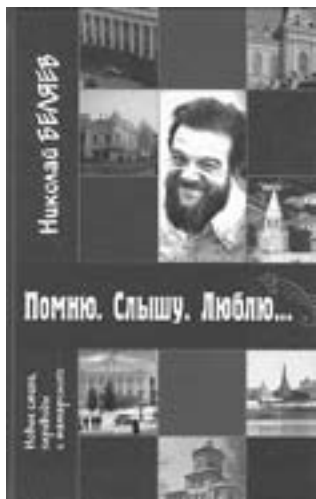
(размышления о лирике Николая Беляева
по книге стихотворений «Помню. Слышу. Люблю...»,
изданной Татарским книжным издательством в 2007 году)

В 1992 году Николай Беляев, большая часть жизни которого прошла в Казани, покидает её и поселяется в селе Ворша, что во Владимирской области. Что заставило поэта решиться на столь кардинальный шаг в своей жизни? Ответ на это легко находится в его стихах:

До царя далеко, как до Бога,
да не лучше и рядом с царём:
надо кланяться, лгать, что дорога
оптимальна, по коей идём.

Потому, наверное, и представилось поэту, что «лучше сгнуться в российской глубинке, // стать отшельником, лесовиком, // землянике, чернике, бруснике // отдавая в охотку поклон», чем в угождающей улыбке и позе пресмыкаться перед кем бы то ни было. Увы, в наше время всё тяжелее бывает прожить без этого. И пора бы признаться, что дорога, по коей идём, совсем уж не оптимальна. Поэту не лучше ли на самом деле присесть в сторонке, чем всеобщим гуртом двигаться в неизвестно каком направлении? Можно, конечно же, трактовать такой поступок как проявление гражданской пассивности, слабоволия, инертности и даже как отсутствие самой гражданственности. Но уж в этом Беляева ничуть не заподозришь. Его стихи, особенно последнего десятилетия, тому подтверждение. Хотя для непосвящённых отметим, что поэтическая биография автора насчитывает не одно десятилетие.

Евгению Евтушенко принадлежит знаменитый стих, как нельзя точно выражающий место поэта в русской

жизни: «Поэт в России больше, чем поэт!». Можно писать великолепные, мастерски, даже гениально исполненные стихи, каковых сейчас достаточно, можно добиться известности и славы. Но если поэт не отражает чаяний людей, их самых насущных раздумий, болей, такой поэт не будет признан, «узнан» как свой, — тот, кому благодарны. Беляеву не нужны слава, известность, иначе зачем бы ему уезжать в глубинку. Но читать его стихи без чувства благодарности к поэту невозможно.

Мы не зря в разговоре о Беляеве коснулись стиха Евтушенко. Они практически ровесники. И формирование творчества обоих авторов шло примерно в одно и то же время — в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов прошлого столетия. Как известно, это эпоха первой «оттепели», отмеченная высокой гражданственностью искусства и литературы, особенно поэзии. Это можно сказать и о стихах Евтушенко, принадлежавшего к знаменитым «эстрадникам». Думаем, что корни гражданственности творчества Беляева тоже уходят в те уже далёкие годы, но своего накала она достигла именно в девяностые годы и в самом начале нового века.

В своих стихах Беляев без обиняков и ужимок говорит о проблемах, которые не могут не волновать сегодня хотя бы мало-мальски трезвого (и в прямом, и в переносном смысле) человека. Порой они высказаны в виде вопросов: «Чем век наш знаменит?///Сбылись ли предсказания, мечты, надежды, чаянья,//завещанные лучшими?///Иль всё — одно враньё?///Прекраснодушных мальчиков наивные писания...//А над Россией — тучами — всё то же вороньё...».

С годами вопросы перевоплощаются в раздумья, полные сомнений. И бремя этих раздумий только растёт и приводит к весьма не утешительным выводам о падении культуры, даже в лице интеллигенции, долженствующей быть по своему призванию духовно-нравственным ориентиром нации. Но что значит современная российская интеллигенция? Кажется, сегодня ею может называться любой, достаточно иметь высшее образование или хотя бы каким-то боком относиться к образованию, науке, искусству, культуре. И для многих не существует представления, что интеллигент, прежде всего, — это человек с высокими духовными устремлениями, моральными принципами, осознающий ответственность за судьбу народа. Потому и происходит то, о чём пишет Беляев:

Как надоел перед камерой,
всероссийской отныне,
полу-интеллигентский,
необязательный трёп <...>
Стыдно после Чернобыля –
тешиться разговорами
о Мальдивах, Канарах,
и иных островах,
или судачить с улыбочкой
о Пугачёвой с Киркоровым,
пряча за их бездарность
свою пустоту и страх.

Безответственная болтовня, густой патокой льющаяся из слово- (и славо-) охотливых СМИ, ничуть не способствует решению проблем, а лишь усложняет и умножает их. А их, действительно, накопело: это и проблема пьянства («Не-что аграрное»); и пресловутый, нерешённый со времён революции 1917 года вопрос о земле («— В Гренаде — пожалуйста! Ближе — с трудом...»); волнующие со времён Гоголя размышления о путях Руси-тройки («Пыль клубится — Боже правый!..»)... Мало ли!

Много чего томит Беляева, наполняет его душу предчувствиями. Кстати, предчувствие, предощущение — основное чувство в поздних стихах поэта. И не обязательно оно связано с общественной по сути и негативной по характеру проблематикой. Им проникнуты даже эмоционально светлые стихи о природе, творчестве, России: «Понедельник чистый, небо чистое, //и мороз, и солнце на снегах, //и предощущенья свет таинственный, //что недаром день пройдёт — в трудах»; «...оживают белые берёзы, //страхнув ненужный иней кружевной <...> весну предчувствуют, //и нам пророчат дни, //когда растают все снега в России!». Добро бы, чтобы все предчувствия отдавали такой надеждой. Часто в стихи Беляева проникают тревога, вина, ощущение беды: «мир всё непостижней и мятежней <...> Все мы на прицеле, на примете, //виноваты все — одной виной, //все — сидим на сайтах в Интернете, //дети нашей родины больной». Времяпространством «российской беды» становятся всё более сгущающиеся сумерки: «... над Рос-сией — сумерки, //их лиловатая мгла...»; «Наше настоящее — убого, //до костей пронзил вселенский мрак, //кружит в бездне пропасти дорога, //да из тьмы не вырвется никак». Страх настолько силён и непреодолим, что сравним разве что с необъяснимым ужасом человека, испытываемым им, например, ночью в лесу:

...Мы пригляделись —
из ветвей еловых
на нас смотрели три больших совы
глазами жёлтыми —
тревожно, не мигая...
<...> может,
не совы это — филины сидели
на ветках в сумраке еловой тишины?
На всякий случай я в ладони хлопнул.
Нам стало неуютно...

Истоки этого страха утопают во мгле мифических времён. Но почему-то возникают эти страхи среди произведений о настоящем. Случайно ли? Думаю, нет. Как не случайно и то, что вдруг в размышлениях о современном появляются «исторические» стихи, такие как «Древляно-полянская история», где «над миром вызрела Беда». Тут уж нужно вести речь о глобальном, свойственном нам изначально и пронесённом через всю историю ощущении Беды и Страха, реализующихся на очередном витке нашей судьбы.

Сумеем ли мы когда-нибудь преодолеть её неумолимую логику? Возможно, если перестанем создавать вокруг мнимости, обманывать самих себя. Но действительность подтверждает обратное: «старая, как мир, история» идёт по путям лжи, подмен. Мотивы обмана, иллюзий, суеты сует — одни из ключевых в поздней поэзии Беляева: »– Обласкали — облапили, чмокнули, // усыпили словами хорошими, // не был чокнутым — словно бы чокнули, // а в итоге — кругом облапошили...»; «Люди, в целом — они хорошие, // жаль, что нас так легко обманули...»; «Нам никто не задаёт вопросов, // каждый — занят кучей срочных дел. // Бизнес — лозунг храбрых демокроссов, // подменён словечком беспредел», «В кухне — телевизор // по вечерам о новостях щебечет, // и редко что-то дельное вещает, // дурачит чаще, развлекает нас...». В этой беспредельной лжи даже «... наука думает — и видно, близок срок — // грозит не воскресить — подделать человека»; даже «поэзия — в своей основе — ложна, // она — отставший от столетия звук...».

Но поэту не быть поэтом, если, подобно пророку (а у нас другим поэту и не бывать!), не указать мер, которые помогут отличить истинное от ложного, путей спасения, не вывести к почве, как сделал то в ветхозаветные времена Моисей. Самыми высокими мерами, определяющими нравственную состоятельность человека, его поступков, жизни, являются в поэзии Беляева вера, искусство, вечность. Их «знаками», помогающими не сбиться с истинного пути спасения, «светятся» многие стихи поэта. Это и колоколенка, которая, «как перст в небеса» «указует нам, непонятливым» и «свеча на столе — это тоже, всё тот же намёк»; и колокол, смысл гула которого — «в этом мире — о другом напомнить, // о высоком, горнем»:

Он в себе хранил веками тайну
тайну веры, жизни и любви.
<...>
...больной, надрывный стон металла
нам пророчит что-то впереди,
призывает, чтоб Россия встала,
с новой светлой верою в груди.

Некоторые стихи Беляева озаглавлены именами поэтов, просто близких людей или посвящены им. Это не «рядовые» заглавия и «дежурные» посвящения. Для поэта эти люди — тоже своеобразные «меры», «указующие знаки»: «Булат Окуджава», «Читая прозу Давида Самойлова», «Антокольский», «И всё, что для другого — только хлам...» (О. Чухонцев), «О этот рокот в трубке телефонной...» (Вилю Мустафину) и др. В стихотворении, посвящённом В. С. Лаврентьеву, поэт пишет о «мере» стиха:

...звучит строка бессмертная —
и мы
внимаем ей —
и тень былого счастья

нам греет душу, наполняя верой,
что всё не так уж безнадежно, если
звучат стихи... Звучат.
Звучат стихи!

И, наконец, знак вечности — *звезда*, у Беляева как бы спустившаяся с небес, дабы быть ближе к человеку в его бездонной падшести, придающая его быту бытийный смысл:

В беспросветном колодце,
в чёрной бездне нужды
вдруг — лучом уколется
вечно новой звезды.
И почувствовав радость,
встречный трепет её,
светоносную святость
и не быт — бытиё.

И верится, что всё устроится, вернётся «на верный путь», «на свои круги». Для Беляева это связано с обретением почвы. В его стихах понятие почвы получает очень широкое значение, включая в себя целый комплекс нравственных ценностей, идеалов поэта. Это прежде всего семья, родные и близкие люди. В своеобразный цикл по своему эмоционально-смысловому наполнению выстраиваются стихи, самым автором в цикл не объединённые, — это произведения, посвящённые истории рода, семьи: «Из семейного альбома», «Памяти архиерея Августина», «Вот-вот достигну возраста отца...». Семья, близкие дают так нужные людям чувства связи, родства, нужности, помогают преодолеть одиночество: «Ты один, конечно, // но припомни — где-то // от тебя, сердечный, // кто-то ждёт привета». В семье кроются корни родства, кровной связи с родиной: «Мне так близка — и лиловатость пашни, // и роскошь зелени, и воздуха объём, // и странная деревня Пролей Каши, // и думается — умирать не страшно, // но мы ещё подышим, поживём!».

В семье закладываются нравственные основы человека: понятия добра и зла, чести, совести, ответственности, любви... Не случайно поэтому, в свете ценностной ориентации Беляева, в его поэзии много стихов так называемой нравственно-психологической направленности. В их числе особо хочется отметить «Восемнадцать раз рожать детей...», «Детское», «— На-ка, покажи! — и наговатый...». Память поэта сохранила эпизод прогулки с отцом, когда им навстречу попались два телёнка, один из которых вдруг решил бодаться с людьми: «Но как глянул на него мой папа, // да как гаркнул: «Гитлеру — капут!» <...> — Ты — ребёнок, и со мной ребёнок! — // Папа примирительно сказал». Вот из таких, на первый взгляд незначительных эпизодов и рождается в человеке человечность — его самая прочная почва. А чтобы она — не дай

Бог! — не просела, человеку даны такие же прочные опоры: вера, надежда, любовь. В стихотворении о брате деда «Памяти архиеерея Августина», несмотря на перипетии жизни, репрессии, обрушившиеся на человека, «вера — всё одно —//с молитвой только крепла, не слабела». Поэт верит, что «всё-таки жива Надежда в мире». Жива, потому что жива в мире Любовь, с которой и смерть не страшна: «Смерть предстанет не грозной старухой —//той, кто всех нас любовью спасёт».

Почвой поэта являются *слово, язык* — составные части понятия родины. Беляева переполняет гордость за «великий и могучий»: «... русскому не знаю аналогов, //велик, как небо, мой родной язык». В другом стихотворении поэт находит высший смысл слова: «... в слове ищешь основ//понимания мира». Таким образом, язык и слово связаны у Беляева с поисками смысла существования, лежат в основе его миропонимания, философии жизни. В связи с этим укажу ещё на одну её составляющую, которой посвящены одни из самых мелодичных стихов автора — на *музыку*. На экземпляре книги «Помню. Слышу. Люблю...» в посвящении Е. Н. Бурундуковской Беляев пишет: «БУДЕМ! И — да здравствует МУЗЫКА!». Как видно, высокое понятие Жизни, выраженное в написанном сплошными прописными буквами слове «БУДЕМ!», приравнено поэтом к музыке, оформленной той же графикой и отмеченной так же восклицательным знаком. Таким жизнеутверждающим, душеспасительным смыслом наполняет Беляев музыку и в своих стихах:

Лечите душу музыкой — она
утешит, объяснит и обнадёжит,
в часы, когда за тучами луна,
и день, как ни крути, бездарно прожит.
И не приносят радости труды,
и от раздумий голова седеет...
Лечите душу! От любой беды
спасает Музыка. Она лечить умеет.

Такой же «лечебный» эффект у Беляева имеет природа — это ещё одна его основа, почва: «... под утро душу лечат дали, //лес в снегу синее за окном. //Веет, веет всё-таки весною! //Пахнет Русью, снегом и дымком, //стружками, лохматою сосною, //яблоневым цветом за окном». Стихи поэта о природе напоминают молитву. Он словно находится в позе молящегося, предстоящего перед иконостасом в ожидании Чуда. В интонации поэтической молитвы выдержано, например, стихотворение «Вишня, вишня, вишенья...»:

Вишня, вишня, вишенья...

Тише, тише, лишнее!
Не шуми, постой молчком,
пред чудесным облачком,

как пред мирозданием,
как перед посланием
людям — с Млечного Пути...
Не читай — гадай и чи!

Многие стихи поэта дышат ощущением полноты жизни: «Господи, да что же это делается?..», «Кого благодарить за это счастье...», «И вновь повеяло теплом...» и др. Большую роль в выражении чуда жизни выполняет деталь, как, например, в стихах: «Сад балует осенним урожаем, //лиловых слив медовой кислинкой, //налётом синим, под которым — мякоть //янтарная...». Сливы описываются так пластично-образно, что невольно ощущаешь во рту их привкус — и хочется слив до жути! Читая эти и подобные им стихи, без малейшего сомнения веришь, что мы всё-таки БУДЕМ!

Р.С. За книгу стихотворений и переводов с татарского «Помню. Слышу. Люблю...» Николай Николаевич Беляев в 2007 году удостоен республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина.

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

СКВОЗЬ ВЕТЕР

* * *

Я выпрыгнул из поезда,
летающего во мрак.
Вслед — крик, и вроде — горестный:
— Куда ты? Вот дурак!

Я выпрыгнул из поезда,
лечу над полотном,
лечу, смеюсь бессовестно:
— Поговорим потом!
Сверхволевым усилием
лечу не вниз, а вверх —
над снежную Россию,
где лес — как волчий мех,
поблескивает инеем,
колючей сединой...
Загадочная, зимняя,
под ледяной луной —
страна, отчизна, Родина,
необъясним твой свет,
разлитый над угожьями,
где ёлок — как ракет...

Я выпрыгнул из поезда,
В нём ехать не хочу.
Я выпрыгнул из поезда
И вот — один — лечу.
Я сам собою вычеркнул
из списков, картотек,
из рассуждений вычурных...
Лечу — сквозь ночь и снег.
Лечу над замороченной,
измученной тщетой,
трудами сверхурочными,
чистейшею, святой...
Над нищею, оболганной,
запетою, пропитой,
с отравленною Волгою,
с чернобыльской бедой...

Я выпрыгнул из поезда,
лечу вдоль полотна,
лечу, не беспокою вас,
вам — цель своя видна.
Вы можете, естественно,
сидеть в своём купе,
хотя и вам — не весело,
несладко, и т. п.

Я — выпрыгнул из поезда,
но не в родной кювет.
Я выпрыгнул из поезда
в свой юношеский бред:
туда, где люди дружбою
и добротой сильны,
улыбка — их оружие —
видна и со спины...
Лечу в края нездешние,
где свет и цвет — другой,
в черёмухово-вешние,
безгрешные — в покой,
который поколениям
лишь снится по весне...
Лечу я тем не менее,
сквозь ветер — не во сне!

И леденею медленно,
и всё же — до конца! —
лечу — куда? — неведомо,
сдирая лёд с лица.

1997

* * *

Румяное небо заката
над светлой и тихой водой.
И поле овсяное сжато,
и лес начинается листвою
сорить на грибные поляны,
опушки, дорожную грязь...
Рюкзак мой сегодня с грибами.
И кажется — жизнь удалась...

2000

* * *

Алые отсветы, бархат знамён,
трубные всплески пронзительных звуков —
и преступления прошлых времён
кровь разжигают в артериях внуков...
Бравые парни, блестящий парад,
конь под суровым, как бог, генералом.
На середину равненье! И — в ад!
В пекло, где машут мечом — не оралом!
В пекло, где ядра и бомбы свистят,
землю и воздух смесили разрывы,
и к небесам твои кости летят,
путаясь в поисках братской могилы.

Нечеловеческий вопль: «За Росси...»
Дух, растворившийся в пламени, в гари.
Господи, душу — прости и спаси,
ту, что отшибло при страшном ударе.

Вечная память и вечный огонь —
ненасытимая, горькая вечность...
Слёз материнских и вдовьих не тронь.
Им не поверить в твою человечность.

2001

* * *

Как дышится легко,
когда сдают морозы,
и оттепелью веет над землёй,
и оживают белые берёзы,
страхнув ненужный иней кружевной.
Они нарядны и без этой зимней
стеклянной бижутерии, они
весну предчувствуют,
и нам пророчат дни,
когда растают все снега в России!

2004

* * *

В беспросветном колодце,
в чёрной бездне нужды
вдруг — лучом уколется
вечно новой звезды.
и почувствовать радость,
встречный трепет её,
светоносную святость
и не быт — бытиё.

2003

* * *

Нет бога, если Бог — всего лишь слово.
Молчи, душа! Молитва — бесполезна.
Так дышит беспощадно и сурово
сквозь все завесы видимости — бездна...
И Человек бледнеет и немеет,
и каменеет скорбным изваяньем.

Но тайное тепло на сердце веет
весенним ветром, облачным сияньем.
И снова жизнь не кажется ошибкой.
Звенит капель, и ты поёшь, несчастный,
и отвечает женщина улыбкой
божественной,
и Тайне сопричастной.

2004

* * *

Господи, да что же это делается?
Снова вишня по садам цветёт,
и печально радуется сердце,
в синеву взлетая, и — поёт!
Ай-люли, а может — гули-гули...
Облака, спустившиеся в сад,
нам былые дни любви вернули,
и теплом и лаской дышит взгляд.
Годы пролетели, не мгновенье...
Нам всё мнится свадебный обряд,
над садами — призрачным виденьем
сонмы белых звёздочек парят.

2003

* * *

Непросто — обрести и соблюсти
меж сотнями народов равновесье,
чтоб каждый был в почёте и в чести,
как в разнотравье или в разнолесье,
где не растут черешни на дубу,
орехи — на берёзе и осине...
Любовь диктует: верь в свою Судьбу!
И если ты поэт — живи в России!

2003

* * *

Ты — Бог.
А я — всего лишь человек.
Я на минутку только.
Ты — навек.
На веки вечные.
А я — мелькну, сгорю...
Но и за то — тебя благодарю.

Я — посетил, увидел.
 Не постиг.
 Лишь прикоснулся...
 Но и этот миг,
 подробный, долгий –
 стоило прожить.
 В нём было всё,
 чем стоит дорожить.

1983

К ПОРТРЕТУ АННЫ АХМАТОВОЙ:

Вся защита — только взгляд и чёлка,
 да язык, которым не лгала.
 А её поэзия — как Волга,
 слёзы всей России собрала...

2009

* * *

Велте Калтыне

То ли юность окликнула,
 то ли опыт труда и лишений,
 бесконечных обманов, с которыми каждый знаком,
 но похож я сегодня на камень,
 гранитный валун обомшелый,
 в чистом поле лежащий,
 заброшенный к нам ледником.

Под развесистой клюквой
 чужих философских суждений,
 наваждений, мечтаний, порывов, метаний слепых,
 в переливах тональностей вешнего света и тени,
 отражений на плёночке волжской
 и где-то в пространствах иных...

Голубые и синие, рыжие мамонты вымерли.
 Не приходят бока почесать об меня уже тысячи лет.
 Бородатый геолог один меня помнит по имени,
 да ещё прозорливая Велта, хороший латышский поэт...

Это время распада, разлада, оборванных связей,
нищеты и разбоя, и поиска новых путей,
перекройки миров, столкновений Европы и Азий,
под припляс хороводный язычески-тёмных страстей.

Я под небом лежу, постигая вселенскую Тайну.
Тайну Света и Тьмы в паутине межзвёздных лучей.
Притяжение душ в этом мире совсем не случайно
и подвластно Любви и Природе, всеобщей, ничьей...

2009

* * *

Я себя в бутылку запечатаю,
брошусь в Клязьму, проплыву Оку,
в Нижнем — Волгой-матушкой покатою
закачаюсь, лёжа на боку.
А перед Казанью пробку высажу,
выйду, одурев, на бережок.
И в кустах ивовых палку вырежу,
подходящий посох-посошок.
Побреду — с улыбкой покаянною
в город мой, где молодость прошла,
промотала утречко туманное,
солнцем сердце глупое сожгла.
Ты другой, мой город,
думать нечего —
все твои кварталы обозреть...
Тих, задумчив час людского вечера.
Ночь глуха, необъяснима Смерть.
Но, пока мы живы — над разгадкою
думаем, за мёртвых и живых.
Теплится в душе огонь — лампадкою
в тёмном, тёплом Храме Всех Святых.

2006

ЭСТАФЕТА

РАМИЛЬ САРЧИН

ОРАНЖЕВЫЙ КОСТЁР

* * *

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка — умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

* * *

Приехать мне сюда пораньше бы,
Когда горит костёр оранжевый
Ракит знакомых над рекой,
Чтоб с небесами да всевышними
Я смог пропеть над каждой крышею,
Отбросив все раздумья лишние:
Я снова — со своей тоской!

Чтобы над каждою деревнею
Вдыхать соломы свежесть древнюю,
И в дыме утопать сиреневом,
И гладить каждый дым рукой!..
Но не горит костёр оранжевый –
Уже сгорел костёр оранжевый
Ракит знакомых над рекой...

Приехать мне сюда пораньше бы...

МАРТ

*Марта бо месяца
начало бытия...*

Греет месяц март,
Новый год по-древнему,
И уже зима
Чахнет над деревнями.

Серые стога
Явью обозначались,
И ручьят снега,
От тепла прозрачные.

Мужики шумят,
Розовея рожам, –
Алексея чтят,
Человека Божьего.

НА ЗАРЕ

Когда и петух не поёт на дворе
И всё молчаливо и гулко,
Люблю совершать по весенней заре
У маковой речки прогулки.

Шуршат под ногами песок и голыш,
И щурится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь — и вроде бы длишь
Себя на какое-то время...

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Когда от грусти никуда не деться,
Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем,
Не унимаясь, просится во двор,
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

* * *

Н. В. Алексеевой

За изгородью вяза
Без суетных хлопот
Кузнечик долговязый
Мелодии прядёт.

На холмике покато
Волнуется трава –
Паук, старик пузатый,
Сплетает кружева.

И пусть себе сплетает,
Пусть вечно вьётся вяз
И песни сочиняет
Кузнечик-долговяз!

ВАЛЕРИЯ СИТНИКОВА

К ЗАВЕТНОЙ ПОЛЯНЕ

Несколько слов от автора

Из всех умных слов, не мной произнесённых, больше всего мне нравится афоризм: «Случайность — это неучтённая необходимость». Случайность, что, обучаясь в церковно-приходской школе, бабушка моя полюбила стихи Пушкина, запомнила их на всю жизнь и, вместо колыбельных, пела своим внукам. Видимо, поэтому мне с детства очень нравилось говорить ритмической прозой и подыскивать рифмы к словам. Научившись писать печатными буквами, я на всех газетах в доме записывала свои «песенки». Одну из них руководитель школьного литературного кружка, Виктор Сергеевич Путинцев, отнёс в районную газету «Сельская новь», где она и была опубликована 1 мая 1956 года. С этой публикации и началась моя литературная жизнь.

Ещё одна случайность, которую я вспоминаю, как некий мистический знак. Наш краеведческий кружок нашёл под обрывистым берегом речки Вои хорошо сохранившуюся лодку новгородских ушкуйников. Вместе с другими артефактами она стала доказательством того, что мой родной город Нолинск Кировской области (ныне снова Вятской губернии) был основан именно новгородцами. В 1987 году, выбирая место, где будем жизнь доживать, я с закрытыми глазами ткнула на карте пальцем в Новгород.

Стихи пишу до сих пор, а они, как было сказано, «не пишутся, случаются».

СОН

Мне снилось, что в жизни предшедшей,
Грядущею славой маня,
Насмешливый бог сумасшедший
Посланницей выбрал меня.
И тысячи раз я рождалась,
И стыла в предсмертной тоске,
И вечное слово пыталось
Воскреснуть в моём языке.
Сурово оно и потайно,
И сладко оно, словно мёд,
С ним жизни заветную тайну
Умеющий слышать поймёт.
Но мнится мне: карой суровой
Грозит мне моё божество:
Ведь помню заветное слово,
А смысла не знаю его.

* * *

...А молитва моя проста,
Я не требую чуда:
— Можно, Господи, вместо Христа
Я распятою буду?
Можно души моих детей
Страшным сном не тревожить?
Можно годы мамы моей
Хоть немного умножить?
Отними и слух мой, и глас,
Если это необходимо,
Только пусть в неизбывный час
Я умру, а не мой любимый!
Слышишь, сирые просят есть,
Рвётся сердце моё на части.
Даждь им, Господи, хлеб мой днесь,
Даждь им, Господи, мир и счастье!

* * *

Как мы горим обидой на Державу,
За русский дух и за родную речь,
Но предками завещанную славу
Не нам и приумножить, и сберечь.
Не единеньем — распрями гордимся,
И доносить спешим, и заушать.
И если мы на что-нибудь годимся,
То лишь до основанья разрушать.
И с пьедестала старый бог низринут,
И слава, как учили, только дым...
И срам, что наши мёртвые не имут,
Пришла пора расхлёбывать живым.

* * *

Не держи меня, моя держава,
Горьким хлебом дедовской земли,
Майских трав медовую отраву
Под ноги поутру не стели.
Больше я в любовь твою не верю,
Слух замкнув и взоры отвратив,
Бедами детей твоих измеряю
Шёпот твой и трубный твой призыв.
Вправе ли судить тебя? Не вправе!
Грех, как грязью бросить в образа...
Но скажи, зачем по всей державе
У детей недетские глаза?
Озверевший брат идёт на брата,
Матери бросают сыновей,
И разбой идёт, гудит набатом
По просторам родины моей?
Отпусти! Уйду! Я жить не в силах
С ядом неразбавленном в крови...
Обернусь во гневе на Россию
И умру от горя и любви.

* * *

Каким вас ветром занесло
В поля моей души,
Где нищий нищим раздаёт
Последние гроши.
Где проститутка весь киот
Слезами облила
И свой несправедливый доход
Монашкам отдала.
Зачем вы здесь среди воров,
Убогих и бродяг,
Где нет ни света, ни стихов,
Где только грязь и мрак.
Здесь, на заплёванной тропе
Вам не найти следа
Той, что от света и стихов
Сама ушла сюда.
С ней рядом те, кто, не моргнув,
Ограбят и убьют,
Зато любимых и друзей
Они не предадут.

* * *

Рукопись вижу синичью
На первозданном снегу.
Я понимаю по-птичьи –
Перевести не могу.
Вечное чудится что-то
В чёткой синичьей строке.
Этой пронзающей ноты
Нет в людском языке.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Спрошу, и негромкое эхо
Разбудит рассветную тишь:
— Откуда, любимый, приехал,
Куда, мой соколик, летишь?

Усмешкой мне сердце уколёт,
Кудрявой потряхнёт головой:
— Спешу я на вольную волю,
Где ветер да конь огневой.
Измучена ревностью чёрной,
Спрошу у любимого вновь:
— Скажи, что на свете просторном
Дороже тебе, чем любовь?
И голосом, звонким до дрожи,
Ответит мне суженый мой:
— Свобода любви мне дороже,
Свобода да конь огневой!
— Свободен, — скажу я, — свободен!
Объяття его разорвав,
Сама перекину поводья,
На конскую шею припав.
Ускачет сквозь рыжую рощу
На рыжем, как солнце, коне,
А речки затейливый росчерк
Подпишет свободу и мне.

* * *

Перегрызла лапу и ушла,
Плавя снег последней алой кровью.
Знаешь, та волчица умерла,
А была она моей любовью.
Опустела, словно лес, душа,
Лес, пропахший кровью и железом,
Только коршун, крыльями шурша,
Правит пир над шкурою облезлой.
Снег растает, прорастёт скелет
Милосердной сорною травой,
Но душа на бледный лунный свет
Будет отзываться волчьим воем.
Милый мой, стучась в другую дверь,
Не забудь тайком перекреститься,
Чтобы не ворвался следом зверь –
Преданная мёртвая волчица.
И, когда уставший от любви,
Ты уснёшь с другой в угаре пьяном,
Не пугайся, милый, сны твои
Будут пахнуть кровью и капканом.

РОМАНС

Зачем вы смотрите подчас
такими грустными глазами?
Мне хорошо, когда я с вами,
когда я думаю о вас.
Я не солгу вам о любви.
Свои печали и утраты
Я доверяю вам, как брату,
Почти без трепета в крови.
Но знайте: в самый горький час,
Когда беда взмахнёт крылами,
Скажу всё теми же словами:
Мне хорошо, когда я с вами,
Когда я думаю о вас.

* * *

Подойдёт и воскликнет: «Воровка!
Не считай, что тебе повезло!»
Так посмотрит, как будто верёвку
Мне на горле затянет узлом.
Не отвечу ни взглядом, ни словом,
Что слова, коль над бездной стою,
Я в петлю и на плаху готова
За короткую радость свою.
И под кручею грешное тело
Пусть терзает потом вороньё.
Я украсть на мгновенье сумела
Ветер, птицу и сердце твоё!

* * *

Не осталось на свете любимых,
На земле не осталось врагов.
Одиночеством горьким гонима,
Я покину неласковый кров.

Я не верю в загробные муки –
Их досталось на бренной земле.
Знаю, верные крепкие руки
Ждут меня и подхватят во мгле.

Верю, встретят у вечной оливы
На исходе последнего дня
Те, кто дружбой меня осчастливил,
Кто враждою уважил меня.

Сброшу жизнь — надоевшую ношу,
В заповедье уйду налегке.
Только нежности кроху не брошу,
В помертвелом зажму кулаке.

* * *

Только лес понимает,
Как я на земле одинока,
Здесь зверьё и деревья, как братья,
Сочувствуют мне,
И речонка лесная, поющая без караоке
Дарит мне двойника в невысокой зелёной волне.
Мне не надо грибов, мимо ягод спокойно пройду я
К той заветной поляне, где вечно царит тишина.
Мне бы только проведать,
О чём там кукушка колдует,
И за ней сосчитать, сколько лет я на свете нужна.
Мне бы здесь умереть,
Затаившись в глухом буреке,
Одеялом из моха укрыв,
То, что станет землёю потом,
Чтобы всё повторить
И продолжить в таинственном знаке,
Через тысячу лет закружившись осенним листом.

г. Великий Новгород

ТИМУР АЛДОШИН

ТАНЦЫ НАД ГОРОДОМ

«А вчера было небо на уровне глаз»

В чудесной сказке Юрия Олеши канатоходец Тибул уходит от погони по натянутой над площадью проволоке... Не таков ли и жребий Поэта? Бежать из-под прицела повседневной пошлости улюлюкающего «света» — в Свет истинный, чтобы иметь право в конце, подобно Григорию Сковороде, выдохнуть: «Мир меня ловил — и не поймал».

Новая книга стихов Александры Кашиной «Глядя на Вас...» — несомненно, произведение Человека Летящего. «Крышами, телефонами, проводами, подъездами, звёздами» летит лирическая героиня «в направлении света, стало быть, к тебе». «Гуляла память по карнизу» — и находила «чистое небо с какой-то заброшенной крыши», и счастье «вечно гоняться за ветром, и видеть в небе воздушный шарик»...

«А вчера было небо на уровне глаз!» Но погоня не дремлет, и — «небо теряется в крышах и лужах...» «Я только хочу десять тысяч воздушных шаров!» Но — «счастье окончилось. Двадцать шаров быстро полетели

кверху, в сияющее синее небо...» И — «звёзды тают навеки в лужах», и «светят, увы, вместо звёзд фонари»... Мирская ловушка срывается снова и снова, отлавливая «беженцев с неба чистого и лазурного», изгнанников из Рая, где гармоническое и целокупное «Мы» — в чистилище разъединённости на «ты» и «я»...

«Одиночество — это всего лишь стремление к свободе»

«Вы — не я, вот в чём непоправимое несчастье...» — горестно констатирует герой Владимира Набокова Цинциннат Ц. «Мы до боли посторонни!» — восклицает героиня Александры. Неслиянность, отдельность обманчиво единых мгновениями душ и тел — вечная рана взыскующего сердца. «Между нами расстоянья мыслей и стихий» — и это неразрешимо на бытовом, благополучном уровне, потому что «истина в прокуренной квартире вновь отдаётся только одному...»

Таков уж, ты, Поэт, что, постоянно понуждаемый прозой жизни вливаться «не в стаю, а в стадо», с оторопью испуга вдруг обнаруживая, что «вас всех слишком много — меня слишком мало», всё равно вечно и вновь уходишь «от себя к другому», ибо в себе одном — тесно! Да, «одиночество — это всего лишь стремление к свободе», но, какое это высокое благо — чужую инакость, непринадлежность тебе уважать и любить, как отдельную ценность!

«Но твои «я» и мои «не ты» навсегда останутся нашими» — выстраданный итог познания душевной меры взаимопроникновения. Показательно, что если первая книга Александры Кашиной называлась «Кочевница Сердца» (лирическое исследование Страны Чувства как таковой), то заглавие нынешней «Глядя на Вас...» — означает важность обращения уже к конкретному адресату.

«Я рисую себя в уголках твоих искренних глаз» — и такое новое сотворение себя через доверяющую отдачу иному взору сулит возможность выхода из противоречия «Ты — не Я» в общую вселенную совместно создаваемого «Мы». И в ней совсем не страшно признать право на самостоятельное существование переплетений «сложного, замысловатого сюжета, в котором уже нет ни тебя, ни меня».

«Принцессы не плачут!»

«Ты царь — живи один». Императив Пушкина применительно к Человеку Творящему толкуется ещё и как надделение сочинителя нелёгкой ношей Ответственности. Создающий нечто — всегда вольно или невольно соревнуется с Господом.

Пытающийся построить «альтернативное мироздание» герой повести Станислава Лемма «Повторение» отвергает упрёк в ереси, говоря, что отступники «исходят из неприязни к Творцу, а я, наоборот, хочу оказать ему помощь». Остро ощущаемое несовершенство мира побуждает поэта «рассмеяться в лицо и уйти за пределы, границы» — социально одобряемой религиозности, идеологии, эти-

ки («назад — в зазеркалье, вперёд — на свободу!»), чтобы «снова родиться непойманным зверем».

К чёрту все правила предосторожности или приличия бесчеловечные! «А бог всё царит и не слышит, как плачет душа под крестом!» Но надежда на неокончателность самодиагноза: «неизлчимо больна абсолютной не-верой» теплится в другой строчке: «Верить ещё рано, думать уже поздно».

И как легко, естественно, без экзальтированных уверений звучит спокойное приятие Дара в стихах:

Ведь перелётная душа
Зовёт пленительно в дорогу,
Где с неизменной верой в бога
И думать легче, и дышать!

«Я хочу поиграться с красками!»

Досотворение мира поэтом — в первую очередь дарение ему новых имён. Вечная игра в фонетический бисер и буквенные классики выявляет индивидуальность каждого нового словотворца. Мир Александры Кашиной оптически ярок, в нём переливаются огнями звёзды, фонари, бабочки и пасхальные яйца, цвета стихий и воздушные шарики, иконки монитора и маски литературных персонажей...

«Я хочу поиграться с красками, я хочу поиграться с лицами» — и игра увлекательна! В ней свои, выточенные автором фигуры. Это и яркие тропы: «Город словно белый медведь, щурится на солнечный день», «Я любовью к тебе простужена», «Влетают фразы упрямой плетью»... И афористичные сентенции: «И есть ли вообще конец у чего-то?», «Но время шло, пока не вышло», «Не случись мы сегодня, так завтра случимся навряд ли»...

И уже прямое словосотворение, часто на грани конфликта с канонической правильностью — но придающее фразе прелесть неповторимости. Вот так, например:

Ты по расчёту, я невзначайно,
Я о высоком, ты о погоде.
И безконцово, еженачально
По кругу время всё ходит, ходит.

И вроде бы так нельзя — но больно уж радостно уверены эти новоявленные словечки в своём праве быть именно так, а не иначе. «Теперь на просторе своих недомыслей» — несловарно, но ведь выразительно... Коли уж «до боли, до стихорвоты» достаёт жизнь — как обойдёшься общепризнанными словами!

«Я вновь о тебе до бешенства или до ужаса...»

Одаряющий нас талантами вручает каждому свой инструмент: кому-то — микрометр, кому-то — тяжёлый заступ. Единственно недопустимая вещь — работа спустя рукава. «... О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» — сказано в Писании. Александра Кашина, как китайский кулинар, готовит текст на ударно сильном огне.

«Восторженно-безумная актриса» играет всерьёз. «Сиюминутна, ежесекундна», она и жить торопится, и чувствовать спешит, поскольку «заблокировать сердце надеждой и чувствоотводом» — дано ли на самом деле? «Уж если в лес, так по дрова, а если к богу, так с молитвой» — есть смысл действовать только истово, когда высшую целесообразность диктует искренность чувства.

То холодна, то горяча, то отвергает «рукоприкладство и губокасанье» — а то жаждет «умирать от безумия, ласки и неги»; какой логикой поверить в такую непоследовательность? Единственно — нелинейной алгеброй Творчества... Только она поможет наново собрать по кусочкам разрозненный, раздробленный мир, чтобы получился «дворец или просто корыто, неважно, тут главное — точность подобранных граней».

И вот тогда приходит искомое — удаётся познать досотворённую тобой «гармонию вселенной — она бессмысленно-прекрасна». Как и само чудо поэзии, когда:

На кухне чайник, а в небе чайка,
А я в нирване, а бог в судьбе.
Всё очень просто — я лишь скучаю
И приближаю себя к тебе.

Сашина новая книга ещё один шаг навстречу в бесконечном приближении Поэта к Читателю. «Гляжу на Вас» — говорит Александра. А мы глядим на неё — с интересом и радостью!

САША КАШИНА

ГЛЯДЯ НА ВАС

* * *

Стоп.
Прятки закончились –
Я не играю.
Кричите,
Топчите,
Кидайте на шпалы!
Я в домике, в танке, в нирване, в сарае,
Вас всех слишком много –
Меня слишком мало.
Устала,
Забыла
Билетик у кассы,
Трамвай, провези меня без остановки,
А город всё скалится странной гримасой,
Я снова на улицах, снова в массовке.
Улыбки,
Приветы,
Не жмите мне руку,
Свои поцелуи оставьте вчерашним
Знакомым, любимым, друзьям и подругам,
Я всех не люблю, и мне больше не страшно.

Пугайте,
Стреляйте,
Ловите за фразы!
Бегом в безысходность, на крышу, в подвалы,
Мы все не случимся героями сказок,
Берите себе — раздаю идеалы!
Сегодня бесплатно,
А завтра с наценкой,
Реклама продвинет их в массы к народу,
А я убегаю, не надо процентов.
Назад — в зазеркалье, вперёд — на свободу!

* * *

Не дыши на меня своим прошлым, до боли знакомым,
В сигаретном дыму растворяясь, я верю в удачу.
Заблокировав сердце надеждой и чувствоотводом,
Всё, что было и будет, пока ничего не значит.
Я — от края до края, а стрелки всё время по кругу,
К чёрту все предрассудки
И мысли шершавые с крыши,
С неба счастье свалилось, а я снова рухнула с дуба,
Сумасшествие — это диагноз, и тут не напишешь
Ничего. Оставляю тебя на исходе
Всех бессмысленных слов
И несказанных смыслов в придачу.
Одиночество — это всего лишь стремление к свободе,
В переплёте дорог растворяясь, я верю в удачу.

* * *

Вперёд! На улицу! Под снег!
Под дождь, под ветер и под солнце!
Какой-то странный человек
Так заразительно смеётся.
Идёт вперёд или назад,
Или навстречу новым судьбам,
А отраженьями в глазах
Всё те же лица, те же люди,

Всё те же мысли и слова,
Всё те же чувства колоритом –
Уж если в лес, так по дрова,
А если к богу, так с молитвой.
И если шаг, то сразу в бег –
И всё торопится, несётся.
А где-то рядом человек
Так заразительно смеётся.

* * *

Крышами, телефонами, проводами, подъездами,
Звёздами
Я лечу навстречу тебя во мне, мы с тобою
Вновь стали взрослыми.
Лето манит к себе качелями
И песками горячими пляжными,
А я вновь пишу неумелые и корявые строки важные
Для меня, забравшейся в комнату,
По теплу и уюту скучающей,
Телефон разразился стонами
Приглушёнными, настоящими,
Разорился гудками короткими...
Я рисую в клеточках крестики...
Прирождёнными идиотками быть приятнее всё же,
Чем бестиями,
Пригвождёнными по-цветаевски...
Нолик вычеркнул всё ненужное...
Умирай от стыда и зависти –
Я любовью к тебе простужена.

* * *

Сладостное чувство –
Редкая свобода,
Без чужих напутствий,
Без любви до гроба.
Без рукоприкладства,
Без губокасанья.
Просто хулиганство,
Просто опознание

Душ или не только,
Но мы будем рядом,
Ровно столько, сколько
Нам с тобою надо.

* * *

Я встретила тебя в потоках общежитий,
В особняках-мажорах, в хрущёвках-побирушках.
Наш город полон встреч и ветреных открытий,
А зажигалка-страсть детишкам не игрушка.
В глумлении машин над темпами двуногих,
И в перебранке строек, и в переключке крыш
Мы встретились с тобой, до боли одиноки.
Мы встретились с тобой. Ну что же ты молчишь?

* * *

А я хочу забраться на самую высокую крышу мира
И там говорить с небом, конечно, без слов.
А я не творю себе ни врага, ни кумира,
Я только хочу десять тысяч воздушных шаров.
А я хочу лететь на шарах с самой высокой
Крыши мира,
Хочу говорить с ветром, конечно, без слов.
А я не творю себе ни врага, ни кумира
И даже не верю в святую до гроба любовь.
А я хочу прилететь на землю с самой высокой
Крыши мира,
Хочу отыскать свободу среди всех оков.
А я не творю себе ни врага, ни кумира,
Я только хочу десять тысяч воздушных шаров!

* * *

Сиюминутна, ежесекундна,
Слегка бредова и непонятна.
Мои «а если», твои «как будто»,
Мои навстречу, твои обратно.

Слова — игрушки, а чувства — ветер,
Мои стишочки, твои мыслишки.
Не будь ребёнком! Да все мы дети...
А жизнь как проза — читаем книжки.
Я строю глазки, ты тянешь ручки,
Проходим мимо и снова встреча,
Ты строишь судьбы, я верю в случай,
Ты кроешь матом, мне крыться нечем.
Вновь кошки-мышки и ёлки-палки,
Ты вхолостую, а я налево,
То снова прятки, то догонялки.
Ты жмёшь на энтер, а я — на нервы,
Пленяют маски, мелькают лица,
Свои подарки ищи под ёлкой,
Я снова стервой, ты так же принцем,
Я вновь без смысла, а ты без толку.
Ты по расчёту, я невзначайно,
Я о высоком, ты о погоде.
И безконцово, еженачально
По кругу время всё ходит, ходит.

* * *

Шутки шутками, но пора бы уже к хэппи энду
Приблизиться, иначе затянутым станет сюжет,
А вокруг только смайлики, комменты,
блоги и френды,
Как обычно, ни цели, ни смысла, ни выхода нет.
Аватары и Ники улыбаются, словно с обложки,
Псевдоглянцевый мир — монитор-монитор-монитор.
И, конечно, нельзя не по правилам, не по-хорошему,
Или это всё я... Но сейчас не о том разговор.
Просто статус онлайн, как зараза,
Цепляется к пальцам,
Всё, конечно, слова, но нельзя ничего поменять.
Я опять ухожу для того, чтобы вновь возвращаться,
Я, конечно, вернусь, пока ты ещё помнишь меня.

г. Казань

Самородок

Повесть

Двое хмурых, неопределенного возраста мужиков с похмельными, обветренными лицами, шагая с лопатами и корытами по пологим отвалам бывшего рудника, где три десятка лет назад драгами добывали драгоценный металл, увидели, что из земли торчит темная тряпка. Один нагнулся и, с силой потянув за неё, вдруг вытащил на поверхность синюю, раздувшуюся, словно резиновая игрушка, человеческую руку.

— Мертвец... — растерянно прошептал он. — Чё делать будем?

— Может, в милицию сообщить? — сказал опасливо второй.

— А вдруг решат, что мы убили... У нас ведь с тобой судимости есть.

— Но мокрухой-то мы никогда не занимались.

— Доказывай потом ментам, что ты не верблюд. Им лишь бы на кого свалить, чтоб раскрываемость была.

— Интересно, кто это?

— Я слышал, какой-то приезжий недели две назад пропал.

— Тогда давай закопаем поглубже.

И они, оглядываясь опасливо по сторонам, быстро и нервно стали забрасывать руку землей, а сидевшая невдалеке огромная ворона, косила на них синевато-чёрным страшным глазом и недовольно каркала...

* * *

Придя с ночного дежурства по охране автостоянки и безмятежно проспав часов до двух дня, Ваня плотно перекусил ароматными, дымящимися парком пельменями, что приготовила заботливая жена Зина, попил густого чайку, разбавленного молоком, и улёгся на продавленный узкий диванчик с толстой философской книжкой.

И такая благодать разливалась у него по всему телу от того, что лежит сытый, в тепле, что прикасается мыслями к изречениям великих мудрецов мира сего и сам становится с ними вровень, поднимается до горних высот их духа, что лучше, кажется, и не бывает, чем это состояние покоя, умиротворения и душевной гармонии. И если бы сейчас Ваню спросили, а не хочешь ли исполнения каких-либо желаний, самых привлекательных, (например, сейчас тебе доставят бесподобно сексуальную и прекрасную рабыню), то он твёрдо бы заявил, чтоб оставили в покое, ибо готов был полеживать на удобном диванчике с умной книжкой хоть всю оставшуюся жизнь.

Некоторое время Зина вопросительно и укоризненно поглядывала на него, но он этого не замечал. Она нарочно ходила рядом с ним, касаясь его плеча полой широкого халата. Наконец она тактично сказала:

— Ваня, оторвался бы на минутку.

— Зачем? — спросил он и тут же забыл, что отвечал и что, вообще, кто-то к нему обращался.

— Поговорили бы о хозяйственных делах. Не всё же время об искусстве да стихах думать.

— А о чём думать? — откликнулся он важно.

— О жизни. Ведь нам кормиться надо, решать бытовые проблемы.

— Я же тебе зарплату всю отдаю — вот и решай, — он недовольно повернулся к жене спиной.

— Ну, зарплата-то у тебя не такая уж завидная. Ты же у нас сторожем устроен, вот если бы у станка стоял. Токарям хорошо платят!

— Тогда я бы вообще ни одного стихотворения не написал, а так хоть ночами книжки читаю, пишу... — обиделся он.

— Но надо иногда и на грешную землю спустаться, у нас же всё-таки семья, ребёнок. Я ведь бросила писать рассказы, хотя тоже перспективной считалась в литературной среде. Работаю, как лошадь, корреспондентом в газете.

— Не пойму, что тебе от меня надо? — Он нахмурился и повысил голос.

— Стенку мебельную собралась покупать, посоветоваться с тобой хочу.

— Стенку... — Ваня сделал вид, что напряжённо задумался... — Дорогая, наверное? Рублей за сто?

— Ну ты даёшь! Совсем от жизни оторвался. Она больше тысячи стоит! — рассмеялась грустно Зина.

От возмущения Ваня даже приподнялся с дивана:

— Ни хрена себе! Да ведь я за книжку стихов, что в самой Москве вышла, всего тысячу получил!

— Я и говорю, что на гонорары не проживёшь. Эту книжку ты писал лет восемь, другую столько же будешь — и тоже всего тысячу получишь. Вот и считай, а ведь у нас сын-школьник, он ест уже больше здорового мужика. Одежда на нём словно горит.

— Да, надо что-то придумать! Может, писать больше? — мечтательно сказал Ваня.

— Господи, если бы ты романы толстенные сочинял — тогда другой разговор: там и тиражи, и объём, и, естественно, гонорары... Так как насчёт стенки — будем покупать?

— Если деньги есть — давай, — ответил он, вновь погружаясь в чтение.

— Скопила немножко... — ответила Зина, планируя дальнейшие действия: — Завтра днём организуй пару знакомых часикам к двенадцати дня, чтоб загрузить стенку в магазине и выгрузить дома, а потом и собрать.

Ваня сделал строгий вид, показывая, что проникся обязанностями, всё понял и непременно сделает, как надо:

— Хорошо.

— Не забудешь? — Зина пристально посмотрела ему в глаза.

— Не забуду... — буркнул он и вновь погрузился в книжку, досадуя, что был прерван ход его мыслей, и теперь следует минут пять вникать в мудрёный смысл, где Аристотель и великие философы древности мощно писали о сущности искусства.

* * *

На следующий день Зина, проснувшись в пять часов и успев написать солидную статью, убежала на работу, сын ушёл в школу, а Ваня в тишине и спокойствии пустой квартиры решил прикорнуть часика на три, пока никто не мешает, не тревожит шумом и разговорами... Проснулся он в полдень и вдруг вспомнил, что именно в это время должен быть в магазине и помогать жене покупать стенку — и не один быть, а с друзьями... Первой мыслью Вани было желание прикинуться больным, но, посмотрев в зеркало, он понял, что отоспавшаяся румяная физиономия на больную никак не тянет, и кинулся к Роберту, который пописывал крошечные рассказы, имел свободный график работы и сейчас должен находиться дома. Тот человеком был неторопливым, и пока Ваня расшевелил его, объяснил ситуацию, прошло ещё полчаса, так что около мебельного магазина они оказались только в час дня и увидели, что Зине уже загружают стенку в бортовой Уазик какие-то чужие мужики.

— Мы здесь! — закричал радостно Ваня, словно совсем не опоздал.

— А чего же к вечеру не пришли?.. — суховати сказала Зина.

— Дела были, — ответил Ваня недовольно: он не терпел, когда его в чём-либо укоряли.

Приехав со стенкой домой и выгрузив её в квартире на пол, Ваня с Робертом важно сели около тяжёлых картонных пакетов и стали неторопливо размышлять, с какого конца стенку собирать и каким методом. Тем временем Зина нашла в кладовке отвертки, дрель и, сунув это всё в руки мужикам, собралась бежать на работу, чтоб дописывать материал в газету — предстояла встреча с важным начальником, у которого она договорилась взять интервью, и время уже поджимало...

— Постой! — решительно остановил ее Ваня на пороге. — А на пиво?!

Она порылась в сумочке и подала Ване крупную купюру, думая сказать, чтобы все день-

ги не тратил, ибо это последние и надо на них ещё жить три дня до полочки, но не сказала, понадеявшись, что сам сообразит, да и опасалась, что иначе он вообще не станет стенку собирать. Когда она убежала, Ваня с Робертом, не торопясь, сходили в ближайший продуктовый магазин и вместо пива купили бутылку водки, потом её неспешно распили, ведя долгие дискуссии об искусстве и политике, и уж тогда снова подошли к стенке. Долго они крутили элементы от стенки так и эдак, долго их примеряли друг к другу и всё это делали солидно, с понимающим видом, наконец, взялись скручивать.

*   *   *

Когда после рабочего дня появилась Зина и вошла радостная в комнату, ожидая лицезреть красивую, собранную стенку, то увидела какую-то странную, перекошенную набок этажерку.

— И это стенка? — вырвалось испуганно у неё.

— Сама такую бракованную купила. Отдай её обратно в магазин... И вообще, тут половины деталей не хватает и шурупов тоже, — огрызнулся Ваня. — Мы тут уже четыре часа крутимся вокруг неё, а она никак не собирается... И кривая вся, — заявил он.

— Так вы же лицевую сторону внутрь закрутили. Вот же где глянцевая поверхность... — обрадовалась Зина уже тому, что стенка всё-таки не бракованная.

— А так красивей! — пьяно жмурясь, сказал Роберт.

— Господи... Идите-ка вы отсюда, мастера хреновы, — вздохнула грустно Зина.

— Мы не хреновы. Мы мастера поэтического жанра, — парировал обиженно Ваня.

— Идите, идите. Я лучше соседа приглашу, — она с досадой махнула на них рукой.

Жалея, что понадеялась на мужа, хотя давно знала, что руки у него не тем концом вставлены, что зря потратила деньги, выделив ему на пиво, она позвала из соседней квартиры пожилого мастеровитого мужика дядю Вову, который сноровисто, за полчаса всю стенку один собрал. Ваня тем временем пошёл провожать Роберта и пропал на три часа, хотя дома их стояли рядом, а идти было всего пять минут: они, как всегда, заглянули к знакомому товарищу по литобъединению и ещё добавили там граммов по двести водки. Вернулся Ваня поздно, навеселе и с гонором, который появлялся, когда он важно и много пофилософствовал и тем вогнал себя в духовный раж. Он посмотрел на стенку и брезгливо бросил:

— Ерунда какая-то! Теперь мешаться будет...

* * *

Ваня сидел в своей крохотной сторожке, когда зашёл молодой, но не по годам солидный инженер Леонид, который недавно устроился на завод и сегодня был дежурным; увидев, что Ваня читает книгу, обрадовано сказал, что тоже увлекается индийской и китайской философией. Слово за слово, началась беседа, где нашлись точки соприкосновения и общие взгляды на вопросы мироздания. Выяснилось, что Леонид недавно приехал в этот город и очень хочет познакомиться с интересными людьми, с которыми можно общаться вне производства. Выяснилось и то, что живёт он на съёмной квартире, так как ещё оформляются документы в общежитие, но хозяева квартиры ему не нравятся и поэтому он с неохотой идёт домой... Ваня вошёл в его положение и радушно пригласил утром в гости. По дороге Леонид купил бутылку коньяка, коробку конфет, и, когда они вошли в квартиру, Ваня с порога сразу представил его с гордостью Зине:

— Вот это Леня. Познакомься. Хороший парень... В поэзии разбирается, в философии. Инженером работает.

— А какое у Вас образование? — поинтересовалась Зина, внимательно разглядывая высокого худощавого гостя.

— Техническое... — ответил он.

— Слава Богу, хоть один технарь появился среди знакомых, а то вокруг одни гуманитарии. Гвоздь прибить не могут, — шутливо сказала Зина, а Леонид воспринял это серьёзно и тут же откликнулся:

— А что, надо гвоздь прибить? Я пожалуйста...

— Надо-то надо, но не буду же я гостя заставлять, — смутилась она.

Тут, чтоб сразу расположить к себе хозяйку, Леонид вытащил на стол из объёмистого пакета купленные продукты. После этого Зина с ещё большим интересом стала поглядывать на Леонида.

Ваня, по-хозяйски вальяжно садясь за стол и открывая коньяк, сказал:

— У него здесь друзей нет, да и с женой он недавно разошёлся. Так что пусть у нас поживёт, пока ему общежитие дадут.

— Пусть поживет... — кивнула Зина после некоторого замешательства и слегка смутившись. — Но у нас же свободной комнаты нет.

— А мы сына к себе в комнату заберём, — сказал Ваня.

Леонид отмахнулся:

— Зачем же? Я с сыном вашим в одной комнате помещусь. Да я ненадолго, на недельку — сейчас документы на ордер оформляются уже. Я вам даже заплачу за постой...

Ваня рассердился:

— Какая может быть оплата? Я с друзей денег не беру!

Леонид кинул вопросительный взгляд на Зину:

— Как хозяйка на это всё посмотрит?

Зина улыбнулась:

— Ну, в общем-то, я не против...

Ваня замахнул рымку:

— Вот и хорошо. Я же тебе говорил, что жена у меня добрая.

Выпив всего граммов сто, Леонид всё-таки выпросил у Зины молоток, сноровисто вбил гвозди в ванной, на балконе повесил веревку для сушки белья, а также привернул в комнате упавшую с одного конца гардину. Рано утром он ушёл на работу, а когда вернулся вечером, то застал Ваню собирающимся в ночную смену и растерялся, но Ваня похлопал его простецки по плечу: «Располагайся без меня! Не стесняйся!»

Поздно вечером Зина позвала Леонида посмотреть телевизор и, вообще, как любознательный журналист, хотела расспросить человека о его житье-бытье, да и о событиях в Баку, откуда после начавшихся кровавых погромов армян Леонид выехал.

— А почему вы с женой разошлись? — поинтересовалась она.

— Хваткая баба попалась — пыталась отнять у моей матери часть квартиры. Да и злая — руку на меня поднимала, — откровенно ответил он, не без внутренней боли.

У Зины вырвалось:

— Дура, разве можно обижать такого мужика...

Леонид продолжил:

— Порядок в доме не умела наводить — всё у неё разбросано, раскидано. Я вот смотрю, у тебя в доме чисто и ухожено. Приятно приходиться... Да и ласковая ты всегда. На Ваню слова плохого не скажешь, взгляда сердитого не бросишь.

Зина развела руками:

— Воспитана так — в уважении к мужу, хотя Ваня как мужик и не очень, если честно.

Леонид насторожился:

— В каком плане?

— Во всех...

— Зато талант! — Леонид восторженно поднял вверх палец.

— Талант на хлеб не намажешь... Да и ведь всё равно не Пушкин и не Есенин... Так, среднего пошиба, таких сейчас немало. Может, и развился бы, но только лень вперёд него родилась... — обреченно сказала она.

Ещё вчера Леонид понял, что в этой семье уже нет любви, и непонятно, что связывает двух людей, а сейчас в беседе убедился, что держит их вместе привычка и боязнь женщины остаться одной.

— Такой женщине другой мужчина нужен, — сказал он.

— Где его взять-то? То драчуны, то алкоголики... Ты же не возьмёшь меня в жены? — произнесла вдруг осмелевшая Зина, ещё вчера почувствовав, что Леонид именно тот, с кем бы хотела жить.

— Почему? — реплика Леонида прозвучала двусмысленно.

— У меня ребёнок!

— Я детей люблю! — как бы в шутку, словно строя некую фантастическую ситуацию, продолжал Леонид. — Мы с твоим Сашкой уже нашли общий язык. В шахматы вовсю играем, я ему приёмы карате показал.

И тут Зина в чувственном порыве положила ладони ему на щёки и внимательно посмотрела в глаза, желая понять, много ли в его словах игры.

— Правда, что ли?

И Леонид вдруг ответил:

— Вполне...

Зина засмеялась в восторге от того, что, оказывается, они оба понравились друг другу, и, быстро целуя его в губы, воскликнула:

— Господи, а я, как тебя увидела, сразу подумала: вот бы мне такого! Ответственный, работающий, энергичный... — она продолжала его так чувственно целовать, как целовалась только во время своей бесшабашной первой любви, которая случилась с ней в четырнадцать лет... Сейчас это полузабытое чувство вновь вернулось к ней, и она шептала: — Боже, какой сладкий!

— Вдруг Ваня придёт среди ночи? — сказал Леонид, не столько опасаясь мужа, сколько пытаясь отгородиться от соучастия в измене и переложить эту вину полностью на Зину.

— Не придёт, — уверенно ответила она.

— Чтоб нас проверить?!

— Дверь на засов заперта. Пока откроем — уже никто ничего и не поймаёт. Ты в своей комнате — я в своей, — И она потянула Леонида на супружескую кровать, раздевая его на ходу.

— Нехорошо как-то. Ведь он мне поверил, — ещё противился он, делая небольшие шажки, словно его вели на аркане.

— А хорошо ему меня игнорировать?! Уже полгода вместе не спим, — сердито прошептала Зина.

— Почему?! — искренне удивлялся он, не понимая, как можно не удовлетворять столь сексуальную женщину. — Я, например, если с женщиной неделю не был, так очень страдаю.

— Вот я и говорю: пойдём... — Зина легонько толкнула Леонида на кровать, торопливо скинула с себя халатик и с придыханием прыгнула, словно в прорубь, в постель. И стала так яростно и страстно ласкать и целовать Леонида, будто впервые в жизни дорвалась до настоящего мужика, и чувствовала бабьей интуицией, что именно с ним она испытает в жизни то, чего доселе не испытывала. Сегодня она изменяла Ване первый раз в жизни, хотя уже давненько подумывала это сделать, вот только не с кем было, да и не хотелось заводить ничего не значащую интрижку, без серьёзного продолжения, а сейчас всё виделось по-иному...

Зина в течение недели изменяла Ване каждую ночь, но честно смотрела ему в глаза: верилось, что её серьёзное чувство к Леониду, столь сильное и страстное, снимает с неё вину, даёт ей право так поступать. За это время они с Леонидом не только занимались любовью, но и ночи напролёт рассказывали друг другу о себе, о своей жизни, о пристрастиях, вкусах и интересах и с удовлетворением отмечали, что они почти во всем совпадают. В конце концов, они поняли, что отныне жить друг без друга не смогут. А когда окончательно определились и пообещали друг другу верную любовь, Зина решила поговорить с мужем и всё ему рассказать, как главная виновница произошедшего.

В тот день Леонид ушёл ночевать в общежитие, чтоб не присутствовать при трудном разговоре. Зина накормила Ваню его любимыми пельменями и глуховато произнесла:

— Ваня, я тебе важное хочу сказать!

— Чего ещё? — Он зевнул, собираясь как обычно завалиться на диван с книжкой.

— Только ты не обижайся... — продолжила она, пытаясь найти наиболее доходчивые и тактичные слова.

— Хорошо, не буду!

— Мы с Лёней любим друг друга... — выдохнула, наконец, Зина.

— В каком смысле? — пожал плечами Ваня. — Он мне тоже нравится.

— Как мужчина и женщина. Я изменила тебе.

Ваня внимательно посмотрел на Зину, чтоб понять, не шутит ли; по лицу его промелькнула растерянная ухмылка, а потом он философски отстраненно произнёс:

— Вот даже как!

— Но это всё серьёзно — мы хотим в будущем жить с ним одной семьёй.

— А я как? — удивился он.

— А с тобой разведёмся.

— Быстро ты всё решила, — он похлопал глазами.

— Я думаю, что лучше быть честными друг перед другом, — твердо сказала она.

Ваня давно понимал, что не удовлетворяет жену во многих смыслах, но она об этом напрямую ему не говорила, не тревожила, да и меняться по её прихоти он не желал, ибо после десятилетней супружеской жизни уже не сильно её любил. А теперь, когда она его поставила перед свершившимся фактом, осознал, что не хочет разводиться, и стал искать повод, чтоб избежать этого или отодвинуть на время; ему не хотелось напрягаться и решать этот вопрос, желалось спрятаться в уютную раковину философских размышлений о вселенной, о мире, о Боге. И он, вспомнив о главном козыре, который склонял в пользу дальнейшей совместной жизни, спросил:

— А как же наш сын?!

— Ты будешь с ним общаться. Я не запрещаю. Можешь временно к себе забирать. Ну а с Лёней у него полное взаимопонимание.

— Да. Я это заметил... — пробурчал Ваня и стал одеваться, говоря себе под нос: — Хорошо. Я ухожу.

— Куда же ты так сразу? Давай ещё всё остальное обсудим, — удивилась она.

— Чего обсуждать? Квартиру ты получила на работе, когда ещё вдвоём с матерью жила, у меня на неё прав нет. Может, юридически и есть, но не по справедливости... Всё я тебе оставляю. Так что живи и радуйся.

Зине стало вдруг очень жалко его: она понимала, что как человек, мало приспособленный к жизни, привыкший к тому, чтобы с ним нянчились, он с трудом найдёт себе место-гнездышко, столь же удобное и уютное, какое свила ему она.

— Но куда же ты?

— У друзей перекантуюсь, а ты пока вещички мои собери... — ответил он, стараясь оставаться спокойным и желая выглядеть в этот сложный момент достойно.

Стоя на пороге перед открытой дверью, Зина сказала ему вслед:

— Извини, так получилось. А ты замечательный человек — не зря я тебя когда-то очень сильно любила... Спасибо, Ваня.

* * *

Ваня долго ходил по городу и обдумывал случившееся. Сначала казалось, что надо пойти и по-мужски поговорить с Леонидом, которого он пригрел, как змею, за пазухой. Потом вдруг захотелось устыдить Зинку, которая решила разбить крепкую семью, ибо сам-то он ей ни разу не изменил и даже не помышлял об этом, ну а когда она устыдится, то великодушно простить её и снова начать жить вместе. Наконец решил, что, может, такие перемены и к лучшему, что он действительно расслабился, живя с ней, такой послушной, хозяйственной и самостоятельной, перестал писать стихи с тем же азартом, как писал, будучи холостым, и теперь следует встряхнуться, очнуться от дрёмы душевной и телесной и начать новую, более красивую и достойную жизнь.

Когда стемнело и стало холодать, Ваня, которого ноги сами собой привели к своему дому, словно очнулся, поглядел с тоской на светящиеся окна квартиры на седьмом этаже и пошагал к давнему другу Виктору, поэту, который возглавлял городское литературное объединение, был у Вани свидетелем на свадьбе и с которым они выпили за годы дружбы немало водки и понимали друг друга с полуслова.

Недавно Виктор получил однокомнатную квартиру, где жил с новой женой, туда Ваня и позвонил, а когда друг появился на пороге, разморенный и домашний, в трусах и майке, сказал:

— Можно, я у тебя переночую?

— Можно, конечно. А что случилось-то? — удивился Виктор.

— Долго рассказывать... Кофейку нальёшь?

— Катя, налей нам кофе... — крикнул он ласково молодой жене на кухню, а Ване сказал: — Проходи, раздевайся... С Зинкой, что ли, поругался?

Ваня, не зная, как поведать о случившемся, некоторое время молчал, ибо сознаться в измене жены почему-то было стыдно, да и пассивное поведение в данной ситуации его явно не красило... И он многозначительно ответил:

— Всё гораздо хуже... А может, и к лучшему.

— Давай без загадок. Мы уже десять лет знакомы...

— Жена у меня влюбилась и хочет за другого замуж.

— За кого это? — Виктор помрачнел и напрягся.

— Я тебя с ним знакомил. Инженер у нас на заводе, которого я домой ночевать приводил... Вот они и столковались, пока я на работе был.

— Ты ему морду набил за это?!

— Может, у них действительно любовь — я это чувство уважаю, — ответил Ваня великодушно.

— Да, дела... Что дальше-то будешь делать?

— Определюсь... Может, в Москву поеду — там простора для творчества много, — ответил Ваня, садясь к столу, куда жена Виктора уже принесла дымящийся кофе. Сейчас Ваня не отказался бы от чего-нибудь более существенного, так как с утра не ел, болтаясь без денег по городу, но попросить постеснялся, хотя ещё вчера бы попросил — удивительно, но он сегодня себя чувствовал каким-то ущербным, что ли, и от этого несмелым...

Когда выпили кофе, Виктор указал Ване на диванчик в прихожей и сказал:

— Ложись здесь, а завтра во всем разберёмся!

* * *

На следующий день с утра Виктор решил, что измену Зине прощать нельзя. Надо пристыдить её, а с разлучником поговорить по-мужски...

Когда Зина открыла Виктору дверь, то растерянно, уже догадавшись о цели его визита, промолвила:

— Здравствуй... А Вани сейчас нет.

— Я знаю. Он у меня ночевал. Я пришёл разобраться, что тут у вас случилось? Почему его обидели?

В этот момент, услышав мужской голос, из комнаты в коридор выглянул Леонид, и Виктор, впившись в его растерянную физиономию уничижительным взглядом, воскликнул:

— И ты здесь?! Как раз мне с тобой потолковать надо... Уйди-ка, Зина, мы с ним погутаим...

Зная драчливый характер бывшего боксёра и не раз видев его агрессию во время пирушек, когда он выяснял с помощью кулаков, кто прав, Зина побледнела:

— Нет уж... Он ни в чём не виноват! Иди, Лёня, отсюда... — И встала между мужиками.

Однако Виктор успел схватить Леонида за рукав свитера:

— Постой. Или ты боишься? Ты же каратист, как будто бы.

— Я же тебе сказала — он ни в чём не виноват. Это я сама захотела, — оттолкнула Виктора Зина, и Леонид тут же шмыгнул обратно в комнату.

Видя, что Зина действительно любит этого мужика (раз так смело его защищает), Виктор грустно и растерянno спросил:

— Я не понял: вроде жили с Ванькой нормально?

— Это только с виду казалось. Мы давно вместе не спали да и почти не разговаривали. Тяжело мне с ним было. Устала я одна всё решать...

— Как бы не пожалела... Всё-таки общий сын. Да и вообще, вдруг Ванька в великие поэты выбьется — потом локти будешь кусать! — процедил Виктор, считавший, что все бабы должны боготворить поэтов, любить за талант и прощать им всяческие заморочки.

— Со мной он явно не выбьется, я его отвлекаю пустыми, с его точки зрения, и приземлёнными делами. Он в последние годы сник, утух... Может, ему другая женщина нужна? — сказала Зина.

Виктор ещё постоял немного в коридоре и, чувствуя, что ничего путного не добьётся, что, похоже, всё здесь очень запущенно, с досадой процедил:

— Ладно, я пошёл... Вы люди взрослые...

Закрыв дверь, Зина прошла к взволнованному бледному Леониду, обняла его, как бы оберегая от всех напастей и невзгод, и подумала, что этого сладкого мужчину от себя уже не отпустит и в обиду никому не даст.

* * *

Прожив недельку в городе, ночуя то у Роберта, то у Виктора, то у старшего брата, у коего на семью из четверых была малогабаритная двухкомнатная квартира, Ваня окончательно убедился, что надо из города уезжать: одно дело перекантоваться ночку-другую у товарища и совсем другое поселиться надолго и тем стеснить не столько друга, но, прежде всего, его «половину». Да и хотелось всем друзьям и родственникам доказать, что он человек самостоятельный, что вполне может обходиться без жены, что наоборот только воспрял духом и теперь-то уж без семейных кандалов, которые виснут гирею на ногах творческого человека, добьётся настоящей известности и признания.

Получив на заводе расчёт, Ваня отправился на поезде в Москву, где в своё время на совещании молодых писателей был отмечен жюри, получил очень хорошую рецензию от известного поэта С., который рекомендовал в издательство его первую книгу. И вот найдя квартиру С., который ушёл на пенсию из «толстого» столичного журнала, где работал заведомом поэзии, Ваня передал ему свою новую рукопись. Ване верилось, что С. встретит его радушно, пригласит к себе переночевать или, по крайней мере, прочитав новые стихи, скажет, что тотчас же даст рекомендацию для второй книжки. Но постаревший, поседевший и ссутулившийся мэтр, принял его суховато и даже с трудом узнал, кто Ваня такой, велел прийти через недельку за ответом.

Перекантовавшись на вокзале пару дней, а остальные проведя у давнего знакомого, тоже начинающего молодого поэта, что работал в Москве дворником и жил в сыром подвале в комнатухе, Ваня снова направился к С., который усадил его перед собой на стул, как директор провинившегося школьника, и сказал строго и многозначительно:

— Прочитал я твою рукопись...

— И что? — спросил Ваня, инстинктивно пригибаясь.

— Если откровенно, хреново всё. В первой книге стихи были гораздо лучше. Тебя новый строящийся город подпитывал! Энтузиазм строителей молодых... А теперь о чём ты пишешь?

— Тоже о городе, о Москве!

— Кому это нужно! — жёстко и прямолинейно сказал С. — Тут без тебя полно бумагомарателей. Лучше переходи на прозу, если можешь. Она сейчас более востребована. Время-то какое на дворе — прагматичное!

Ваня поморщился и откровенно признался:

— Не могу. Ленивый я.

Действительно, несколько раз Ваня уже принимался писать прозу, считая, что поэт всё-таки выше прозаика по владению языком и по метафоричности, а значит, рассказы будет щёлкать, как орешки, но, написав полстранички, уже чувствовал, как устала рука, как заднице неуютно на стуле, да и скука одолевала такая, что хотелось сразу прикорнуть на своём любимом диванчике.

— Тогда найди свою индивидуальную интонацию. Вот как нашёл Рубцов. Твою первую книжку выпустили на гребне интереса общества к комсомольской всесоюзной стройке, где ты жил. А за вторую спросят по всей строгости...

— Но Вы-то даже в это сложное время публикуетесь и живёте на гонорары.

— Так у меня — вся жизнь в этом. И опыт. И то приходится унижаться... Да и член Союза писателей я как-никак. Однако издания книжки жду по три-четыре года. Это всё не для тебя... Вот у тебя, — маститый поэт открыл Ванину первую и единственную книжку на странице, где имела бумажная цветная закладка, — была найдена интересная интонация о деревенском детстве — пронзительная. Как у настоящего деревенского самородка. Пиши так, шлифуй себя.

— Уже не получается, — вздохнул Ваня и подумал: «А почему не получается-то? То ли детство уже настолько далеко отодвинулось во времени, и уже растворились в тумане памяти чистые и светлые воспоминания? То ли душа как-то ссохлась от жизни в городе, где шум, бетон и копоть заслонили собой деревенскую речку и бескрайние заливные луга?»

С., поймав его мысли, подсказал:

— Ты езжай к себе в деревню: может быть, поэтическую струю там вновь обретёшь?! И тогда тебя сразу заметят критики.

— В деревню? Я уж как-то отвык от неё... — растерялся Ваня.

— Ну, смотри, смотри. Может быть, это единственный способ состояться. Или бросай поэзию.

Ваня вышел от С. смурной и недовольный: ему показалось, что известный столичный поэт очерствел душой, не отнесся к нему с должным вниманием. Ваня, будучи невысокого роста и некрупного телосложения, выглядевший всегда молодо, привык, чтоб к нему все относились немножко снисходительно и жалостливо, как к пареньку-самородку из деревеньки, оторванному силой обстоятельств от пастушеского рожка, теперь был обижен и обескуражен.

Побродив по Москве, которая показалась сразу чужой и холодной, Ваня купил билет на поезд и поехал обратно в свой город, где надеялся, что старший брат, который в детстве всегда его опекал, был физически мощнее и крупнее его, приютит на некоторое время. Заявившись с дороги пропылённый, уставший и голодный, он жалостливо сказал Николаю:

— Можно, я у тебя поживу?

— Сколько времени? — спросил вдруг тот.

— Месяц, два... Пока не определюсь с жильём.

Брат, всегда отличавшийся жёсткостью и крестьянской прямолинейностью, вдруг грубо сказал:

— А ты с ним никогда не определишься.

— Это почему?

— Потому что мудака! Ты на хрена выписался из квартиры, оставил её жене?

— Так ведь она её получала...

— Квартира-то государственная, не её собственность. Так что иди обратно и у неё живи! А то моя жена кормить тебя и обстирывать больше не собирается...

И тут Ваня понял, откуда идёт неприятие — со стороны жены брата, которая и раньше-то относилась к нему настороженно, не любила, когда Ваня приходил к ним, чаще всего — с пустыми руками, на халяву.

— И что мне теперь делать? Шалаш на берегу Камы строить? — обиделся Ваня.

— Бабу одинокую найди с квартирой и пригрейся около её тёплого бока, — мудро подсказал брат.

— Ты же знаешь, я без чувства не могу жить с кем попало, — встал Ваня в позу.

— Ну и дурак. Главное, чтоб она тебя любила и о тебе заботилась. Ты ведь как ребёнок.

В этот момент Ваня так сильно пожалел себя, что у него даже слёзы на глазах выступили, а в груди заныло. Вспомнилось детство в деревенском доме, где мастерица мать ласково будила его по утрам поцелуем или прикосновением тёплой мягкой ладони к лицу и звала к столу, где уже стояли поджаристые, горячие и ароматные шаньги и пироги со вкуснейшей начинкой из ягод, и в порыве сказал:

— Может, мне в деревню уехать? Редактор моей книжки в Москве посоветовал туда податься за новыми стихами...

— Точно! Там как раз родительский дом пустует. А то сожжёт кто-нибудь, ты хоть присмотришь, да и со своего огорода прокормиться можно, — сказал обрадованно Николай.

* * *

Собрав небольшой рюкзачок с нехитрыми пожитками (а он всегда одевался скромно), Ваня попрощался с Робертом и Виктором, посидев с ними напоследок в кафешке и распив водочки. Попрощался с сыном, потрепал ему ласково кучерявые русые волосы и даже пожал слегка дрожащую и потную от волнения руку Леониду, чтоб не думал, что он на него в обиде, и поехал в родную деревню, которая находилась в четырехстах километрах от города.

Чем ближе автобус подъезжал к деревне, переваливаясь с бока на бок по кочкастой разбитой дороге, тем больше ярких милых воспоминаний возникало в сознании Вани. Он уже явственно слышал залиvistый и звонкий крик задиристого петуха, который вскочил поутру на жёрдочку изгороди и машет огромными крыльями: «А вот и я! Посмотрите, какой красивый, смелый и сильный! Кто хочет со мной подраться?!» Вспоминалось радостное блеяние коз и овечек, которых выгоняли поутру за двор, на улицу, где пастух с рожком хлестко стегал воздух длинным кожаным кнутом и гнал стадо на зелёные заливные луга рядом с речкой... И такая благодать разливалась в Ваниной душе, что хотелось выпрыгнуть из автобуса, скинуть башмаки и босиком по пыльной дороге скорее бежать к родимой деревне, где уже пять лет не был.

И вот Ваня направляется по неширокой, грязной в весеннюю распутицу улице к родительскому дому. Когда он проходил мимо старой бревенчатой школы, навстречу попала молодая симпатичная женщина со знакомым лицом и, взглядевшись пристальнее в Ваню, вдруг радостно воскликнула:

– Ой, кто к нам приехал – сам Иван Михайлович! Здравствуйте, здравствуйте...Вы меня не узнаете? Я сейчас учительница литературы, а жили мы с вами на одной улице.

– Что-то припоминаю, – сказал Ваня, поглядывая на неё искоса.

– А мы о вас с учениками недавно вспоминали.

– Это почему? – растерялся Ваня.

– Ну как же! Вы такой знаменитый поэт! Нам всем очень нравится ваша книга... Да что же мы тут с вами стоим? Пойдёмте в школу – все ученики будут вам рады. Расскажите, какие новые книжки выпустили. Над какими произведениями сейчас работаете! Как там Москва поживает? Вы ведь, наконец, в Москве сейчас живёте?

– Был недавно...Но мне там не понравилось. Толкотня, все заняты только собой... – ответил несуетливо и с достоинством Ваня, почувствовав с удовольствием, как ему приятно внимание землячки. Но, подумав, что похвалиться новыми книжками не может (их вообще нет), в школу к ученикам идти расхотел.

– Вы надолго сюда? – спросила она.

– Посмотрим... Может, даже жить останусь... – ответил Ваня, думая, что это учительнице понравится, но она вдруг несколько погрузтелась:

– Жить? Что же у нас в деревне интересного? Скука и тоска.

– Есенин вот жил! И какие стихи писал!

– Так ведь он тоже только наездами был.

– А я поживу – вдруг понравится.

– Не знаю, что здесь может нравиться?! Грязь, пьянство и глупость... – разочарованно заметила учительница и уже без особого энтузиазма снова предложила: – Ну что, пойдёмте в школу?

– Нет уж, как-нибудь в другой раз, – ответил Ваня.

– А где вы жить будете? Можно, я к вам загляну? Поговорим о поэзии, а то я так давно с умными людьми не общалась.

– В родительском доме, где ж ещё?!

– А жена, значит, в городе осталась? Или тоже приедет?

– Я с ней разошёлся...

Учительница вновь оживилась, в её глазах мелькнул на этот раз какой-то затаённый интерес:

– Вот как?! Удивляюсь я женщине этой. Ведь вы такой знаменитый, такой умный, такой импозантный.

– Так вы меня захвалите. Загоржусь ещё, – усмехнулся Ваня, отмечая, что ему хочется слышать льстивые слова в свой адрес.

– Да, кстати, а когда вы в город снова поедете, может, возьмёте меня с собой? Я давно хочу туда перебраться, да всё не к кому... и не с кем... А так бы хоть у вас некоторое время пожила на квартире, с умными людьми бы меня познакомили.

– Нет у меня уже квартиры! Всё жене оставил.

Тут учительница совсем сникла, кисло улыбнулась напоследок, посмотрела на часы и сказала:

— Вот как... Жаль. Тогда я пошла, у меня скоро урок, а вы заходите в школу, как время будет.

— Зайду... — ответил Ваня и пошёл по улице дальше. Он уже видел издали дом своего детства, с покосившимися, потемневшими от времени и дождей, забитыми досками окнами, и на глазах вдруг сами собой выступили слёзы.

* * *

В первые дни Ваня, как свободный, счастливый и любопытный ребёнок, бродил по селу, то и дело останавливаясь у какого-нибудь бугорка, камня или деревца и припоминая, что именно здесь произошёл с ним какой-то весьма интересный (пусть грустный или весёлый) случай: тут он свалился с велосипеда и ударился лбом о камень, с тех пор навсегда остался шрам, здесь срезал на иве рогатку, здесь среди сломанных амбаров и зарослей крапивы с друзьями играл в прятки. Найдя на чердаке свою старую удочку с пробковым поплавком от бутылки шампанского, накопал на месте разрушенного хлева жирных червей и зачастил на речку ловить пескарей, которых скармливал рыжему молодому коту, которого ему подарили деревенские. Варить супы и каши он не умел, да и не хотел и потому кормился с магазина, покупая там рыбные и мясные консервы, открывая их большим кухонным ножом. Частенько по вечерам ходил к троюродной сестре матери покойной, которая поначалу обрадовалась его приезду, помыла в баньке и в первые дни оставляла даже ночевать, подкармливая то супчиком, то пловом. Тётка Дарья помогла отмыть дом его родителей от пыли и грязи, а её муж Григорий сбил с окон доски и вставил пару стёкол, кои выбили ветра и хулиганы-мальчишки. Потом тётка посадила ему в огороде грядку морковки, грядку лука, дала мешок картошки, чтоб он её уж сам посадил...

Ваня подобное внимание и заботы принимал как должное и почему-то поверил, что так будет всегда — дом троюродной тётки станет его приютом, она постирает ему одежонку, вкусно накормит да ещё и спать уложит... Но однажды Григорий, невысокого росточка, но очень задиристый, когда выпьет, во время очередного застолья, когда Ваня радостно и много пил его крепкий самогон, посмотрел на него зло и сказал:

— Пора тебе своей жизнью жить!

— Это как? — Ваня потянулся к бутылке с самогоном, чтоб плеснуть себе в стакан ещё. — Я и так живу своей жизнью!

Григорий выхватил у него бутылку:

— Ты не живёшь, ты паразитируешь!

— На ком это я паразитирую?

— На мне и на твоей доброй тётке!

— Это как? — обиделся Ваня.

— Вот ты постоянно пьёшь мой самогон, а угостил ли меня хоть раз? Принёс ли хоть однажды бутылку водки?! Ни хрена... А ведь не пацан уже, чтоб почти месяц с удочкой шастать, понимать должен. И вообще, живи своим хозяйством — у тебя всё для этого есть! И баня у тебя своя...

— Тебе чего, воды жалко? — растерялся Ваня.

— Жалко не воды, а тебя, олуха!

Вспомнив, что умеет обижаться очень сильно, и подобное не раз действовало на окружающих людей отрезвляюще — они начинали просить у него извинения, заискивать, Ваня нахмурился и заявил:

— Я к тебе вообще не приду!

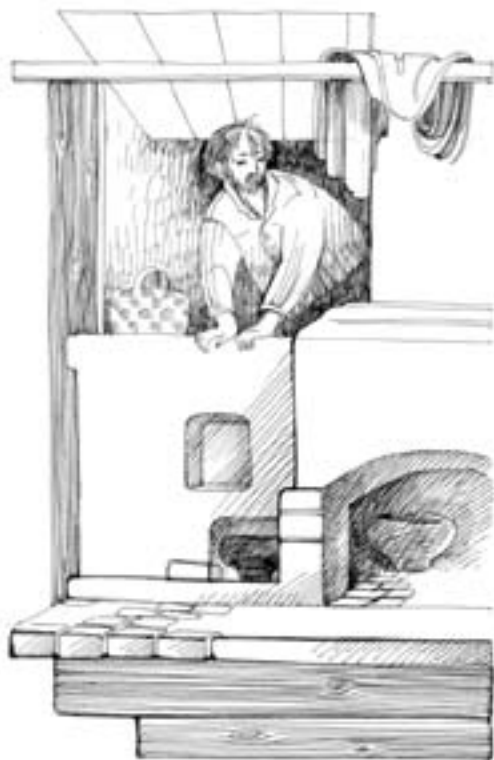
Он-то думал, что сейчас пристыженный Григорий нальёт ему самогона на мировую, ну а тётка начнёт крутиться около него хлопотливой курицей и заставлять попробовать то грибочки, то огурчики. Но тут и Дарья посерьёзнела и затаилась, а Григорий лишь расхохотался и заявил:

— Валяй на...

Проснувшись на следующий день голодным, Ваня уже хотел направиться к родственникам, но вспомнил про вчерашнюю ссору и решил сходить в магазин. Но, сунув руку в бумажник, обнаружил, что там пусто — хватит только на пачку сигарет «Прима». Он заглянул в мешок, где лежала данная ему для посадки тёткой картошка, чтоб испечь её сейчас в печи, но нашёл лишь пару проросших, сморщенных уже и подгнивших картофелин: всё остальное съел на рыбалке, испёкши в костерке... Вспомнились слова Григория, что пора идти работать, которые вчера он принял в штыки, а сегодня над ними задумался.

Так как никаких производств в селе не имелось, то Ваня, не торопясь, вразвалочку направился в колхозную контору, где встретил в коридоре председателя — мужика пожилого, но ещё энергичного, прокопчённого солнцем и ветрами, который, как казалось, работал на этой должности вечно, ибо Ваня помнил его ещё с детства.

— Решил пожить тут у вас с годик, — сказал Ваня. — Работу бы какую...

Председатель осмотрел его с головы до ног и спросил:

— А права у вас есть? Шофёра, тракториста, комбайнёра?

— Прав нет.

— А как вообще к технике?

— Технику не люблю, — откровенно признался Ваня, ибо никогда в жизни не держал в руках гаечный ключ.

— Это плохо. Нам специалисты нужны. Может, вы экономист, агроном? — называл его уважительно председатель, зная, что перед ним поэт, которых в советской стране было принято уважать.

— От этого тоже далёк.

— Тогда не знаю, что и предложить.

— Работу какого-нибудь подсобного рабочего.

— Боюсь, что вас она не удовлетворит. Вы же непростой человек... У вас руки не для этого созданы. А работа та грязная, пахнет там сильно.

Ваня грустно вздохнул:

— А вы предложите.

— Как-то даже и совестно.

— Ничего, я переживу.

— Есть у нас вакансии на ферме, навоз убирать, корма разгружать.

Но это я так, к слову... — вяло сказал председатель, боясь обидеть своим предложением.

Ваня, постоянно думая, что у него уже нет ни копейки в кармане и ощущая голодное посасывание в желудке, выдохнул:

— Пойду! Я же в деревне вырос.

— Но смотрите тогда, не обижайтесь. Там ведь и денег не так много дают.

— Но с голоду-то не пропаду?

— Смотря какие у кого запросы. Вы ведь, наверное, привыкли всё по ресторанам деликатесами питаться?

— Обычно я питаюсь, как и все люди... — сказал сухо Ваня.

— Ну, тогда идите в бухгалтерию, оформляйтесь... — И председатель, указав на нужную дверь, быстро кинулся к выходу, чтобы ехать с проверкой на поля.

* * *

Так как молодых и не сильно пьющих мужиков в деревне почти не осталось, поскольку те, кто поумней и покультурней в город давно уехали, то на Ваню постоянно обращали внимание пожилые женщины, у которых дочери засиделись в девках или же вышли замуж за тунеядцев-алкоголиков и были вынуждены через какое-то время разойтись. Вот и доярка Варвара, у которой двадцативосьмилетняя дочь Клава родила ребенка от буйного и

драчливого мужа, с коим и прожила-то всего полгода (потом тот угодил за воровство и драку в тюрьму), как-то вечером заявила ей:

— У вас сейчас Иван на ферме работает... Я слышала, он с женой разошёлся?

— Будто бы так... — ответила Клава, что изредка перекидывалась парой слов с новым скотником на ферме.

— Как он тебе? — спросила Варвара, изучающе поглядывая на дочь.

— Мужик вроде неплохой, добрый. С юмором, но ленивый только, — вяло ответила Клава.

— Так ведь в городе долго жил — отвык от деревенского труда. А вообще-то, ведь мужик непьющий — я это к тому, чтоб в женихи его заманить.

— Мам, ведь он в самой Москве, поди, жил. Зачем я ему — глупая деревенская баба?

— Ты чё думаешь, в Москве одни аристократы собрались? Тоже все из деревень приехали. И он тоже не князь какой, скотником работает. Из хорошей семьи к тому же — отец у него аж директором школы был. Так что ты не опасайся, а начинай клинья подбивать.

— Как?

— Бабе уже под тридцать, а она ещё спрашивает... Пора самой соображать. Он один живёт, хозяйки в доме нет, значит полы вымыть некому — сходи, помой... Постирай ему одежонку, а то он по селу, как последний оборванец скоро ходить будет.

— Как-то неудобно без приглашения.

— Так намекни.

— Попробую, — задумалась Клава и решила — чем чёрт не шутит: авось у них с Ваней что-то склеится и станет она тогда женой поэта, будет с ним умные книжки читать, культурные разговоры вести, а может, он её потом и в город увезёт.

* * *

На следующий день Клава подошла к Ване, который, неторопливо покуривая, поглядывая на небо с задумчивым видом, разгружал вилами с тракторной тележки слежавшийся тяжёлый силос, и спросила с кокетливой улыбкой:

— Иван Михалыч, а чем вы вечерами занимаетесь?

— Почему так официально? — ответил он суховато. — Зови просто Ваня — мне так больше нравится.

— Ну как же, вы же поэт! — сказала она с пиететом.

— Был поэт, да весь вышел, — хмуро отмахнулся он.

— Наверное, вечерами стихи всё пишете? Прочитали бы хоть одно о любви, — она игриво, показывая ему свою резвую полную ножку, быстро постучала носком сапожка по колесу тележки.

— А есть она, любовь-то? В последнее время я что-то сомневаюсь.

— Конечно, есть! — возразила она. — По телевизору вон какие мексиканские и бразильские сериалы про любовь показывают... Аж слёзы из глаз брызжут!

Клава ожидала, что Ваня заметит её кокетство, её интерес к нему и поддержит разговор, намекнёт о свидании, но он явно не торопился приглашать её к себе в гости, и она сама набралась смелости:

— Можно, я к вам вечером приду? Вдруг после этого про любовь напишете?

— Приходи, если хочется, — откликнулся он, и в глазах как будто бы исчезло постоянное уныние. — Только пораньше, а то я в восемь часов уже спать ложусь.

— А что так рано?

— У меня ведь телевизора нет, чтоб сериалы смотреть! — ответил иронично он.

— Что ж не купите?

— Денег ещё не заработал.

— А вам разве за стихи мало платили?

— Ни хрена толком не платили.

— Не верю.

— Вы тут в деревне все, я смотрю, неверующие, думаете, что поэты лопатой деньги загибают.

— Но ведь им же премии дают, я сама в книжках читала. Государственные!

— Мне ещё не давали.

— Тогда у вас ещё всё впереди.

— Может быть... — ответил он, опять погрузнев.

* * *

После вечерней дойки Клава забежала домой, смыла в бане холодной водой с душистым мылом запаха фермы, принарядилась и даже надела чистые трусики, надеясь, что вдруг придётся сегодня заночевать у Вани.

Чтоб деревенские бабы не начали сплетничать о ней раньше времени, она прошла к Ване огородами, за кустами ивняка и зарослями крапивы. Увидев его сидящим на деревянном крыльчке и покуривающим, неожиданно и тихо подбежала со спины и, закрыв ему глаза ладонями, весело воскликнула:

— А вот и я!

— Проходи, раз пришла, — он отворил дверь в дом и впустил гостью.

— У вас тут всё открыто. Не боитесь, что вор залезет? — сказала она, с интересом оглядываясь по сторонам и, прежде всего, бросив быстрый взгляд на стол, где намеревалась увидеть бутылку водки и какую-нибудь закуску — так полагается мужчине делать, ожидая женщину. Не увидев ничего, немного смутилась, подумав, что Ваня прочёл её тайные мысли.

— У меня воровать нечего, кроме книжек. Но книги и раньше никому были не нужны, а теперь и подавно... — едко усмехнулся он.

— Да, бедновато вы живёте... И грязно тут у вас. Вы что, прямо в сапогах по дому ходите? Давайте хоть полы помою, — она обрадовалась, что нашла повод расположить к себе Ваню и стать не лишней, какой вдруг себя почувствовала.

— Помой, если не в тягость, — заметил он без особого энтузиазма.

— А тряпка и ведро где?

— В сенцах стоят.

— А вода-то у вас есть? — она прошла в сени и удивлённо воскликнула. — Так здесь всего литра три.

— Как раз чайник вскипятить хватит, — вяло откликнулся Ваня.

Она загремела ведрами:

— Вот вам два ведра! Сходите на ключ.

— Так это же почти с полкилометра... Устал я что-то. Руки болят. Может быть, не стоит мыть-то? — поморщился Ваня.

— Я вас не пойму! Вы что, вообще мыть полы в доме не собираетесь? — растерялась она.

— Может, как-нибудь соберусь.

— Сходите сейчас или давайте вместе сходим.

— Вместе, пожалуй, можно, а то одному как-то скучно.

Когда шли на ключ, Клава дала ведро Ване, надеясь, что и обратно он их понесёт, но тот, приподняв полное ведро, по-стариковски крикнул, схватившись за поясницу и сказал: «Может, по полведра нальём? Чего-то руки у меня ноют...» Клава решительно подняла коромысло с ведрами на свои покатые сильные плечи и донесла до дому. Там, заткнув подол платья за пояс, сноровисто и азартно стала мыть пол, доски которого облупились от коричневой краски и цепляли тряпку. Закончив мыть и считая, что уж теперь-то заслужила угощение, сказала с намеком:

— У вас есть дома спиртное? Что-то немножко выпить хочется.

— Нету... — ответил грустно он.

— Почему? Вы вообще не пьёте?!

— Пью, если кто нальёт.

— А даме разве сами не нальёте?

— Было бы — налил! А сейчас где взять? Магазин уже закрыт, да и денег у меня ни хрена нет.

Столь откровенное и уничижительное отношение к самому себе Клаву обескуражило: даже самый задрипанный деревенский мужичок и то бы не

признался в полнейшей беспомощности решить этот простейший вопрос: сбежал бы к соседям и попросил в долг, например... Ей вдруг стало Ваню по-настоящему жалко, но, увы, не той жалостью, которая является предвестником любви и заставляет женщину идти на жертвы, и она печально сказала:

— Вам жениться надо. Вы один без женщины пропадете... Огород не посадили: ни картошки, ни помидор, ни огурцов у вас нет. Чем зимой питаться будете?

— Я об этом как-то не задумывался.

— Пропадете вы без женщины, — грустно повторила она.

— А где же её взять?

— Женщин одиноких в селе много.

— Женщины-то, может, и есть, да только я без чувства не могу, — сказал Ваня с какой-то даже гордыней и прилёг на кровать прямо в грязной рабочей одежде, подтянув к животу ноги и свернувшись клубочком.

Минуты две Клава просидела на шатком стуле, надеясь, что Ваня встряхнется, обнимет её, потянет в кровать, но он закрыл глаза и вскоре засопел.

— Иван, вы уже спите?.. — обиженно спросила она.

— Ммм... — пробурчал он в ответ.

— Я пошла? — она тяжело вздохнула и встала.

— Иди.

К себе домой Клава бежала вся в слезах и не потому, что была уязвлена тем, что Ваня её проигнорировал, да ещё и уснул при ней, а потому, что сегодня ещё более разочаровалась во всех мужиках: что уж взять с деревенских необразованных, если такой известный человек, поживший в городе, и то не умеет ухаживать за женщиной!

Вытерев на крылечке слёзы, она вошла в дом сердитая, с раздувающимися ноздрями.

— Ну что, доча? — спросила с хитринкой мать.

— Да пошёл он! — процедила Клава.

— Не столковались? — растерялась мать и сокрушённо покачала головой.

— Я ему и так, и эдак. И намекала, и прямым текстом говорила. И полы ему помыла, думала, угостит рюмочкой, ну и поговорим откровенно.

— Не угостил?

— Нет у него ни хрена. А потом вообще уснул.

— Что за мужик такой? Может, он импотент? — испуганно спросила Варвара.

— Скорей всего. Ведь я так подол высоко задрала, когда полы мыла, что тут бы у любого встал, — Клава достала из шкафа бутылку водки, налила себе рюмку и резко выпила, чтоб хоть немножко успокоиться.

— Жаль, а ведь с виду мужик вроде ничего и молодой ещё, — растерянно сказала мать.

— Да лучше за пьющего выйти, чем за такого. У него в доме шаром покати, а простынь на кровати серее, чем дорога, и спит он на ней, не раздеваясь.

— Да. Ну и мужики пошли... — вздохнула мать, думая не столько о всех мужиках, сколько о том, что отпал очередной потенциальный жених у дочери.

* * *

Если Клава перестала думать о Ване как о перспективном муже и даже перестала общаться с ним на работе, хотя он и пытался с ней заговорить: то ли чтобы оправдаться за столь нелепый приём, то ли запоздало решив, что баба она вполне подходящая для жены, то Варвара по своей мудрой женской жалости решила ему помочь. Видела, как мужик осунулся, болезненно пожелтел, что кашляет уже три недели без перерыву. Зная, что муж его троюродной тетки Ваню на порог не пускает и грозит выгнать жену из дома, если будет общаться с лодырем-племянником, а значит, помощи от деревенских родственников ему уже не дожидаться, она подошла к почтальонке и спросила:

- У Ивана брат старший есть в городе. Пишет он хоть ему?
- Пишет раз в два месяца.
- А Иван-то отвечает?
- Тот вообще раз в три месяца.
- Эх, а ещё писатель...
- А зачем тебе?
- Адрес брата надо. Хочу ему письмо написать.
- Так у Ивана возьми.
- Не даёт. Не могу же я ему сказать, что хочу позвать брата сюда, чтоб он забрал его, пока тот не замёрз зимой.
- А что, у него дров нет?
- Как выяснилось, он человек вообще неприспособленный к жизни в деревне. Ходит грязный, бородищей оброс, волосьями сальными до плеч, воняет от него... В бане, кажется, уже три месяца не мылся.
- Так пригласи и отмой, — хитро усмехнулась почтальонка, намекая на то, что знает о свидании Клавы с Иваном.
- Нужно больно. Своих забот хватает. Был бы хоть мужик справный... Да и почему я? У него вон дальние родственники в селе есть, и то с ним не общаются... Вот он консервами да хлебом только и питается.
- Так это ж дорого — консервами-то каждый день! — возмутилась почтальонка.
- Конечно! Ну ладно, ещё мы молоком его на ферме напоим да с собой банку дадим... А то бы помер уж!
- Хорошо. Дам адрес, как письмо от брата придёт.

Получив из родной деревни письмо от бывшей соседки Варвары и прочитав о мытарствах младшего брата, Николай долго хохотал, ибо в отличие от ранимого и мягкого Вани был человеком уверенным в себе, решительным — и это чувствовалось во всём: ходил он с достоинством, в раскачку, часто сурово сводил брови в разговоре — дескать, я мужик не промах, говорил басовито. И потому, узнав, про житьё-бытьё брата, отнёсся к этому поначалу снисходительно-иронично, но потом, вспомнив, как с детских лет опекал младшего по просьбе родителей, решил, что пора выручать его, как это делал всегда, защищая от драчливых сверстников, а пару раз даже спасал из весенней и паводковой бурной речки, где Ваня чуть не утонул, один раз сорвавшись с обрыва, а другой раз свалившись с льдины...

Забрать Ваню к себе у Николая не получилось, ибо жена, строгая и въедливая, сразу взбеленилась: «Ведь он не дитё, чтоб мы за ним задницу подтирали!» — и потому он позвонил сестре, которая была самая старшая в семье, и решил посоветоваться, что делать.

«Наш младший олух, — сказал он ей, дозвонившись с трудом до Приморского края, где она давно уже жила, — с женой развёлся, уехал в родную деревню. Я-то думал, он там как человек будет жить, найдёт себе бабу, а мне из деревни соседка пишет, что сдохнет он там под забором, если ему не помочь...» И долго ещё рассказывал Николай, что случилось с Ваней, как он из знаменитого в городе поэта превратился почти в бомжа... Подумав немного, сестра ответила: «Возьму-ка я его к себе, у меня полгода как муж помер, дети на стороне, так что время его обихаживать есть. Устрою на работу, где сама работала — здесь деньги хорошие платят».

С этой доброй вестью Николай отправился к Ване в деревню. Приехал он ночью во вьюжное холодное время и двинулся к родному дому, окна которого не светились и который имел вид забытого неухоженного строения. Николай в недоумении и опаске подошёл к воротам, думая, что Ваня, может, вдруг уехал куда-нибудь, а может, даже и помер. Одно ободряло, что еле заметная тропинка в снегу всё-таки тянулась через сугробы к воротам от основной дороги, да и то было не понять: собачья она или человеком проторена.

Едва протиснувшись в щель между калиткой и забором, Николай с опаской вошёл с улицы в кухню и растерянно крикнул:

— Ванька!.. Ты живой?

— Кто это? — раздался какой-то старческий, болезненный и глухой голос, послышавшийся непонятно откуда.

— Ты чё, зараза, брата своего не узнаёшь?!

— А.. — Из-за трубы с обшарпаной печи высунулась лохматая голова, похожая на голову Робинзона Крузо, который прожил на острове более двадцати лет. Николай расхохотался и заорал:

- Холодище-то у тебя дома! Ты что, печь не топишь?
  - Топлю раз в неделю... — вяло и очень устало ответил Ваня.
  - Так у тебя вон вода в ведре застыла, — кивнул Николай на ведро у порога, где поблескивал лёд. — Давай быстро печь затапливай.
  - Сам топи... Я чё-то приболел.
  - Где дрова-то у тебя?
  - Нет дров. Я вон забор у сада ломаю.
  - Ну ты и мудака! Даже дров не запас, — сердито процедил Николай, которому вдруг стало жалко родительский дом, что разбирают на топку.
  - А где я их возьму?
  - Тальника бы у озера нарубил.
  - А на чём привезу?
  - Лошадь бы нанял... Да чё с тобой разговаривать! Вставай, сукин сын, я тут с дороги проголодался, нет ли чего пожрать?
  - Посмотри вон в печке: может, ещё банка рыбных консервов осталась.
  - А ты чё, суп или кашу не варишь?
  - Купил как-то крупы, так её мыши сожрали.
  - Кота бы завёл.
  - Был, да пропал куда-то.
  - А ты его не сожрал, случаем?!
  - Да ты чё?! Я животных никогда не обижал и не обижу.
- Николай побежал в сад и тоже, со скрипом выдирая из ржавых гвоздей, сломал садовый штакетник, которого осталось уже немного. Затопил печь, а так как голова Вани спряталась за трубой и больше не появлялась, снова крикнул:
- Да слазь ты, зараза!
  - Подожди, отогреюсь... А зачем ты приехал? Я тебя вроде не звал?
  - Добрые люди написали, что скоро загнёшься. Правду, похоже, написали. Вот я и приехал за тобой. Кажется, вовремя... Так что собирайся в город.
  - А чё я там буду делать?
  - Может, к бабе какой-нибудь пристроишься! Да и в городе всё-таки сортир тёплый.
  - Не знаю... — ответил Ваня с таким равнодушием, что стало понятно: ему уже ничего не интересно в этой жизни.
  - А кто должен знать?! Тебе сколько лет? Тридцать с лишним. Пора самому о жизни думать, не пацан десятилетний!
  - Знаешь, стимула никакого нет.
  - К чему?
  - Вообще.
  - Так повесься!
  - Я уж об этом всё чаще думаю!

— Я те подумаю, мудак! Я те повешусь, скотина ты эдакая... — Николай схватил Ваню за ногу и с силой дёрнул с печи.

— А как там моя бывшая жена живёт? — сползая на животе с печи, поинтересовался Ваня, вспомнив, как ему было в её квартире уютно и хорошо, и где-то подспудно желая услышать, что Ленька-разлучник от неё ушёл или она его выгнала и ждёт теперь обратно Ваню, кается и тоскует...

— Хорошо живёт, цветёт и пахнет и о тебе не вспоминает! — жёстко сказал Николай.

— А сын? — грустно спросил Ваня, чувствуя вину за то, что за полгода ни разу ему не написал и даже ни копейки денег не выслал, хотя в принципе алименты-то положен бы по совести давать...

— И сын — тоже! Ты же его бросил, добровольно отдал чужому мужику.

— Не отдал! — у Вани на глазах выступили слёзы.

— А бывшая твоя сказала, что вы с ней договорились: она не будет требовать с тебя алименты, а ты не станешь претендовать на сына. Так оно было?

— Почти... Но видеться-то я с ним имею право.

— А что ты ему скажешь: дескать, привет!.. Да он тебя такого не узнает. Ты же за полгода превратился в чучело! Хуже бомжа...

Ваня уставился на себя в грязное, засиженное мухами, треснутое посредине зеркало, что висело у рукомойника за печью, и ничего не сказал.

— Давай-ка ещё и баню затопим, помоемся! — азартно предложил Николай. — Баню-то, надеюсь, не разобрал по брёвнышку?

— Думал, вот как забор закончится... — откровенно признался Ваня, чем ещё больше разозлил брата.

— Мудак!

— Хватит обзывать. Я, между прочим, тоже человек и собственное достоинство имею.

— Да... — растерянно покачал головой Николай. — Мы все в городе думали, что ты тут кучу стихов написал. Поэму какую-нибудь забабахал, вроде «Анны Снегиной».

— Я уж забыл, как это делается. Утром затемно на работу, вечером затемно с работы — лишь бы до постели добраться. Не знал, не знал я, как люди-то живут в селе!

— Жили же мы в детстве, только ты забыл, да и не вникал никогда. Тебя же родители баловали: «Ах, Ванечка, какие он стишки пишет замечательные!» А я и дрова колосил, и воду носил, и за скотиной с сестрой вместе ухаживал, навоз убирал...

Ваня философски продолжал уже о своём:

— Вот я и думаю, нужны ли людям мои стихи, если они так без продыху живут? В заботах о хлебе насущном. И решил, что вообще писать не стоит...

* * *

Отмыв Ваню в жаркой тесной баньке, пахнувшей застарелой плесенью, Николай сбегал за бутылкой водки. Выпили они её вечером, закусив печёной ароматной картошкой, и чуть крупно не подрались, когда вдруг Ваня, захмелев, воспрял духом, опять заимел чувство собственного достоинства и уже не захотел сносить насмешки и колкости в свой адрес. Они схватились за грудки, оторвали по паре пуговиц на своих рубашках, но вовремя опомнились... На следующий день поутру уехали на автобусе в город.

* * *

Слегка откормившись у брата за три дня, по крайней мере, перестав болезненно, как туберкулёзник, кашлять и с уже порозовевшим лицом, постригшись в парикмахерской, где не прихорашивался уже очень давно, Ваня отправился на поиски женщины, которая бы его полюбила и обогрела. В первую очередь он зашёл к Свете, которая когда-то посещала вместе с ним городское литературное объединение и всегда горящими от восторга голубыми глазами смотрела на него, а он тогда игнорировал её: всё-таки она по стати и по образованию проигрывала его бывшей жене — худая, нескладная, длинноносая, окончившая какое-то ПТУ...

Увидев Ваню, она искренне обрадовалась и кинулась его обнимать и целовать:

— Кого я вижу?

— Здравствуй, здравствуй, Света... Как у вас тут жизнь в городе? Чем занимаетесь? — ласково спросил он, чувствуя, что её симпатия к нему не исчезла.

— Квартиру вот однокомнатную наконец-то заимела. На двоих с ребёнком... — бодренько ответила она.

— Так ты вроде тут и жила?

— Так раньше здесь было общежитие, а теперь его расформировали!

— Уютно у тебя. Не знал, что ты такая замечательная хозяйка, — нежно сказал Ваня, отмечая грустно, что и мужики умеют кокетничать и льстить, если их прижмёт.

— Спасибо за комплимент. Садись за стол. Кофейком угощу, — она поспешила на кухню, спрашивая по пути: — Ну а ты как? Ты же сказал, что в Москву поедешь после развода с женой. Ну и как Москва? Вторую книжку ещё не выпустил? Поэтом знаменитым не стал? Я просматривала все московские журналы, надеялась твою фамилию увидеть. Ведь ты у нас в литобъединении самый талантливый был.

— Был, да сплыл, — ответил откровенно Ваня, хотя сейчас очень хотелось показать себя с самой лучшей стороны и не обмануть ожиданий женщины, ибо других талантов у него не имелось...

— Почему?

— Не пишется. Пустота какая-то в душе.

— Да, время-то какое! Капитализм наступил... Люди стали рациональными, холодными, не до поэзии. Лишь бы выжить.

— Это я понял ещё в Москве и потому в деревню уехал, но, прожив там полгода, осознал, что и там наше стихоплётство никому не нужно.

— А чем теперь занимаешься?

— Три дня назад вернулся. Думаю, куда работать пойти.

— С работой сейчас сложно стало. Рабочих всюду сокращают, денег не платят... Ну а где живёшь?

— Пока у брата старшего, но он уже гонит: дескать, кормить тебя за дарма не буду... — Тут Ваня втянул голову в плечи и по-детски широко и добродушно улыбнулся, показывая, что он, в общем-то, такой маленький и безобидный, что его необходимо пожалеть и приглубить, а места он много не займёт, и сказал: — Может, у тебя какая-нибудь раскладушка в уголке найдётся?

Света грустно посмотрела на него, подумав, что если бы он ещё год назад предложил ей такое, она бы обрадовалась и даже секунду не сомневалась с ответом, но теперь настали другие времена.

— Раскладушка-то, может, и найдётся, да вот с уголком сложновато... — ответила она.

— Это почему? Ведь я же помню, ты мне лет пять назад стихотворение посвятила, где признавалась в любви. Давай старое помянем...

— Было дело... Но быльём поросло. Ты мне тогда казался чуть ли не Есениным. Любила твои стихи, ну и тебя с ними олицетворяла. Тоже романтическая девушка была.

— Что теперь? — Ваня ещё не до конца понял, что она решила.

— Теперь смотрю на мир и на мужиков трезво. И понимаю ясно, что жить с тобой вместе не сможем.

— Да я послушный и добрый! — опять по-детски безобидно улыбнулся он.

— Это хорошо, но для мужика мало. Он хозяином должен быть, а ты как был ребёнком, так и остался несмотря на бороду. Уж извини за откровенность. А мне двоих детей (тебя и сына) просто не потянуть.

Опять жизнь в лице Светы тыкала Ваню носом в его мужскую несостоятельность, и он даже хотел сильно обидеться, рассердиться, хлопнуть дверью... И ещё недавно так бы и сделал, но теперь он был уже другой, учился терпению. И грустно сказал:

— Вот, значит, как! А может, я исправлюсь?

— Сомневаюсь. Это же с детства должно проявиться, как вот, например, в твоём старшем брате.

Понимая, что большего ему не добиться, он с тоской произнёс:

— Тогда прощай! Спасибо за кофе.

— Захаживай!

— Буду проездом — загляну.

* * *

С опущенными плечами и втянутой в воротник головой, представляя со стороны жалкое зрелище, Ваня вышел из подъезда Светы и хотел, было, направиться к очередной знакомой, но, подумав, что результат будет таким же, двинулся к бывшей жене. Он уже знал от брата, что живут Зина с Леонидом очень даже неплохо, она стала модно и дорого одеваться, посвежела, расцвела, они автомобиль новый купили, чего с Ваней, конечно бы, никогда не случилось. На возвращение прежнего чувства любви Иван не рассчитывал, просто хотел сына увидеть.

Зина открыла ему дверь и радушно воскликнула:

— О, Ваня! Я уже слышала, что ты в город приехал. Ждала тебя.

— Правда, что ли? — У него в этот момент ёкнуло сердечко.

— Поговорить надо об одном серьёзном деле, — почувствовав, что Ваня может её неправильно понять, уже суше сказала она.

— Мы вроде все серьёзные дела отрешили.

— Ещё не все... — Здесь Зина сделала длинную паузу. — Я с мужем в Израиль уезжать собралась.

— А на хрена? Чего тут не живётся? И ты же не еврейка, а чувашка. Кому ты там нужна?

— Лёня у меня еврей.

Ваня растерянно заморгал и с натянутой ухмылкой едко выдавил:

— Вот даже как?

— Не шути. В России жить становится несносно. Уже сейчас полный беспредел: моя газета закрылась, у Лёни полгода зарплату не платят, а в Израиле у него родственники живут очень богато.

— А на какие шиши тогда машину купили?

— Лёня кое-каким бизнесом немного занимается.

— Ну если решили, так езжайте! Ваши проблемы, а я с сыном пришёл пообщаться. Где, кстати, он?

— Вот о сыне разговор и идёт. Он ещё несовершеннолетний, и ему требуется разрешение отца, чтоб выехать. Твоё разрешение!

Ваня жёстко пошутил:

— А я ещё разве отец?

— Вот сейчас мы и должны решить: или ты отказываешься от отцовства, а Лёня твоего сына усыновляет, или даёшь разрешение.

Ваня насупился:

— От отцовства не отказываюсь.

— А я бы посоветовала, ведь ты всё равно алименты не платишь.

— Пока не из чего, — отрезал он.

— И дальше будет то же, а так хоть Лёня о нём станет заботиться. Впрочем, он и так одевает его, кормит, а начнёт ещё больше внимания уделять. Сыну же лучше будет. Здесь он может и в тюрьму попасть — вон сколько бандитизма кругом! Дворовая пацанва наркотики колет и моего Сашку пытаются втянуть в это дело... Он уже попадал за кражу в милицию... Так что надо быстрее отсюда уезжать!

Понимая, что он действительно хреновый отец, что, в принципе, всю жизнь думал только о себе и об искусстве и что вряд ли уже изменится в лучшую сторону, Ваня обреченно сказал:

— Хорошо, я подумаю. Так где сын?

— Он у друга в соседней квартире. Сейчас позову.

Через минуту Зина привела сына, в глазах которого Ваня, к своему глубочайшему огорчению, не заметил особой радости. Уже испорченное настроение стало ещё более поганым. И вообще, сын перед ним стоял, как совершенно незнакомый человек. Он вытянулся, в глазах появилась жёсткость и целеустремленность, которых Ваня ему не мог дать и привить.

— Ну как ты? Меня ещё не забыл? — спросил растерянно Ваня.

— Нет... — ответил тот спокойно.

— Тебя никто не обижает?

— Меня обидишь! Меня дядя Лёня карате научил...

Тут Ваня стал мучительно вспоминать, а чему же он научил сына, что может противопоставить «карате», и вспомнил:

— А стихи не пишешь? Я ведь тебя в детстве учил. И ты неплохие писал.

— Это неинтересно!

— А кем ты хочешь быть?

— Сниматься в фильмах, как Клод Ван Дам!

— Похвально. А не жестокое ли это занятие — кости людям ломать?!

— Так в кино же понарошку! Хотя я бы и в жизни кое-кому поломал!

— Может, в цирк сходим? — не нашёл Ваня нечего более умного предложить.

— Я чё, сопляк, по циркам ходить?!

И тут Ваня отметил, что он сам хоть уже и давно не «сопляк», но, тем не менее, в цирк ходить любит — ведь там праздник, детское беззаботное веселье...

— Ну, тогда просто пройдемся.

— Пойдём.

Гуляя с сыном по городу, Ваня выяснил, что, в общем-то, Сашка совсем не против поехать в Израиль, ибо там, по его словам, больше возможностей попасть в Голливуд, поездить по миру. А на возражение отца, что там давно идёт война с палестинцами, жёстко ответил, что ему нравится воевать, что хотел бы делать вылазки, брать пленных и научиться стрелять из разного оружия... Достойной альтернативы Ваня ему не мог предложить. Выяснилось, что если бы у него был здесь свой бизнес, то тогда бы сын остался с ним, и то при условии, что отец купил бы ему «классную тачку». Странная это для Вани была позиция и непонятная — хотеть далеко уехать, навсегда оставив Родину, и тем более в пустыню, где жара под пятьдесят градусов, и вкалывать там до седьмого пота, отвоёвывая себе место под солнцем в жестоком мире. Но, как он сейчас окончательно убедился, вырастает уже совсем другое поколение людей — азартных, жадных, хватких до земных благ, и сын, видимо, в их числе...

* * *

Через недельку прилетела в город из магаданского края давным-давно уехавшая туда на заработки Ванина старшая сестра, очень похожая внешне и характером на мать, и, так же по-матерински ласково погладив Ваню по белокурой голове во время организованного по этому случаю у брата Николая шумного застолья, заботливо и нежно сказала:

— Я за тобой приехала! Говорят, маешься от безделья. Руки на себя хотел наложить...

И тут Ваня, опять почувствовав укор, взъелся:

— А вы, можно подумать, все делом занимаетесь! Обмещанились... Одни деньги на уме!

— Жизнь такая, Ваня, — сказала спокойно и уверенно сестра, проработавшая всю жизнь на золотых приисках экономистом. — Сейчас государству на человека наплевать — и он выживает, как умеет.

— И чем же я там буду заниматься? — напыжился Ваня.

— Устрою работать на прииск. Жить у меня будешь...

— А муж твой не против?

— Ты, Ваня, похоже, в какой-то прострации находишься... Я тебе писала и брат тебе говорил, что умер он у меня год назад. А квартира у меня большая — дам тебе комнату, присмотрю за тобой.

— Умер, значит, Данил... — У Вани на глазах появились слёзы, и не столько от известия о смерти неплохого, по его мнению, человека, всю жизнь маявшегося сердцем, сколько от понимания тщетности жизни, её никчемности; от ощущения крушения всех своих идеалов и ценностей.

— Умер, умер, царство ему небесное.

Ваня тряхнул головой:

— А что? Уеду, к черту, в вашу Тьмутаракань... На Камчатку. Подальше от всех. Ловить буду красную рыбу... Всё равно меня здесь уже ничего не держит. И от сына я отказался.

— Как отказался? Зачем? — укорила сестра.

— Жена моя бывшая с мужем в Израиль ехать собрались. Вот и попросили, чтоб я отказался от отцовства.

Николай сурово процедил:

— В Израиль?! Дурак, что разрешил! Ведь они с арабами без конца воют, убьют его ещё где-нибудь. А там всех поголовно в армию забирают. Мало того, что евреи-олигархи все деньги из России выкачивают, так теперь и наших пацанов вывозят на пушечное мясо...

— Откажи им! — сказала сестра. — Саню твоего с собой заберём.

Ваня обреченно махнул рукой:

— Пусть едет, раз мы здесь в России такие олухи все! Поголовно наивные романтики, только одни, как я, стихи кропали, а другие по жизни такие... Не знали, что золото правит миром! Согласен, еду на прииск... Может, самородок здоровенный найду! Тогда ко мне совсем другое отношение станет... Зауважают!

Голубые глаза его наполнились каким-то детским восторгом, блаженная улыбка расплылась на лице, он затаил дыхание, ибо уже представил, как его лопата, когда он лишь слегка копнул девственный песочек на берегу затерянной таёжной речки, наткнулась на камень, который вдруг заблестел жёлтым ослепительным цветом. Лепота!..

* * *

Отдежурив в кочегарке смену, Ваня взял заступ, корыто для отмытки грунта и направился на бывший золотиносный рудник, заброшенный уже двадцать лет назад, ибо всю породу там давно перемили и перетрясли драги. С тех пор как разрешили частникам добывать золото, на этот рудник зачастили все безработные алкоголики с посёлка в попытке отыскать два-три грамма золота, чтоб хватило на выпивку и на закуску — и им это частенько удавалось, а некоторые, особо везучие, намывали за день и по десять граммов драгоценного металла. Ваня направился в первый раз и по дороге встретил Гогу, который жил с ним в соседнем доме. Кто Гога был по национальности — непонятно, ибо в его ширококошлом, с маленькими чёрными глазками лице и какими-то щетинистыми усиками смешались чукотские, украинские и кавказские корни: всех тех людей, которые за последние две сотни лет побывали в этом сибирском крае как каторжники или в надежде разбогатеть и заводили детей с податливыми женщинами местных племён.

Гога по дороге рассказывал Ване, как надо намывать золото, а потом на месте и показал, навалив в корыто лопатой грунта и вымыв потом из корыта всё, что растворилось, в ближайшей огромной мутноватой луже. На дне среди маленьких камешков вдруг сверкнула крохотная золотинка, которую Гога, указав на неё Ване, быстро и жадно схватил заскорузлыми пальцами и спрятал с холщовый мешочек, положив его за пазуху рядом с сердцем.

— Сколько тут? — спросил радостно Ваня, почувствовав в груди странный азарт.

— Полграмма будет... И это за пять минут... Так что работай!

— А в каком месте? — спросил Ваня, оглядывая горы отработанной породы.

— В любом — тут везде золото.

— Попробуем.

Ваня взял грунт, что лежал около самой лужи, ибо нести его издалека к воде было лень, и стал неуклюже колебать корыто с грунтом туда-сюда,

вымывая из него муть... Долго колебал, снова посматривал, как это шустро и сноровисто делает сидевший на корточках поодаль Гога, курил, наконец, домыл и, поковырявшись среди камешков на дне корыта, ничего жёлтенького не обнаружил. «Видно, я совсем невезучий человек!» — подумал грустно он, вспомнив про развод с женой и про отъезд сына в Израиль, и снова набрал грунта, решив, что если и на этот раз ничего не попадётся, пойти домой... Так же, не торопясь, он промыл грунт, но опять на дне оказались только камни. В этот момент недалеко от него на песчаный холмик уселась большая ворона, посмотрела на него осмысленно и, как ему показалось, насмешливо каркнула. «Я тебе покажу, как надо мной издеваться!» — процедил Ваня, взял самый большой камень из корыта и хотел запустить в ворону, но когда рука уже сделала размах, в голове промелькнуло: «Что-то тяжёлый?! Железяка, что ли, какая?» Он опустил руку, потёр ноздреватый грязный камень пальцем, и вдруг был ослеплён жёлтым светом. «Неужели? За все мои мытарства...» — подумал радостно Ваня и быстро сунул самородок в карман ватника. Руки его мелко дрожали от волнения, он торопливо и жадно выкурил сигарету, чтоб успокоиться, и сказал с показным равнодушием Гоге:

— Пойду-ка я домой.

— А чё так рано?

— Не везёт мне.

— Не везет?.. — Гога подошёл и сверлящими глазками уставился подозрительно на него и на отвислый карман ватника.

— Ну, даже если бы и самородок нашёл, то что с ним делать? — вяло спросил Ваня.

— Как что? У меня есть знакомый скупщик — он тебе за него большие доллары даст.

— Ну, сколько, например?

— За какой?

— Допустим, за килограмм?

— За килограмм очень много!

— На квартиру хватит?

— И на квартиру хватит!

— А на машину иномарку?

— И на машину хватит...

— Ну тогда я пошёл.

Гога быстро забежал вперёд него и, прерывисто дыша, сказал:

— Покажи самородок, а?

— Какой ещё самородок? Нет у меня никакого самородка.

— Покажи! Ты врать не умеешь. А я тебя с перекупщиком сведу, помогу тебе, чтоб он не обманул. А то он скажет, что весит самородок мало и золото в нём очень грязное, и вообще копейки даст. А будешь упрямиться, милиции сдаст — тогда совсем ничего не получишь.

— Отстань от меня.

— Куда ты с ним пойдёшь? Тебя сразу вычислят — на поезде бандиты отнимут, на самолёте через металлоискатель не пройдёшь... Я тебе помогу его в деньги обратить.

Ваня хвастливо крикнул:

— Ну хорошо... — и солидно вытащил из кармана ноздреватый тяжёлый камень.

Гога потянулся, к нему с вытаращенными глазами, но Ваня убрал руку с самородком за спину.

— Большой... — выдохнул с каким-то стоном Гога. — Такой здесь никто никогда не находил. Счастливый ты человек, фартовый!

— Какой, к чёрту, счастливый?! Болван я лопоухий. Жена меня бросила, с другом изменила, сына у меня забрала, поэта из меня не получилось.

— Теперь зато хорошо жить станешь.

— А что, куплю квартиру, за сыном съезжу — скажу, вот тебе машина, о которой мечтал! — И Ваня расплылся в довольной улыбке.

Гога хмыкнул:

— Тебе бы надо поделиться со мной... Ведь я тебя научил золото мыть!

— Поделиться? А как я его разрублю?

— Деньгами отдашь.

— А если тебе завтра повезёт, ты со мной поделишься?

— Конечно!

— Ну тогда пошли, а там разберёмся, кто кому должен.

И Ваня радостно зашагал вперёд, насвистывая и поглядывая на высокое северное небо — дальнейшая жизнь ему казалась такой же голубой, безоблачной, с безоглядной перспективой. Когда он почувствовал опасность, было уже поздно — он лишь заметил перекошенное в злобе лицо Гоги и быструю тень стального заступа, который раскроил ему череп. Вытаскивая из кармана Ивана самородок, Гога тихо сказал: «Все вы, русские, дураки наивные! Знаете это, а исправиться не можете...»

«КАМАЗ-МАСТЕР»: БЕЗ БУЛДЫРАБЫЗ!

Раллисты из Набережных Челнов более 20 лет достойно представляют КамАЗ, город Набережные Челны, Республику Татарстан и Россию на международной арене.

Вы согласны с тем, что прошла пора героев? Я — нет. И у меня, уверяю вас, гарантированно найдётся масса сторонников. По крайней мере в полумиллионном Автограде, где живут творцы подвигов — как трудовых, так и спортивных.

Чтобы убедиться в закономерности подобной патетики, хотелось бы задать читающей публике несколько вопросов. Способны ли вы привести хотя бы один пример того, чтобы заводская команда защищала честь государства российского как национальная сборная? Найдёте ли вы аналог коллектива, за который выступали бы одновременно пять заслуженных мастеров спорта и восемь мастеров спорта международного класса? Можете ли вы припомнить случай, чтобы в честь спортивной команды была названа улица большого города? Или такой прецедент, когда градоначальством целых 12 календарных месяцев объявляются Годом (речь о 2008-м) этой доблестной дружины?

БЕЗ БУЛДЫРАБЫЗ — в переводе с татарского "Мы можем"

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛО

КАМАЗ, как известно, строила вся страна. Она же, естественно, и запустила его производства в действие. Из всех уголков тогдашнего Советского Союза в Набережные Челны устремились и молодые, и уже возрастные специалисты, помешанные в лучшем значении этого слова на автомобильной тематике. Те, для кого машины — не просто средство передвижения, а почти одушевлённый объект профессиональной привязанности, который они всю жизнь намерены совершенствовать.

В зарождавшемся рядом с промплощадкой городе было тогда явно больше хлеба, чем зрелищ. Этот перекося решила исправить группа энтузиастов автоспорта, в состав которой входил и главный инженер автосборочного завода Семён Якубов. Ребята стали «гоняться» на багги — причём весьма небезуспешно, — составив серьёзную конкуренцию уже признанным мастерам из других клубов страны.

Какой ажиотаж здесь, на берегу Камы, вызвали первые всесоюзные соревнования баггистов! Толпы людей, в великом множестве собиравшихся возле трассы гонок, эмоционально болели за «своих». И даже далёкому от подобного рода занятий человеку стало очевидно: у таких видов спорта в автограде многообещающие перспективы... Подтверждением явилось затем и открытие школы картинга для детей и юношей. Оттуда потом вышли молодые талантливые гонщики, которые сегодня подпирают грандов в целом ряде дисциплин.

Затем Семён Якубов со товарищи пересаживаются из багги в легковые автомобили. И в другом уже качестве дают понять именитым соперникам: с ними надо считаться. Как и раньше, на этот раз уже ипподромные гонки благодаря успехам земляков собирают на проспекте Чулман многотысячную аудиторию болельщиков. Казалось бы, вот она, найденная камазовскими автоспортсменами колея. По ней — беспроегрышный вариант! — можно и следовать в будущем, наращивая мастерство и отвоёвывая призовые места на подиумах...

КУРС НА X-TREME

Тем временем с главного конвейера КАМАЗа безостановочно начали сходить серийные большегрузы. И со всей неизбежностью обозначилась задача продвижения новоявленного бренда в стране и за рубежом. Надо, чтобы о камазовской марке узнали в мире — так ставился вопрос. И лучшего для этого способа действий, чем участие грузовиков из Татарстана в выставочных гонках и соревнованиях, причём и за пределами СССР, наверное, быть не могло.

«Тогда-то и получила импульс к существованию идея выставить грузовики на этапы чемпионата Европы по шоссейным кольцевым гонкам, — писала газета «Рабочий КАМАЗ». — Правда, каких-то лавров нашим траксменам там снискать не удалось в силу нескольких причин. В основном из-за практически полного отсутствия опыта выступлений на подобном уровне, а также неспособности двигателей машин развивать по прямой такие же скорости, как у западных конкурентов».

Проанализировав сложившуюся ситуацию, на КАМАЗе решили отказаться от экспериментов с кольцевиками и создать заводскую команду по внедорожным ралли. Иными словами, был взят — и, как оказалось, всерьёз и надолго — курс на автоспортивный X-treme. Как вы думаете, кто активнее других отстаивал эту идею и вскоре лично сам взялся за её реализацию фактически на общественных началах? Правильно, Семён Якубов — заводила состязаний на колёсах и автогонщик до мозга костей.

СОЗДАВАТЬ КОЛЛЕКТИВ С «НУЛЯ»

История звёздной команды берёт начало в 1988 году. Именно тогда ей были переданы серийные полноприводные вездеходы «КАМАЗ-4310», которые всего за два месяца были трансформированы в «боевых коней» с дугами безопасности, более мощными моторами, специальными амортизаторами... Именно тогда вокруг Семёна Якубова сгруппировались энтузиасты экспериментальных рейдов, горевшие желанием стать пилотами, штурманами и механиками. Только вот, разумеется, соревновательного опыта у них не было... Объективно говоря, им требовалась поддержка более мастеровитых коллег. Поэтому незадолго до дебюта камазовцев в Европе на ралли «Ельч» около польского города Вроцлава из Ижевска в команду был приглашён 12-кратный чемпион СССР по автогонкам, мастер спорта международного класса Владимир Гольцов. Этот шаг оправдал себя: ижевчанину удалось «зацепиться» за второе место. Интересно, что ему ассистировал в качестве штурмана Фирдаус Кабиров, будущий победитель самых престижных в мире ралли-марафонов, заслуженный мастер спорта. Четвёртый результат — у грузовика Равиля Нургалеева и Евгения Доронина. Фавориты этого ралли чехи поняли: со строптивыми новичками из Набережных Челнов придётся считаться.

В 1989 году камазовцы поднимают планку ещё выше — заявляются на участие в гораздо более серьёзном, причём уже межконтинентальном, рейде-марафоне «Объектив сюда» по территории восьми стран Западной Европы и Африки. Это был, правда, ещё не «Дакар», но всё же нечто приближённое к нему! И по рельефу, и по климатическим характеристикам. Да и по составу соперников тоже: дружине Семёна Якубова противостояли

30 спортивных грузовиков из знаменитых «конюшен» — таких, как «Мерседес», «Рено», «Ивеко», «Татра», «МАН», «Магирус», «Мицубиси». Впервые на наших машинах установлены форсированные камазовские двигатели, развивающие мощность до 400 л. с. Обновление произошло и в команде: помимо уже упоминавшегося Владимира Гольцова под её флагами на «Объектив сюд» поехало трио профессиональных гонщиков из Эстонии — экипаж, в состав которого вошли Йоея Таммека, Анте Кулгеве и Энно Пирсалу. Будучи новичками на африканском ралли, татары, русские и прибалты стали как бы брать здесь уроки: постигать особенности трассы, ориентироваться по бездорожью, обслуживать и ремонтировать технику в полевых условиях, преодолевать языковой барьер, а самое главное — не робеть перед авторитетными соперниками. Последние, кстати, уже в середине гонки с немалым удивлением осознали, что явно недооценили возможности «тёмной лошади» из страны Советов. Вот строки из французского журнала «4x4 Мэгэзин»: «Экипажи «КАМАЗов» — это сущие дьяволы, способные вести машину стоя в кабине 3000 километров...» «Водители, прибывшие с берегов Камы, из Татарии, были локомотивами ралли...» В итоге экипаж Й. Таммека поднялся на вторую ступеньку пьедестала почёта, а В. Гольцов вместе со штурманом Ф. Кабировым и механиком Владимиром Каблуковым — на третью. Восьмой же была машина технического сопровождения, ведомая Николаем Страховым по курсу, который прокладывал Анатолий Кузьмин.

НА ШТУРМ «ДАКАРА»

Достоинство заявив о себе и в Польше, и на гонке «Объектив сюд», камазовские траксманы по примеру коммунаров Парижа вознамерились «штурмовать небо». То есть дебютировать на самом тяжёлом, опасном и, как это ни парадоксально, привлекательном трансконтинентальном ралли-марафоне «Париж-Дакар».

У этих беспрецедентно сложных многодневок, заметим, очень жёсткий технический регламент. Каждый гоночный автомобиль собирается полностью вручную, обростает узлами, агрегатами и специальными приспособлениями в соответствии с требованиями международной федерации автоспорта. С другой стороны, каждая дакаровская трасса — это великолепный испытательный полигон, где проверяются новейшие научно-технические решения производителей авто- и мототехники. И они, как правило, такой возможностью непременно пользуются. Само собой всему этому предшествуют исследования, опытно-конструкторские работы, испытания. А потом надо же, чтобы предложенные изменения воплотились, так сказать, в металле, пройдя по технологической цепочке. Причём в обстановке цейтнота, ибо ведь сказано: кто не успел, тот опоздал. Вот почему в течение нескольких предстартовых месяцев все до единого в команде раллистов плюс

группа «технарей» не считаясь со временем и практически без выходных «пашет» в цехе. Не случайно ребята считают, что подобные вахты по их напряжённости бывают даже покруче, чем те, которые выпадают в ходе самих гонок. Но эти трудности преодолимы, поскольку спортсменам есть на кого положиться: как-никак опорой для них служит сам КАМАЗ с его многотысячным трудовым коллективом...

Казалось бы, только это могло стать всёпоглощающей головной болью для руководителя команды. Какое там, не меньше его душу бередила и проблема комплектования боевых экипажей. На кого сделать ставку? В итоге решено было не беспокоить эстонцев, а использовать по максимуму своих, уже немного обстрелянных бойцов. Штурманами на двух грузовиках отправились Е. Доронин и А. Кузьмин. В кабине вездехода под номером 507 разместилось, судя во всему, ударное трио — В. Гольцов, Ф. Кабиров и Н. Страхов.

Увы, сбылись «чёрные» предостережения организаторов ралли-марафона насчёт того, что «Дакар» не покоряется новичкам. Вскоре после старта из-за поломки двигателей сошли с дистанции два камазовских экипажа, а через пару-другую дней — и третий. Механиком в нём был, кстати, Владимир Чагин, который в этой роли выступал вплоть до «Дакара-1996».

БЫТЬ В ПРИЗЁРАХ

К чести Семёна Якубова и его единомышленников — они быстро научились извлекать уроки из пройденного и делать правильные выводы. К «Дакару-91» нашли решение по двигателям, и оно оказалось удачным. Плюс к тому был значительно усилен состав пилотов за счёт уже знакомого нам эстонца Йола Таммери и новобранца Виктора Московских. Оба этих фактора обеспечили ребятам просто ошеломляющий, можно сказать, успех, как командный, так и среди экипажей. Из 109 грузовиков, стартовавших на этой дьявольской, как её окрестили потом, гонке, к Дакару пробились только лишь 44. И среди них — все пять «КАМАЗов»! Впервые в истории «Дакаров» проверенное в боях трио Гольцов-Кабиров-Страхов закрепились в классе грузовиков на второй позиции, а экипаж Таммеки — на третьей. Остальные наши машины заняли соответственно шестое (пилот Владимир Марченков), одиннадцатое (В. Московских) и двенадцатое (Е. Доронин) места. Это было нечто близкое к фурору! Ещё два года тому назад никому доселе не известные челнинцы оказались в центре внимания. С их появлением знаменитый «Дакар» стал более захватывающим и непредсказуемым. Впечатляющей для всех была и надёжность техники с берегов Камы. Это позволило одной из самых солидных в мире спортивных газет «Экип» придти к следующему заключению: «КАМАЗ — единственное машиностроительное предприятие России, способное конкурировать с Западом». Благодаря пе-

чатным и электронным СМИ (включая Евро- и Интервидение) эффективная международная реклама автозаводу из Татарии была обеспечена!

Затем окрылённые «птенцы гнезда Якубова» выехали на супермарафон «Париж-Кейптаун». Не имевший аналогов по длине (13 тысяч километров африканского бездорожья) он начинался в Ливии и завершался в ЮАР у мыса Доброй Надежды. И, как вы сами себе представляете, предлагал гонщикам полный джентльменский набор пейзажей — пустыни, саванны, горы, джунгли, болота...

Информация, поступающая с трассы экстра-ралли, скорее стала напоминать сводки с места боевых действий. Гибель сразу трёх гонщиков из экипажей джипов и мотоциклиста — тому подтверждение. Печально мог закончиться этот вояж в Африку и для камазовского трио во главе с пилотом Владимиром Марченковым. В клубах пыли их грузовик таранит притормозивший внедорожник «ЛиАЗ». От сильного удара срывает кабину, ломается тяга акселератора, блокируется колонка рулевого управления. Но, по счастью, ребята отделяются лишь ушибами. И после оперативного ремонта на месте аварии они с привязанной ремнями к шасси кабиной всё же «доползают» до бивуака. А уже утром следующего дня занимают свои места на восстановленной механиками машине... Только 57 грузовиков, в том числе три камазовские, из 102 заявившихся для участия в гонке, «омыли» колёса на южном побережье Африки. Симптоматично, что удачнее других среди наших раллистов тогда выступило вновь трио в составе В. Гольцова, Ф. Кабирова и Н. Страхова.

Для Фирдауса это была, как говорят артисты, последняя гастроль в роли штурмана. С тех пор и по сей день выпускник КАИ, инженер, что называется, в руле... Будущее покажет: плавное вхождение в эту роль дало хорошие плоды... Однако самое неожиданное в команде произошло в том же 1992 году перед стартом на ралли-марафоне «Париж-Пекин»: штурманом в экипаже Ф. Кабирова стал... Семён Якубов.

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА

Многие тогда задавались вопросом: зачем он это делает? Ведь у него, как у руководителя команды, хлопот — а тем более по ходу ралли — и без того хватает, приходится буквально днём и ночью разруливать организационные и технические проблемы. Да и к тому же сама по себе каждая подобная «Дакару» многодневка на предельных скоростях по дремучему бездорожью — занятие, как мы уже знаем, далеко небезопасное.

Семен Семёнович даёт своему поступку такое объяснение. Мол, задела его за живое на одной из пресс-конференций едкая реплика журналиста: «А почему нам рассказывает о гонке тот, кто не ездит в боевом экипаже?». В действительности же, думается, за всем этим стоит нечто несоизмеримо

«КАМАЗ-МАСТЕР»: БЕЗ БУЛДЫРАБЫЗ!

Фотохудожник
МИХАИЛ МЕДВЕДЕВ

большее. Что именно? Наверное, возросший благодаря стараниям Якубова профессионализм команды в целом и каждого её члена в отдельности. Когда все объединены общей идеей, знают и умеют многое и готовы сделать ради достижения цели всё возможное и даже больше. Когда те, кто занят, к примеру, технической или другими видами поддержки гонщиков, не менее руководителя команды болеют за результат. Весьма важно, что, находясь на трассе в кабине спортивного грузовика как штурман, он получал не только желанную возможность оценивать в «боевой», а моментами и экстремальной обстановке потенциал других членов экипажа, но и пищу для анализа их действий с целью последующей корректировки. Помимо всего этого нельзя, по-видимому, сбрасывать со счетов и естественное желание наставника быть, как говорится, на переднем крае и оперативно реагировать на вызовы соперников, вносить коррективы в тактику действий своих гонщиков. Ну, надо, разумеется, принять во внимание характер Якубова — азартного, увлечённого автоспортом человека.

Вспоминается в этой связи его высказывание: «Именно волнение в крови позволяет нам прыгать выше головы».

Штурманил, скажем так, Семён Якубов на ралли-рейдах в течение аж 15 лет. Как гонщик стал обладателем Кубка мира, победителем ряда ралли-рейдов, включая престижнейший «Дакар». Как-то с дотошными журналистами по этому поводу поделился размышлениями. «Почему я не избрал более спокойное дело, где не рискуешь жизнью, не ломаешь позвонки, не получаешь сотрясение мозга по несколько раз в день? — спросил он сам себя. И ответил сам себе так: «Я просто твёрдо знал, что поступаю правильно...»

В офисе команды «КАМАЗ-мастер» мне бросилась в глаза фотокартина, на которой Семён Семёнович изображён в рыцарских доспехах. И сразу подумалось: вот оно, образное попадание в точку!

«ДАКАР» ПОКОРЁН!

Как уже говорилось, в структуре команды «КАМАЗ-мастер» есть научно-исследовательская группа, в задачу которой входит совершенствование узлов, агрегатов и систем спортивных автомобилей. Информацию к размышлению поставляют им имеющие, как правило, высшее инженерное образование пилоты и механики после возвращения с гонок. Затем обе стороны предпринимают совместный мозговой штурм, стараясь найти оптимальное техническое решение. Следом к его воплощению подключаются как соответствующие службы НТЦ ОАО «КАМАЗ», так и заготовительные, механообрабатывающие заводы автогиганта.

Вот так — тройной тягой и при содействии генеральной дирекции акционерного общества — к середине 90-х на базе военных тягачей серии «Мустанг» и были созданы не уступавшие зарубежным новые спортивные

грузовики. Это вкупе с накопленным ребятами соревновательным опытом не замедлило принести ощутимые плоды.

Свидетельство тому — беспрецедентно успешное выступление команды на «Мастер-ралли-95» по маршруту Париж-Москва-Улан-Батор-Пекин. Сохраняется надежда: оно памятно многим жителям Казани и Набережных Челнов потому, что им посчастливилось (в кои-то веки!) живую увидеть и поприветствовать своих земляков и их соперников, перегонявших технику к месту старта очередного этапа. Финиш же этой гонки для подопечных Семёна Якубова можно было считать великолепным. Результаты беспрецедентны: все призовые места! На первом — экипаж, в котором пилотом был В. Московских, штурманом Сергей Гирия, механиком — В. Чагин. (Кстати, Владимир — будущий триумфатор целой серии «Дакаров» — на следующем ралли сядет за руль.) «Серебро» — у интернационального состава в лице французов Пьера Лартига и Мишеля Перрена, камазовца С. Савостина. Бронзовые призёры — В. Марченков, А. Кузьмин и Наиль Багаветдинов. Вошли в летопись команды слова её руководителя: «Теперь главная цель — победа в Африке, на «Дакаре-96». Нужен золотой дубль»...

Эта жёсткая раллийная коррида стартовала в испанской Гранаде. Делать «дубль» взялись четыре камазовских экипажа. В одном из них самый молодой пилот команды В. Чагин, для которого «Дакар-96» — первый в жизни самостоятельный полёт. Назначение парня главкомом в кабине боевого грузовика выглядело в принципе закономерным: начиная с 1990 года в бытность механиком он «гонялся», находясь бок о бок с настоящими мастерами вождения, и многое постиг, выработал в себе необходимые качества. Уверенности новоиспечённому пилоту придавал и тот факт, что рядом с ним посты штурмана и механика заняли «зубры» внедорожных рейдов С. Якубов и С. Савостин.

Тактические разработки на каждый марафон сродни шахматной партии. От того, насколько продумана система нападения и защиты, зависит в значительной степени исход соперничества. На этот раз, согласно командной установке, после успеха на предыдущей гонке роль основной атакующей силы по ходу «Дакара-96» отводилась трио во главе с фартовым В. Московских. Оно и бросило вызов фаворитам, самыми опасными из которых оказались чехи, ведомые звёздным Карелом Лопрайзом на «Татре». Так вышло, что и Виктор, и Карел практически всё время шли колесо в колесо. А это значит, что всё должно было решиться на заключительном этапе гонки.

Вот они, показанные всему миру телевизионные кадры! На экране пригороды Дакара — столицы Сенегала. Рядом с ней трасса 20-километрового спецучастка, на котором лидерам соревнования и предстоит расставить все точки над *i*. Антураж — тысячи восторженных зрителей, образовавших плотный коридор на пути участников ралли-рейда к заветному финишу.

Лопрайз проигрывает Московских перед последним броском вперёд 13 минут. Вырулив первым на старт, чех (напомним: неоднократный побе-

дитель этого супермарафона) рванул сразу так, что его железная машина, казалось, буквально летит над песчаными отмелями Атлантического побережья.

Но Виктор уверенно нейтрализует атаку соперника. Будучи темпераментным одесситом, он не отказывает себе в удовольствии продемонстрировать кто есть кто на глазах у многочисленной публики. И за несколько метров до линии финиша на повороте так эффектно обходит Карела, что у всех создаётся впечатление: подобное по плечу только чемпиону! Позади почти восемь тысяч километров по сплошному бездорожью с подстерегающими на каждом из них «ловушками» и неприятностями. Под гром аплодисментов Виктор Московских, Анатолий Кузьмин и Наиль Багаветдинов становятся первыми в истории команды «КАМАЗ-мастер» победителями этого великого трансконтинентального ралли, подняв престиж камазовской марки на недостижимую ранее высоту. Пятое место — у экипажа Владимира Чагина. Труднодоступный пик под названием «Дакар» челнинцами наконец-то покорён!

НА РОДНОЙ ПОЧВЕ

Как мы уже знаем, при формировании спортивной команды использовался — причём точно, в разумных пределах — известный приём, когда в неё приглашались маститые легионеры. И они, что называется, давали результат. Однако стратегически неизменным оставался взятый ещё в 80-е годы и выдерживаемый до сих пор курс на выращивание своих камазовских гонщиков. Тех, для кого понятие «малая родина» — а раз так, то, естественно, и «большая» — совсем не пустой звук. Тех, с именами которых связаны самые знаковые победы...

На мировом раллийном небосклоне возшло и не один год шикарно смотрелось созвездие Чагин-Якубов-Савостин. Стало возможным практически невозможное: в течение шести лет они взяли «золото» на... пяти «Дакарах». Уникальнейший и более чем достойный быть занесённым в книгу рекордов Гинесса прецедент! Исключение — но ведь какое, согласитесь, приятное для поклонников команды — 2005 год, когда этот супермарафон выиграл экипаж Фирдауса Кабирова (штурман Айдар Беляев, механик Андрей Мокеев). Словом, начало XXI века на дакаровских трассах вполне правомерно считать эрой команды «КАМАЗ-мастер». Где они были тогда, эти «Мерседесы», «Рено», «Ивеко», «ДАФы» и «Маннны»? «Они, — как отмечалось в январском (2004 год) номере журнала «За рулём», — ничего не смогли противопоставить натиску челнинцев, хотя и сопротивлялись изо всех сил. Ведь выиграть на этом ралли, по убеждению самих автоспортсменов, столь же почётно, как и стать чемпионом Олимпийских игр».

Воздадим должное топ-раллистам команды — в их число наряду с вышеупомянутыми вошёл и пилот Ильгизар Мардеев. Что же их отличает от

других, менее успешных? Все они в зависимости от конкретного амплуа в кабине спортивного автомобиля — выпестовывались в команде как технари и мастера на все руки. Как универсалы, обязанные знать своих железных коней от «а» до «я» и быть способными (что крайне важно, когда техпомощь далеко) в случае поломки или аварии самостоятельно «подлечить» машину и продолжить движение. Там, на финише этапа, впереди одна ночь. А наутро — вы не поверите своим глазам — казалось бы, израненные донельзя птицы по сигналу арбитров вновь отправляются в полёт. Кому они благодарны своим скорым и почти чудесным исцелением?

Конечно же, механикам из группы технического сопровождения, могучим умственно и физически атлантам, на плечах которых, по словам Семёна Якубова, держится любая многодневная гонка с участием внедорожных экстремалов. Эти скромные высококвалифицированные трудяги-колдуны считаются здесь (и почитаются тоже) полноправными творцами достижений команды. «Напряжёнка летом, когда идёт обновление гоночных автомобилей плюс изнуряющие ночные ремонты во время ралли — дело привычное, — констатировал старший группы Евгений Метлушка. — Настрой только на одно — выиграть!» Сполна реализует в команде свой ценный опыт и неисчерпаемый потенциал инженера-испытателя двигателей Михаил Мясоедов.

Знаменательно, что в созданной здесь — это ли не прекрасный пример для подражания! — Галерее Славы наряду с выдающимися спортсменами-гонщиками представлена и целая плеяда «летающих», как их называют, «врачевателей» техники. Среди них Геннадий Иванов, Михаил Баданов, Илдар Кабиров, Иван Евстигнеев, Сергей Сотников и Владимир Абрамович.

Интересно, что в команде не чувствуется, как это кое-где бывает, разделения на чернорабочих и аристократов, не в ходу пресловутая корпоративная конкуренция. Давно установившееся в коллективе негласное правило — доброжелательное, уважительное — ну, почти как в крепкой, дружной семье — отношение друг к другу. Такой вот у них мини-социум...

ПРЫГНУТЬ ВЫШЕ ГОЛОВЫ

Чем отличаются от других гонки «off road»? Главным образом тем, что их трассы специально прокладываются в труднопроходимых для колёсной техники местах. Зачастую, как на африканском континенте, — по территории сразу нескольких стран, у каждой из которых бывают проблемы как у себя внутри, так и со своими соседями. Поэтому участников ралли здесь нередко поджидают, мягко говоря, неожиданности — причём далеко не всегда приятные, даже небезопасные для здоровья и жизни.

Однажды наш грузовик застрял на усеянной минами нейтральной полосе между Марокко и Мавританией, а другой поспешил ему на помощь. Теперь

прикиньте — каково это в крошечной тьме, посреди зыбучих и готовых взорваться песков вызволять людей и автомобили из смертельного плена! После всего этого, честное слово, представляются дилетантски тупыми вопросы: а отчего у вас столь ранняя седина?

Также свежи ещё в памяти перипетии, когда гонщикам чудом удалось проскочить целыми и невредимыми между двумя поливавшими друг друга градом пуль вооружёнными группировками. Неоднократно фиксировались и факты разбойных нападений бандитов на экипажи, отставшие из-за поломок машин от основного pelotona. Ну, а о том, что кое-где отпетые хулиганы забрасывали раллийные машины увесистыми камнями, и говорить-то в общем вроде как не с руки — это так себе, семечки...

И всё же высказанное буквально меркнет перед теми испытаниями, которые выпадают раллистам на спецучастках, где, как по заказу, сосредоточены самые замысловатые и коварные природные препятствия. Крутые подъёмы и спуски, рытвины, ухабы, овраги, дюны, расщелины в горах, реки. Преодолевать подобные «ландшафты» в кабине грузовика с его одиннадцатью тоннами железа на скорости, близкой к 150 км в час при 50-градусной жаре, когда тебя трясёт и дёргает так, что не пожелаешь и врагу, всё это где-то за пределами нормальных человеческих возможностей.

Педалируется «большая» тема не ради красного словца — отнюдь! Травмы — и тяжёлые в том числе, как и в других видах большого спорта — не обходят камазовцев стороной. «Золото» на дакаровских ралли добывается теми, кто балансирует на грани...

Январь 2007 года. К пятому после старта из Лиссабона этапу многодневки первым в классе грузовиков идёт экипаж голландца Ханса Стейси, основного соперника нашей команды. Так что Чагину вместе с Якубовым и Савостиным приходится навёрстывать упущенное. Вот они и летят на скорости примерно 120 км в час по трассе. Чуть впереди, поднимая ухудшающие видимость тучи густой пыли во весь опор мчатся джипы. При попытке обойти один из них происходит непоправимое — «КАМАЗ» на полном ходу врежется в груды камней. От огромной силы удара кабину грузовика плющит чуть ли не в лепёшку. «Убил машину!» — мелькает в голове у Чагина. А что со штурманом и механиком? Рядом корчится от страшной боли Якубов. Ещё хуже состояние Савостина, но он, к счастью, подаёт признаки жизни. Невозможно без содрогания представить себе эту картину!

Угодив с травмированными позвоночниками, ногами и руками в госпиталь, наше трио, на которое делалась самая серьёзная ставка, выбыло из гонки. Её на этот раз выиграл Ханс Стейси. Между прочим, после финиша он признался журналистам: «Я стал чемпионом «Дакара-2007» случайно из-за отсутствия на нём Володи Чагина. Когда он «в руле», у нас нет никаких шансов...»

Информация о крупной аварии и состоянии здоровья пострадавших в ней облетела весь мир. И была встречена по-разному: где-то с пониманием,

а где-то с осуждением. «Неужели никак нельзя — пусть даже на внедорожных ралли — обходиться без большой крови? — вопрошали сердобольные поклонники команды.

А вот какой точки зрения на этот счёт придерживается пентакампцион (то есть пятикратный победитель) рейдов-марафонов «Дакар» В. Чагин:

— Само стремление быть первым в любом деле — не только в спорте — напрямую связано с риском, — утверждает он. — Невозможно добиваться успеха, если не рисковать. Главное при этом — не терять голову, быть собранным, уверенным в своих силах профессионалом, подготовленным к тому, чтобы прыгнуть выше головы...

Заметим попутно: большинство из тех, кто вынужден был пройти сеанс аварийной шоковой терапии, либо вообще «завязывают» с экстримом, либо берут тайм-аут для психологической реабилитации. Исключение из правил — всё тот же Чагин. Пролечившись и немного отдохнув, он вновь занял привычное место в кабине спортивного грузовика и продолжает коллекционировать призы на этапах чемпионатов России и по итогам международных ралли. Есть ли этому сколько-нибудь внятное объяснение? Конечно! Общаясь с ребятами, понимаешь: автогонки — это их призвание. И они дали ему волю, будучи замороженными притягательностью, неутолённой еще жаждой борьбы, азарта, приключений, испытаний. И ещё. В отличие от наёмных легионеров, которым всё равно за какую команду выступать — лишь бы платили деньги! — камазовцы во главе с Семёном Якубовым не лишены чувства патриотизма, а также ответственности перед всеми, кто в них верит, кто им помогает морально и материально.

ВДОХНОВЛЯЮЩИЙ ПРИМЕР

Достигнутое командой «КАМАЗ-мастер» достойно уважения. Её успехами на международной арене обусловлен прежде всего тот факт, что камские большегрузы во всё больших количествах стали продаваться на внешних рынках, а за их производителем надолго закрепилась слава лучшего экспортёра России. Достойный упоминания момент с учётом явной сырьевой направленности наших коммерческих сделок за рубежом! Заслуживает внимания и то обстоятельство, что рождаемые в спортивном коллективе и обкатываемые в экстремальных условиях новейшие инженерно-конструкторские разработки применяются при создании в ОАО «КАМАЗ» моделей внедорожников для российских Вооружённых Сил, Министерства чрезвычайных ситуаций, геологоразведчиков и нефтегазодобытчиков.

Нелишне будет сделать акцент ещё и вот на чём. Показываемые командой на разных континентах результаты, её громкое реноме в мировом автоспорте реально укрепляют в ближнем и дальнем зарубежье положительный имидж Российской Федерации и Республики Татарстан. Отрадно, что их

руководители не упускают всё это из поля зрения, с удовлетворением и гордостью воспроизводится здесь, к примеру, высказывание Дмитрия Медведева после победы камазовцев в Аргентине и Чили: «Мы высоко ценим то, что вы сделали. Спасибо!» Добрым знаком стали и ежегодные напутствия Минтимера Шаймиева автогонщикам, отправляющимся на «Дакар», и его поздравительные телеграммы по возвращении с гонок. На одном из стендов в музее команды процитированы слова, адресованные ей Президентом РТ: «Вы показали всему миру ценнейшие качества нашего народа».

Лучи спортивной славы триумфаторов дакаровских ралли согревают вот уже много лет и их земляков-челницев. Стабильное лидерство команды на этапах Кубка мира всё сильнее убеждает горожан в ненадуманности популярного сейчас в народе девиза: «Мы можем!» И не исключено, что пример «КАМАЗ-мастера» — наряду, разумеется, с другими факторами — придал назначенному мэром Набережных Челнов Ильдару Халикову уверенности в том, что превращение Набережных Челнов в город европейского формата — это не какая-то маниловщина, а реализуемая, хотя и очень амбициозная, цель. (Она, подчеркнём в скобках, одного порядка с той, что применительно к доминированию на «Дакарах», поставил в своё время перед собой Семён Якубов. И что же? Казавшееся многим 20 лет назад фантастикой стало явью уже в начале нового века.) Значимость бренда «КАМАЗ-мастер» должным образом оценена также и умеющими просчитывать свои шаги наперёд спонсорами — банком «ВТБ» (он титульный), лизинговой компанией «Центр Капитал».

Возникает вопрос, а насколько действенна поддержка, оказываемая раллистам? Она на самом деле есть и видна невооружённым глазом. Например, ключевая роль в финансировании команды отведена ОАО «КАМАЗ». Но поистине эпохальным событием в летописи команды стало реализованное сполна решение руководства автогиганта о строительстве для неё Спортивного центра. Его проект подобрал в себя всё самое лучшее, что подсмотрели гонщики во время посещений наиболее оснащённых ателье Западной Европы. В центре созданы производственные пространства, где есть практически всё, что нужно механикам. У них теперь под рукой новейшее оборудование, прогрессивные технологии. Помимо всего этого под одной крышей с цехами расположены презентационный зал для брифингов, деловых встреч и корпоративных мероприятий на 300 мест, а также тренажёрный зал, массажные кабинеты, сауна и бассейн, комната для релаксации, кафе. Оснащать эту часть центра помогали партнёры, включая администрацию города.

А на что же направлена спонсорская помощь? Благодаря ей удаётся вовремя реагировать на систематические нововведения организаторов ралли и Международной автомобильной федерации в технических требованиях к гоночным машинам, с одной стороны. А с другой, создавать новые их образцы с более совершенными характеристиками. Кстати, дело это, как вы

сами понимаете, хлопотное, трудо- и наукоёмкое, да и затратное. Приведу пример для наглядности.

Начало XXI века в команде «КАМАЗ-мастер» оказывается почти авральным по напряжению. Здесь в великих муках происходит рождение оригинальной модели спортивного внедорожника. Наконец после тщательных испытаний на полигоне становится ясно: к счастью, совершён качественный прорыв вперёд, у соперников нет пока аналогов новому детищу команды, каким получился «КАМАЗ-4911EXTREME», ни по проходимости и маневренности, ни по динамике. За столь «продвинутые способности» его называют «летающим грузовиком». И он в руках таких мастеров, как Владимир Чагин, на скорости с лёгкостью отрывается от земли, отталкиваясь от природных трамплинов. Позднее этот чудо-железный конь не раз вынесет камазовские экипажи к победным подиумам ралли-рейдов.

Однако недолго музыка играла: в 2007 году организаторы «Дакара» преподносят участникам соревнований очередной «сюрприз». Им предъявляются ужесточённые требования к спортивным болидам по такому параметру, как серийность. В чём тут загвоздка? Если раньше для того, чтобы боевой грузовик прошёл омологацию, достаточно было выпустить партию из 15 ему подобных, то, согласно новому регламенту, требовалось 50, причём в течение двух лет. Вот почему за основу следующей модели роллийного внедорожника был взят автомобиль, поставляемый челнинцами Министерству обороны Российской Федерации. Воплотив все самые лучшие технические и технологические наработки команды, гоночный новичок «КАМАЗ-4326VK» успел доказать свои преимущества на этапах чемпионата России, на ралли в Южной Америке и более чем убедительно продемонстрировал готовность к новым стартам.

ФУНДАМЕНТ УСПЕХА

Тогда, в конце 80-х, максималист и креативщик Семён Якубов вместе с соратниками-единоверцами поставил задачу — сделать на КАМАЗе конкурентоспособную команду раллистов. Такую же заводскую «конюшню», как, скажем, у «Рено» или «Фольксвагена». И вот два далеко не лучезарных и беспроblemных десятилетия позади: что из задуманного удалось осуществить? Об этом, собственно, и шла речь в предыдущей части публикации. Однако рассказ страдал бы неполнотой, если бы в нём не были обозначены кое-какие нюансы, из которых наряду с крупными деталями складывается визитная карточка классного коллектива.

Интересующиеся автоспортом соотечественники помнят: в 1994 году команда «КАМАЗ-мастер» выступила на автомобиле, принципиально отличавшемся от предшественников даже внешним видом. Оригинальный дизайн раллийных грузовиков, а также комплектов фирменной спортив-

ной формы, презентационной и рекламной продукции — это всё плод творчества и мастерства супруги Семёна Семёновича, бесспорно талантливой Ольги Якубовой.

Нетривиальным следует назвать используемый в команде метод реабилитации гонщиков, получающих, как уже говорилось, травмы в области позвоночника, переломы, разрывы мышц и сухожилий. Ставит пострадавших на ноги и возвращает их в спорт известный учёный-подвижник, автор такого направления, как кинезитерапия, доктор медицинских наук Сергей Бубновский, ставший штатным врачом команды. Эффект от сотрудничества с ним налицо: все его пациенты до единого — снова в шеренге правофланговых!

Профессионализм в любой классной команде предполагает ещё и обновление, подкрепление одарённой молодёжью. Брать её на карандаш и целенаправленно подводить к «основе» даёт возможность шефство раллистов над местным картинг-клубом и баггистами. Лидеры команды «КАМАЗ-мастер» — частые и желанные гости на соревнованиях среди детей и юношей, разыгрывающих призы на героев «Дакаров». И сегодня в боевых экипажах, которые борются за призовые места на ралли-рейдах, включая дакаровский, уже несколько воспитанников челнинской гоночной школы. Те же Эдуард Николаев, Андрей Мокеев и Андрей Каргинов, например... Словом, есть в команде кому продолжать традиции победителей...

* * *

Из глубин памяти всплыл категоричный совет великого итальянца Данте Алигьери: веди счёт словам своим! Думается, то же самое скажут и подопечные Семёна Якубова, у которых сейчас каждая минута на вес золота. Считанные дни остаются до старта ралли-рейда «Шёлковый путь-2009» по маршруту Казань-Ашхабад. В декабре камазовцев ждут на «Дакаре-2009». Соперники постараются дать экипажам с берегов Камы если уж не последний, то хотя бы очень решительный бой. Несмотря на это, я всё-таки ставлю на «КАМАЗ-мастер». А вы?

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-
ДРОБЫШЕВСКАЯ

ЛЕТЕТЬ ВОСЛЕД ЛУЧУ

«В подлинном творчестве всегда есть катарсис, очищение, освобождение духа от душевно-телесной стихии или одоление душевно-телесной стихии духом...»

Н. А. Бердяев

Уходящий 2008 год. Неуютный, холодный, малоснежный декабрь. Стою на автобусной остановке. Взгляд привлекла афиша, с которой на меня смотрели знакомые лица трёх российских певиц: Елены Фроловой, Юлии Зиганшиной и Эльмиры Галеевой. Крупным шрифтом написано: Трилогия. Дата выступления — 26 декабря. Неужели три сольные певицы, самостоятельно работающие в жанре авторской песни и романса, объединились в ансамбль? Или они просто решили «дать концерт на троих»?.. Вот так подарок к Новому году! Пропустить это событие просто невозможно. И серые декабрьские дни осветились предчувствием яркой встречи.

И вот органнй зал (гордость Набережных Челнов) наполняется слушателями. Неторопливость движений, негромкие разговоры, легкое шуршание букетов в ярких упаковках... Мои мысли обратились в прошлое, в те мгновения, когда каждая из участниц предстоящего концерта вошла в мою жизнь. Эти встречи проходили в разное время и при разных обстоятельствах, но все они подарили радость открытия, каждая из певиц произвела на меня неизгладимое впечатление. Но они такие непохожие! Не говоря о творческом темпераменте, у них и голоса, на мой взгляд, нельзя назвать родственными, они различны и по тембру, и по динамике звучания...

Предвосхищая концерт, читаю программку, коротко рассказывающую о «Трилогии»: «Когда три, вполне состоявшихся, зрелых исполнителя вдруг объединяются для совместного творчества — это в любом случае интересно. Инициатором данного союза стала, конечно, Елена Фролова — лидер и объединитель по самой природе своей, а поводом послужило коллективное музицирование за столом (как это водится в России)<...> Как определить суть и характер коллектива, и коллектив ли это вообще? Во всяком случае — не ансамбль, но и не джем-сейшн. Упрощая почти до абсурда, пожалуй, можно назвать его «объединением по интересам». Елена, Юлия и Эльмира — единомышленницы и подруги по жизни, им явно интересно вместе, и именно этим, разумеется, помноженным на высокое мастерство и большой опыт, они и заряжают слушателя и завораживают его».

Певицы вышли на сцену.словно короткий порыв ветра, взметнулись аплодисменты. В ответ — лёгкие поклоны приветствия. Обратившись к зрителям, Елена сказала: «Каждая из нас существует в «сольном варианте», но совместные выступления являются для нас настоящим праздником!»

В первом отделении программа была построена так, чтобы представить творчество каждой из певиц. Романсы, русские народные песни, авторские мелодии исполнялись соло, дуэтом и трио под аккомпанемент гитар и акапелло. Слушателям были представлены композиции «Под музыку объятья», «Черёмуха», «Отцветает молодость», «Рождественский романс», «Стояла тёплая зима» и другие. Оригинально прозвучали несколько сольных песен Э. Галеевой в сопровождении двух гитар: на «классике» играла Эльмира, партию бас-гитары исполнил Олег Ковалёв.

В течение всего отделения певицы не покидали сцену, а во время исполнительской паузы присаживались за уютный журнальный столик и внимательно выступлениям друг друга.

Во втором отделении Елена, Юлия и Эльмира пели вместе. Автором большинства песен выступила Елена Фролова, но звучали и произведения её подруг. «Трилогия» подарила нам в музыкально-певческой интерпретации стихи Иосифа Бродского, Федерико Гарсиа Лорки, Осипа Мандельштама, Михаила Лермонтова, Сергея Есенина. Прозвучали песни на стихи Даниила Андреева, наших современников — авторов-исполнителей Григория Данского, Екатерины Болдыревой, Сергея Труханова и других. Гармонично вплелись в музыкальный коллаж и старинные английские песни (переводы Алексея Гомазкова). В финале концерта «Трилогия» и зрители, которые сначала несмело, а потом всё более стройным, отзывчивым хором вторили певицам, душевно исполнили колыбельную «Бай-бай-бай, пусть приснится рай». Люди поднимались и пели стоя, покачиваясь в такт музыке. Казалось, что вот-вот пространство осветится жёлтыми лучиками фонариков в руках благодарных слушателей, как это обычно бывает на фестивалях авторской песни. Но фонариков не оказалось, однако, некоторые находчивые поклонники воспользовались голубыми огоньками экранов беззвучных сотовых телефонов.

Щемящие сердце, будоражащие воображение музыка, голоса, яркие песенные образы сложились в концертную мозаику, объединённую гармонией и общим началом, одним истоком. Представленные в творчестве «Трилогии» народные и авторские песни, романсы, мелодии, написанные к стихам «серебряного века», связывает одно — высокая поэзия.

Закончился концерт. Свершилось чудо. Снизошло откровение...

Я возвращалась домой со слезами радости и огромным желанием когда-нибудь ещё раз прикоснуться к этому диву по имени «Трилогия». А в душе настойчиво звучал простой мотив, разложенный на голоса, усиленный модуляцией, нарастающим напряжением гармонии гитарного сопровождения:

...Помни, помни радугу до небес,
Помни, помни всё, что случилось здесь.
Помни, помни жажду твоей земли,
Помни, помни ливень моей любви...

Такие встречи не забываются. Мне вдруг захотелось узнать, почему три певицы, объединившись в творческом союзе, назвали себя «Трилогией»? Самое первое, что приходит на ум: потому что их трое. Но я всем сердцем ощущала, что здесь скрыто нечто большее. Заглянув в словарь С. И. Ожегова, я прочла: «Трилогия — три произведения одного автора (писателя, музыканта), объединённые общим замыслом и преемственностью сюжета». И вдруг подумалось, что Елена, Юлия и Эльмира — это три «произведения» Творца, объединённые общим замыслом: дарить людям посредством своего творчества Его свет. А преемственностью сюжета здесь является Любовь...

Мечты сбываются. В начале мая нынешнего года у меня состоялась поездка в Казань, где я вновь встретилась с «Трилогией». И это был не концерт, а обыкновенное чудо тёплого человеческого общения за чашкой чая. Правда, Елены рядом не оказалось, в её насыщенной концертной жизни шли заграничные гастроли. Но современная техника связи обеспечила беседу «в прямом эфире».

Первомайские дни неожиданно щедро одарили Казань по-летнему солнечным теплом. Деревья ещё не успели раскрыть только-только набухшие почки, а люди уже с радостью скинули с себя тёплые одежды и подставили ласковым лучам побледневшие за зиму лица и плечи. Большинство горожан потянулись на праздники за город.

Естественно тема хорошей погоды коснулась и нашего разговора. Однако Эльмира заметила, что сухой май очень коварен из-за ветров: «Люди жгут прошлогоднюю траву, а это чревато...». И, в продолжение сказанного, поведала нам историю, произошедшую с ней и с её друзьями в эти праздничные дни: *«Двадцать девятого апреля Дмитрию Бикчентаеву исполнилось пятьдесят лет. На юбилей съехались друзья из Америки, Израиля, Франции, Молдавии — отовсюду! Первый раз за много лет Дмитрий пропустил наш традиционный первомайский сплав по марийской реке Юшут, где каждую весну собираются казанские авторы-исполнители, и переживал по этому поводу...»*

Большая компания гостей, в том числе и наша семья, поехала отдыхать на дачу юбиляра. Ясный день с тёплым ветром способствовал доброму общению на природе под гитару и стихи. Но вдруг с соседней дачи донёсся крик: «Пожар!»

Мы все ринулись на помощь. Быстро растянули шланги, но они оказались короткими. Тогда мы вооружились кто ведрами, кто кастрюлями, кто лопатами. Я схватила широкую лопату для уборки снега. Мужчины мне кричали: «Брось, что ты с ней будешь делать?» А она мне так пригодилась!.. В общем, победили стихию благодаря тому, что людей было много. Массой взяли, как китайцы (смеётся рассказчица). Огонь не добрался до домов. А Дмитрий заметил: «Вот, оказывается, почему мы не ушли на сплав. Если бы нас здесь не было...» Да, в жизни, действительно, ничего не происходит просто так...

Хозяйка спасённого участка в знак благодарности пригласила всех к себе в гости. Дмитрий взял гармошку: «На пожар мы без песен не ходим!» Друзья тут же подхватили шутку: «Пожарную команду из Израиля вызывали?»

После стресса и на радостях, что всё обошлось, песни пелись особенно задушевно и звонко...»

Пока Эльмира делилась пережитыми впечатлениями, я, глядя в её огромные, слегка грустные, цвета весеннего, ясного полуденного неба глаза, внимательно слушала тихий голос, замечала мягкие, плавные движения рук и мне трудно было представить её с лопатой, отважно сражающейся с огнём. Вот уж воистину:

...В беде — не сробеет, — спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!

Для поклонников таланта Эльмиры, она — дива с гитарой, покоряющая слушателя чарующим тембром голоса и необычной мелодикой песен, которой присущи то ли грузинские, то ли ирландские обороты. Как автор музыки, Эльмира тонко чувствует восточный колорит, и это чутьё она умело применила, когда творила «Тифлис» (стихи О. Мандельштама), «Еврейскую мелодию» (стихи М. Лермонтова). В дальнейшем разговоре выяснилось, что эта особенность творческого почерка певицы не случайна, и не только потому, что рождена она Галеевой и, как тонкая натура, «слышит голос крови». Особая музыкальная одарённость Эльмиры уходит корнями в толщу веков... Впрочем, о каждой представительнице «Трилогии» важно сказать, что их самобытные таланты питаются истоками из далёкого-далёкого прошлого. Но об этом — чуть позже...

А как же, всё-таки, образовалась «Трилогия»?

Юля и Эльмира познакомились в Киеве на Всесоюзном фестивале авторской песни в 1990-м. Юля тогда пела в составе студенческого ансамбля КГУ, а Эльмира выступала как солистка. Позже были и другие фестивали, и песни у костра, а затем и совместная работа. Так в начале девяностых Эльмира записывала свои первые кассетные

альбомы в казанской студии звукозаписи «Сибирский тракт», а Юлия, уже будучи участницей группы «Уленшпигель», где она играла на виолончели, работала с Эльмирой над её композициями, так же играя на этом волшебном инструменте, тембр звучания которого удивительно близок человеческому певческому голосу.

В те же годы в студии «Сибирский тракт» записывала свои альбомы и Елена Фролова. Не заметить друг друга и не проявить интерес к творчеству друг друга девушки не могли. Завязалась дружба.

— Всё началось со взаимовосхищения, — говорит Елена. — Мы дружим много лет, а вот петь вместе стали далеко не сразу. Просто нужно время для того, чтобы произошёл какой-то толчок... Всё случилось естественным образом, как любовь.

Сольная творческая жизнь Елены Фроловой, Юлии Зиганшиной и Эльмиры Галеевой продолжается до сих пор. Но однажды в Казани, во время выступления Елены в проекте «Песни нашего века» к ней подошёл Станислав Аршинов, основатель Казанского продюсерского центра «Содружество авторов», и предложил организовать большой сольный концерт. А Елена, обратившись к подругам, сказала: «Давайте втроём». Тогда и мысли не возникло о вокальном трио, просто решили сделать концерт солисток. Однако, ни одна нечаянно пророненная мысль, не бывает случайной.

На очередной дружеской встрече Лена, Юля и Эльмира запели «Виноградную косточку» Окуджавы, и... все притихли. Солистки импровизировали, прислушиваясь друг к другу, «на ходу» раскладывали песню на голоса и вдруг — о, чудо! — зазвучала дивная гармония. Звуковые волны, наполнившие воздух, вызвали у окружающих и у самих исполнительниц ощущение, что слившиеся голоса и музыка, их вибрации и обертоны расширяют пространство, становясь «надмирными»...

Вот тогда и пришла идея петь и дуэтами, и трио. Поначалу репетиции носили спонтанный характер, ведь собраться вместе довольно трудно. Пользовались любыми удобными случаями в поездках на фестивали и концерты, где графики выступлений совпадали.

Сегодня эта практика также актуальна. Художественным руководителем «Трилогии» и аранжировщиком композиций стала Юлия Зиганшина.

— Мы частенько прибегаем к услугам Интернета, — говорит Юля. — Наши репетиции всегда проходят в новой форме: я записываю партии в электронном виде, отправляю их Эльмире и Лене... А на встречах, когда у нас появляется возможность непосредственно видеть и слышать друг друга, мы уже дорабатываем материал, получая при этом большую радость от совместного творчества. Эти моменты очень ценны для нас. Ведь голоса, когда они «живут по отдельности», важно хоть ненадолго собирать вместе. Часто во время таких репетиций происходят удивительные вещи. Например, мы поём вдвоём с Леной и вдруг обе начинаем слышать Эльмиру, хотя в этот момент она молчит. Бывает и так: поём втроём, а

нам слышатся ещё какие-то голоса, звучание флейты, виолончели. Что-то происходит чудесное...

Дебют «Трилогии» состоялся в Казани в 2005 году. Концерт проходил накануне восьмого марта в Культурном центре Министерства внутренних дел РТ.

— В этом зале часто выступают барды, проходят романсовые программы Юлии. Это уже такое «намоленное», напетое место, заметила Эльмира. — Наш концерт прошёл успешно, и мы почувствовали, что «Трилогия» — явление далеко не случайное. Однако следующее выступление состоялось только через год в Тольятти, в театре «Колесо». И снова успех. Там пришла идея выпустить совместный диск. И в 2006 году в Казани мы записали первый альбом, который так и называется «Трилогия».

Певицы не именуют свой коллектив ни ансамблем, ни трио, считая, что им ближе определение «союз солистов». Доброй традицией союза стало готовить на каждый очередной концерт премьеру песни. За время жизни «Трилогии» — не за горами пятилетие — создано много совместных творений. И на сегодняшний день проведена большая работа по записи второго альбома «Розмарин, шалфей, зверобой». Его презентация запланирована на осень нынешнего года.

* * *

С творчеством Эльмиры Галеевой я познакомилась в 2000 году. Друзья мне дали две кассеты: «Воспоминание» и «Нежность». Первое, что поразило, — необычный голос Эльмиры, нежный, спокойный, со своеобразным вибрато и богатой тембровой окраской, который в чудном созвучии сливался с виолончелью, флейтой и гитарой. Затем я услышала стихи, именно услышала, так как многие знакомые поэтические творения вдруг открылись по-новому.

Первые такты мелодии, первые строки, как первые лучи восходящего солнца, манили за горизонт, дарили предчувствие открытия неизведанного:

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе...

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала...

О ком поёт Эльмира? О чьей судьбе? О себе? Обо мне?.. И снова тихо и настойчиво в сердце проникают слова:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю <...>
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

Вся кассета «Воспоминание» — стихи Анны Ахматовой. А вот альбом «Нежность» подарил встречу с поэзией А. Блока, М. Цветаевой, О. Мандельштама, М. Лермонтова. И снова А. Ахматова. Стихи, слившиеся с музыкой и вокалом Эльмиры Галеевой, вызвали ощущение, что поёт сама женская душа, страдающая, ищущая, любящая, сложная, современная...

Родилась Эльмира в Казани. Увлечение музыкой пришло в детстве. Дома постоянно звучали пластинки известных оперных певцов, а любимыми передачами телевидения были программы, посвящённые творчеству народов мира. Яркое впечатление в душе девочки оставили молдавские мелодии, ирландские мотивы. В семье пели все. Папа, Виль Валеевич Галеев, служил в Казанском академическом театре оперы и балета им. М. Джалиля. Не имея специального музыкального образования, он выучил ноты, чтобы свободно разбираться в партитурах. Мама, Асия Фатыховна, тоже пела, правда голос у неё не был настолько сильным, как у мужа, и пение не стало профессией. Бабушка по линии мамы Сагадат Давлетовна Абсадарова также обладала красивым голосом. Пел и дедушка по линии папы Вали Валеевич Галеев, играя на сцене в паре со знаменитой Минкиной. Предки Эльмиры жили на Кавказе. Быть может, там и берёт истоки своеобразная музыкальная ода-рённость Эльмиры.

Толчком к тому, чтобы самостоятельно заняться пением и музыкой, послужило романтическое увлечение юности. Ещё будучи девятиклассницей, Эльмира, с лёгкой руки старшей сестры Зухры, пришла в студенческий хор Казанского филиала Московского энергоинститута.

— Я влюбилась в одного мальчика из хора, — вспоминает Эльмира. — Поэтому занятия для меня никогда не были в тягость. После школы поступила именно в этот вуз и до его окончания пела в хоре. Руководила коллективом педагог по призванию, человек высочайшей культуры, казанская легенда — Алевтина Владимировна Булдакова. В то время она была доцентом, теперь — профессор Казанской консерватории. Её ученики легко узнаваемы по культуре звука. Наш хор выступал в Кронштадте, Москве, Ленинграде. Позже, когда я уже окончила институт, — и за границей: в Чехии, Польше, Германии, даже перед Римским Папой пел.

После института Эльмира десять лет проработала на КамАЗе. Но ещё в студенческие годы в жизнь вошла авторская песня, начавшаяся с глубокого увлечения поэзией «серебряного века», когда на полках книжных магазинов появились томики Мандельштама, Цветаевой и других поэтов, не изучавшихся в курсе школьной программы тех времён. «Серебряный век» был воспринят юной душой, как глоток свежего воздуха. А чувство слова, возможно, пришло через музыку — на подготовленный слух легла поэзия.

Работая и живя в Набережных Челнах, Эльмира не теряла связи с родным городом. И в 1991 году в студии «Сибирский тракт» была записана первая сольная кассета. И первый сольный концерт состоялся в Казани, в 1992 году. А потом — активное участие в фестивалях авторской песни. В 1995 году Эльмира стала лауреатом Грушинского фестиваля. Позже состоялся переезд-возвращение в творческую стихию родной Казани.

Сольная жизнь Эльмиры насыщена концертной деятельностью, участием в конкурсах и фестивалях. Она является лауреатом фестиваля «Московские окна», фестивалей авторской песни в Караганде, Тимертау, Чебоксарах, Норильске, участником фестивалей поэтов и музыкантов в Болгарии, Испании. Уже более десяти лет сотрудничает с московским Театром Музыки и Поэзии под руководством Елены Камбуровой.

За время творческой деятельности у Эльмиры появился и кинематографический опыт. Вместе с Еленой Фроловой она снималась в документальном фильме «Женщина и гитара в России» (США).

— А недавно мне посчастливилось участвовать в создании мультипликационных фильмов. В 2006 году по заказу ОРТ на экраны вышел мультфильм «Соловей» из цикла «Гора самоцветов», составленного по сказкам народов России. Режиссёр Ирина Кодюкова пригласила меня исполнить татарские песни, звучащие за кадром, — говорит Эльмира.

А в 2007 году в серии «Гора самоцветов» на экраны вышел мультфильм «Заяц-слуга» режиссёра Елены Черновой, в котором Эльмира озвучила одну из ролей. Примечательно и то, что в работе над фильмом участвовал и Виль Валеевич, исполнивший на гармошке татарскую мелодию.

Творческий поиск в создании нового альбома «Предчувствие» привёл Эльмиру к интереснейшему опыту совместной работы с казанскими музыкантами. В записи этого диска приняло участие большое количество исполнителей, играющих на различных музыкальных инструментах.

— Я всем сердцем благодарна великолепному казанскому педагогу-гитаристу Татьяне Ветлужских, которая привлекла к проекту своих учеников, друзей-музыкантов, — продолжает Эльмира. — После огромной работы над аранжировкой живой звук всех инструментов был записан в студии «Сибирский тракт».

Слушать этот диск очень интересно. Привлекает в альбоме и то, что голос Эльмиры Галеевой звучит необычно, вернее, непривычно. Возможно,

подчиняясь аранжировочной задаче, певица нашла новые краски в своём голосе, доселе нераскрытые в творчестве. Недаром говорят, что, ступая на новый путь, мы открываем новые возможности.

Кроме всего вышесказанного, нельзя не восхититься и тем, что Эльмира — мама четверых детей, сумевшая привить им стремление к творческому поиску и самореализации. Старший сын Олег серьёзно увлёкся КВНом, он — капитан набережночелниской команды «Неуправляемые». Выступает в роли автора сценариев, как актёр играет в студенческом театре эстрадных миниатюр. Дочь Аделина окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Учится в Казани в гуманитарной академии, а для души сочиняет музыкальные пьесы, по стилю напоминающие иллюстративную музыку кино. Третий — Никита — учится играть на скрипке, флейте и очень любит фортепиано. Увлечённо занимается музыкой. По ощущениям мамы, музыка — его будущее. Младшая — шестилетняя Мария тоже начала овладевать скрипкой.

И мужа Эльмира сумела «заразить» музыкой. Олег Ковалёв поддерживает любимую во всём: возит на концерты, принимает участие в выпуске дисков, частично финансируя проекты. Он увлёкся творчеством настолько, что однажды, когда Эльмира готовилась к сольному концерту в Тольятти, купил себе бас-гитару и с помощью самоучителей освоил игру на ней. Неделя репетиций — и выступление на концерте стало совместным. Олег признаётся, что он совершил этот подвиг во имя любви.

* * *

Юлию Зиганшину я впервые услышала в 2003 году на фестивале авторской песни в Набережных Челнах.

Ночь. Зелёная сцена базы отдыха на камском берегу ярко освещена прожекторами. Отзвучала конкурсная программа, и на подиум вышли признанные казанские авторы: Валерий Боков, Виталий Харисов и Юлия Зиганшина. После жизнеутверждающей песни В. Бокова «Хочешь быть счастливым — будь им!» вдруг зазвучал романс. Словно порыв свежего воздуха всколыхнул пространство, и воцарилась глубокая тишина. Кажется, даже сверчки умолкли, чтобы не мешать льющейся мелодии. На сцене — богиня. Её огромные «карие вишни» будто впитали в себя глубокую звёздную ночь... Юля поёт под

собственный гитарный аккомпанемент. Искренность и выразительность исполнения, вокальное мастерство, темперамент певицы усиливают впечатление...

Получив два образования — музыкальное в Казанском училище по классу виолончели, дополнив его вокальным под руководством замечательнейшего педагога Клавдии Захаровны Щербининой, и журналистское — окончила КГУ, Юлия настолько увлеклась романсом, что он стал её жизнью. А всё началось со студенческого ансамбля, который послужил первой ступенькой в мир авторской песни и подарил дружбу с такими личностями, как Лилия Алиева, Дмитрий Бикчентаев, Светлана Первакова, Эльмира Галеева, Елена Фролова...

Свой первый выход «на гитару» — главную сцену Грушинского фестиваля, по словам Юлии, она помнит плохо. Было это в начале девяностых. Тогда она играла на виолончели в ансамбле «Уленшпигель» и, ступая на сцену, охваченная волнением и прозаической заботой о том, где найти стул, чтобы сесть за инструмент, ничего вокруг себя не замечала.

— Лишь в 2005 году, уже став лауреатом фестиваля и выйдя «на гитару» как солистка, я разглядела эту гору над озером, похожую на громадного слона, и огромное количество зрителей на ней. Я была просто потрясена широтой и высотой «зрительного зала», — говорит Юлия.

Не обошла стороной Юлю и «артистическая наследственность». Родная тётя (сестра бабушки) Рашида Абдуллазяновна Зиганшина — легендарная казанская актриса, народная артистка РСФСР и ТАССР, всю жизнь проработала в труппе Татарского академического театра. Более десяти лет была директором Камаловского театра и более двадцати — председателем правления татарского отделения Всероссийского театрального общества.

Творческое амплуа Юли — исполнение романсов, авторских песен и «ретро». Но есть у неё несколько собственных песен на стихи Алексея Гомазкова, нашего современника. Успешным оказался и опыт написания музыки на стихи Гавриила Державина, причём посвящены песни Эльмире Галеевой и Елене Фроловой.

— Мне интересно было попробовать свои силы в авторском творчестве. Но по моим ощущениям песни, всё-таки, получились больше от ума, хотя я вложила в них всю искренность и сердечную теплоту. А настоящее, высокое творчество должно исходить из глубины души, быть духовной потребностью, дабы донести то, что предназначено свыше, — утверждает Юлия. — Поэтому я не претендую на звание автора-исполнителя. И верю, что когда пою, то действительно творю.

Началом профессиональной работы на сцене певица считает 1998 год, когда она стала лауреатом Международного конкурса «Романсиада» в Москве, открывшего для неё настоящую атмосферу романса. Побывав однажды в ауре таких звёзд, как Николай Сличенко, Валентина Пономарёва, Нани

Брегвадзе, Анатолий Соловьяненко, Алла Баянова, Юлия осознала, что жизнь без романса уже не мила. И в 2000 году вместе с мужем Алексеем Гомазковым, который является продюсером Ю. Зиганшиной и великолепным ведущим концертных программ, было принято решение открыть в Казани романсовый салон. Салонной площадкой стал концертный зал Культурного Центра МВД РТ, который творческая чета регулярно арендует для проведения музыкальных мероприятий. За относительно недолгий период времени салон наработал добрую славу, и теперь казанцы и гости города с удовольствием посещают концерты, которые проходят, как правило, с аншлагами. Даже на приглашённых артистов с малоизвестными именами люди идут, доверяя выбору хозяйки салона. А о концерансе Алексея Гомазкова уже ходят легенды. Однажды Валентина Пономарёва, посетив романсовый вечер Юлии, сказала: «Столько искромётного, красивого юмора в романсовом концерте я встречаю первый раз. Однако, это очень, очень интересно».

Салон «Казанский романс» Ю. Зиганшиной внёс свою достойную лепту в богатую творческую атмосферу города, в котором гастролирует, живёт, открывается столько талантов, что просто диву даёшься. А какой сегодня разнообразный музыкальный рынок! Чего только нет!.. Однако ещё Стендаль говорил, что «цель личной выгоды художника убивает всякое произведение искусства». Вот и Юлия заметила:

— Я пошла бы только на треть из предлагаемых программ. И вообще, отграничила бы шоу-бизнес от искусства. К сожалению, многие люди думают, что всё то, что показывает телевидение, — это и есть хорошо. На самом деле, шоу не предполагает искусства. Суть его в том, чтобы собрать не столько людей, сколько деньги. А многие принимают его за эталон творчества. Но, к счастью, сейчас появилась возможность выбора. В Казани проходит много интересных концертов по-настоящему талантливых исполнителей, жаль только, что их практически не увидишь по телевизору...

Кроме певческой, концертной деятельности Юлия преподаёт курс русской песни иностранным студентам Казанского государственного университета. Однажды, готовя к очередному концерту песню «Ой, мороз, мороз», решила дать её своим подопечным для анализа. Песня студентам очень понравилась, и они поделились яркими впечатлениями со своими русскими друзьями. И каково же было их удивление, когда российские ребята пренебрежительно сказали: «Ой, да это же такая пьяная, застольная песня». После чего иностранные студенты выразили педагогу своё недоумение. Но Юлия Яковлевна сумела доказать, раскрыть ученикам всё величие, красоту, богатство и мудрость русской души, заключенные в народной песне, и выразила глубокое сожаление по поводу того, что народные песни в России утрачивают свою духовную первозданность и чистоту. И... пригласила студентов на концерт, где исполнила эту песню. А после концерта к певице подошла незнакомая женщина и искренне поблагодарила Юлию за то, что она реабилитировала народную песню. Такое признание значит только одно — творческий замы-

сел удался! Именно этот случай послужил возникновению идеи создать программу народных песен, которые в наше время считаются сугубо «застольными», и преподнести их так, чтобы они прозвучали как высокохудожественные произведения русского народного творчества.

По словам Юлии, она включает в свой репертуар только те песни и романсы, которые ей нравятся. Я же в её речи услышала такое откровение: она поёт только то, что поёт её душа. И репертуар подбирается исходя из того, на что откликается сердце певицы, после чего возникает идея. Например, совсем недавно Юлия и Алексей решили создать проект песен из мультфильмов. Алексей будет исполнять все «мужские партии», а Юлия — «женские». Премьера программы запланирована на следующий сезон. Что послужило толчком для возникновения такой идеи, догадаться несложно. В семье растёт любимая дочь Софья, ей — седьмой год, она поёт, танцует, осваивает блок-флейту и любит играть с папой «в слова», проявляя при этом любознательность и филологическое мышление. Нынешней весной девочка порадовала своих родителей тем, что попросилась на концерт мамы, хотя до этого не проявляла большого интереса к творчеству и увлечению родителей. На концерте, сидя в зрительном зале, Софья внимательно и терпеливо прослушала всю, ещё мало понятную для детского восприятия взрослую программу, чем и вдохновила родителей на создание проекта для детей.

Нынешний сезон «Казанский романс» завершил премьерой диска «Негромкие песни Великой войны», куда вошли всеми любимые песни, написанные в годы Великой Отечественной, и песни о войне, исполненные Юлией Зиганшиной. Лиризм, глубина чувства, эмоциональность и при этом отсутствие пафоса в пении Юли позволяют говорить о том, что, пожалуй, лучшего исполнения этих песен в нашей стране ещё не было.

Интересна история создания диска: он вышел в Польше при поддержке компании «Кармазинрекордс». Дело в том, что в России до сих пор ещё не отлажена система авторских прав, и выпуск подобного диска был сопряжён с большими трудностями. Вспоминая о своих концертах в Польше, о совместной работе с польскими друзьями, Юлия сказала: «Самое приятное для меня то, что в Польше до сих пор чтят, любят и поют наши песни времён Великой Отечественной войны...»

Следующий сезон салона Юлии Зиганшиной — юбилейный, десятый. Поклонники творчества Юлии уже ожидают, что певица порадует их новыми яркими программами, сделанными совместно с друзьями-единомышленниками: коллективом «Доктор Джаз» под руководством замечательного казанского музыканта Владимира Штейнмана; прекрасной пианисткой Еленой Максимовой; музыкантом от Бога, непревзойдённым аранжировщиком Александром Лаврентьевым; и незаменимым звукорежиссёром, профессионалом, умеющим творить чудеса, Валерием Мустафиным.

Я думаю, что Юлию Зиганшину можно смело назвать подвижником жанра романса, истинного исполнительского искусства как в Казани, так и в России.

* * *

Однажды, прошлогодним весенним днём, мне позвонила подруга и радостно затараторила: «Я купила билеты на концерт Елены Фроловой. Я слушала её в Москве. Ушла потрясённая... Теперь она у нас в городе... Это будет тебе подарок ко дню рождения...»

Концерт Елены Фроловой для меня стал откровением. Стихи, голос, гитара Елены, словно насыщенный, концентрированный поток информации, Знания, ошеломили меня. Её искусство, как озарение, долгожданное и внезапное, как остановленный и продлённый до бесконечности Миг, подарить который в силах только Творец.

Был я везуч по особому счёту.
Я окрылён неспроста.
Я сопричастен большому полёту –
В стае орлиной Христа.

Словно знак Провидения воспринимаются стихи Вениамина Блаженного, изливающиеся на высокой кульминационной ноте из гортани певицы. И я уже не вижу на сцене хрупкую, как подросток, исполнительницу с пронзительным взглядом зеленоватых, цвета юной осени глаз, привставшую на цыпочки — ещё мгновение, и взлетит! Моему взору открывается Вселенная, пронизанная светом гармонии.

Боже, Боже, разве я не ангел!
Разве не мои это глаза?
Из печали и небесной влаги,
Где так робко светится слеза...

И как ответ на стихи В. Блаженного звучат в другой песне Елены слова Марины Гершенович:

Хочешь, шепну шутя:
Сердце моё лови!
Вот для тебя, дитя,
Мячик моей любви <...>

Горе нас не найдёт
И не возьмёт врасплох,
Сердце моё поёт,
В нём поселился Бог.

Елена родилась в Риге. Музыке училась у людей, как говорят в народе «с рук, с языка». Когда Лене исполнилось двенадцать лет, ей подарили гитару. Начались занятия в кружке, вёл его интереснейший человек, называющий себя Азовский-Руссо. Он-то и раскрыл девочке особенности звукоизвлечения на этом демократичном, но непростом инструменте. Тогда же появились первые попытки музыкальных сочинений. Пела Лена и в школьном хоре, затем — в школьном ансамбле. Учительница пения Людмила Анатольевна, умевшая увлечь ребят и привнести солнечный свет в рутину жизни, разглядела в Елене талант и направила к тем людям, благодаря которым девочка попала в мир авторской песни.

— В то время клубы авторской песни являлись особым сообществом, — вспоминает Елена. — Существовала своего рода сеть, раскинувшаяся не только по городу и Прибалтике, но и по всему Советскому Союзу. Можно было поехать в совершенно незнакомый город, в любой уголок страны. Друзья по клубу тут же снабжали адресами и телефонами, по которым обязательно находились не просто единомышленники, но и кров, и стол. Такие добрые взаимоотношения людей и удивляли, и воспринимались естественными. Люди согревали друг друга искренностью и участием, что особенно свойственно россиянам. Сейчас, к сожалению, многие в себе эти чувства попрятали, может быть, потому, что живём мы в смутное время, не понимая, что вообще происходит как вокруг нас, так и с нами. Но я благодарна, что в моём детстве такое участие, такое содружество было.

Первое официальное выступление Елены состоялось в 1986 году на фестивале в Сосновом Бору. До сих пор многие вспоминают, с какой убедительной силой звучало в голосе совсем ещё юной певицы стихотворение Марины Цветаевой «За этот ад, за этот бред пошли мне сад...»

1988 год можно назвать переломным в жизни Елены. Она стала лауреатом Всесоюзного фестиваля авторской песни в Таллинне, получив высочайшую оценку жюри в номинациях «автор-исполнитель» и «композитор». В этом же году Елена уехала из Риги в Москву. Причиной тому послужили внешние обстоятельства — разваливался Советский Союз, рушилась привычная налаженная жизнь.

— Я стала остро ощущать, что меня обвиняют в чём-то только потому, что я русская. Меня это сильно угнетало. Во мне накапливалась эмоциональная, негативная критическая масса оттого, что повсюду — в троллейбусе, в магазине — люди пренебрежительно склоняли имя России, — с болью в голосе говорит Елена. — Но в чём я виновата? Я не понимала. Ведь я родилась и выросла в Латвии, которую искренне считала частью многонацио-

нальной Родины. И чтобы избежать моральной и духовной агрессии по отношению к себе, чтобы самой не скатиться до какой-нибудь неадекватной реакции на неё, я уехала...

Москва подарила Елене новые судьбоносные встречи. Певица благодарна тому, что в её жизни, как Ангел-Хранитель, появилась Елена Камбурова — человек мощного таланта, наделённый созидательным даром и даром человечности, всегда открытый для общения с творческими людьми. В момент их встречи как раз формировался будущий театр Музыки и Поэзии (который тогда назывался театром песни), и под чутким крылом руководителя, под влиянием неординарной личности Елены Камбуровой Елена Фролова стала обретать духовные, человеческие и жизненные ориентиры.

Тогда же Елена встретила и с автором-исполнителем Верой Евушкиной. Образовался творческий дуэт «ВерЛен», обретший широкую известность. Дуэт и в настоящее время желанный гость как на родине, так и за рубежом.

— Друзья в моей жизни, наверное, самый главный и бесценный дар судьбы, — говорит Елена. — Прежде всего, это очень интересные, талантливые художники, которые оказались ещё и замечательными людьми. Общаться с ними не только удовольствие, но и радостное ощущение того, что открываешь для себя что-то новое, удивительное — радость внутреннего роста. Татьяна Алешина, Вера Евушкина, Александр Деревягин — очень разные люди, но каждый по-своему прекрасен, каждый ищет свой путь, открывая тем самым и для меня всё время что-то — по сути — важное... Если говорить о нашей «Трилогии»... скажу честно, что Юлия Зиганшина, действительно, на сегодняшний день самое удивительное явление в песенной культуре нашей страны. То, как она поёт романсы — чудо... Мне трудно сейчас найти подходящие эпитеты — не критик я. Но, признаюсь, для меня жанр романса был будто замусорен, закрыт, опошлен... Юля же подарила мне целый мир, спев всего несколько произведений. Я поняла, что романс — это тоже высокий духовный, хотя и очень человеческий, мир. А Эльмира Галеева — это уже явление дальше культуры. Как поёт Эльмира, так поёт ручей, спускаясь с горы или ветер, играющий на вершинах елей... Для меня вообще песня — это в большей степени явление природы, чем культуры. Эльмирин голос открывает сердцу тот потаённый слух, который способен различать в обыкновенных, казалось бы, звуках — бегущей воды, шелеста листвы, шуме ветра — то, что принято называть тишиной, наполненные смыслом и откровением послания Природы... Сами понимаете, родиться в одно время, а ещё и дружить с такими замечательными людьми — настоящее счастье.

В начале девяностых Елена стала лауреатом премии имени Веры Матвеевой, учреждённой российским Гуманитарным фондом культуры.

В 1994 Елена переехала на историческую родину — во Владимир, где когда-то в его области, в селе Ряхово жили бабушка и дедушка певицы.

На родине своих предков в жизни Елены произошло ещё одно необычайное событие — к ней в руки попали гусли — практически забытый в современном музыкальном мире старинный русский народный инструмент. В совершенстве владея гитарой, певица освоила и гусли, вместе с которыми в её репертуар вошли русская народная песня и русский духовный стих.

Творческая деятельность Елены Фроловой широка и многогранна. Кроме того, что она является автором-исполнителем, пишет музыку как на свои стихи, так и на стихи поэтов «серебряного века», XX века, исполняет песни других авторов, она является и активным членом жюри различных фестивалей, в том числе и Международного Грушинского и Международного фестиваля «Петербургский аккорд». Она участница и одна из основательниц творческого проекта «АЗИЯ-плюс», участница фестивалей Мировой музыки, проекта «Песни нашего века», а также «Трилогии». И при всём при этом Елена постоянно гастролирует в России и за рубежом с сольными концертными программами, в которых она выступает и как просветитель, являя слушателю глубины творчества того или иного автора, открывая новые и незаслуженно забытые имена. Таким открытием (в музыкальной интерпретации) на концерте Е. Фроловой для меня стало имя Леонида Губанова — поэта, соединившего в своём творчестве противоречивое: верх и низ, землю и небо, безумие и прозрение, рай и ад. Запомнилось яркое, исполненное чувственного накала воплощение на сцене стихов «Я вбит, как гвоздь, в корабль страсти» и:

Тоскует дух! Немеет тело.
Непримирим Господь в крови.
Такая птица улетела,
Достойная моей любви <...>
Нет сил ни плакать, ни молиться,
Ни утолить печаль в вине —
Такая улетела птица.
Нет, вот она, горит в огне!..

Поэтическому слову в русской культуре принадлежит особая роль. Варлам Шаламов (кстати, Елена Фролова выпустила диск с песнями на его стихи и рассказами В. Шаламова в исполнении автора) в воспоминаниях о Колыме пишет, что, кроме привычных четырёх инстинктов человека, у русских есть пятая потребность — *потребность в стихах*. И не об этом ли поёт Елена в своей песне «Голуби»:

Но всё же в миг опасности
Они взлетают в небо,
Где много больше ясности
И много меньше хлеба...

Именно эта потребность и подвигает человека изложить самые сокровенные, глубокие чувства стихами или заглянуть в поэтический томик, чтобы найти ответы на волнующие вопросы бытия. И если на слово откликнется сердце, то и открывается новое пространство.

— Поэзия для меня началась с Марины Цветаевой, — говорит Елена. — Она открыла мне весь «серебряный век»... Но это — тема отдельного разговора, целой докторской диссертации. А поэтический язык — это единственный язык, на котором можно рассказать о том, о чём сказать невозможно.

Глубокий интерес во мне вызвали рассуждения Елены о голосе. Что-то подобное много лет назад, будучи студенткой, я впервые услышала из уст учёного, практикующего психолога. Во время лекции он как бы невзначай проронил, что человек на протяжении своей жизни может измениться до неузнаваемости, а вот голос его остаётся узнаваемым всегда, несмотря на необратимые физиологические изменения, происходящие в организме. Неожиданным для меня тогда стал и вывод, сделанный педагогом: «Возможно, голос живёт дольше человека, как его душа». Эти слова на всю жизнь врезались в мою память...

Вот и Елена говорит о певческом голосе, как о совершенно самостоятельной субстанции, которая имеет свою самобытную, особую жизнь и, вероятно, бессмертие. Лена поведала, как однажды одна знакомая, обладающая способностями медиума, сказала, что голос певицы звучал ещё в пятнадцатом веке в одном из храмов Италии. То есть не Елена, как человек, жила когда-то, а её голос. Это — тайна, которую не разгадать умом, да и пытаться не нужно. Достаточно того, что душа человека откликается на голос, что он может вести за собой.

— Есть в моей жизни такие путеводители-голоса, на которые душа откликается, как на голос далёкой, не земной, Родины, — продолжает Елена. — У этих голосов есть имена: мексиканская певица Чавела Варгас, бразильская — Мария Бетания, греческая — Харрис Алексиу. Я думаю, у каждого человека есть такие путеводители...

Разговаривая с Еленой, я чувствовала проникновенную энергию её речи, её сильную харизму, вселяющую позитивное отношение к жизни... И в современных, кризисных временах она видит положительные моменты в том, что для всех нас появилась возможность приостановиться в суете повседневности, оглядеться и увидеть друг друга. И эта передышка — не случайна: «Только, дай Бог, нам избежать каких-то крайностей. Я верю, что всё обойдётся благополучно», — сказала Елена.

Один из песенных дисков Елены Фроловой, а их в творческом списке певицы около тридцати, называется «Лететь вослед лучу» (2007 год), где собраны произведения, созданные и прозвучавшие впервые лет десять-пятнадцать тому назад. На нём есть короткая, удивительная запись. Елена

без музыкального сопровождения, полупшепотом, растворяющимся в эфире, поёт стихи Осипа Мандельштама:

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем!
А ты в кругу лучись, —
Другого счастья нет,
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Ни одного лишнего звука. Только хрупкая воздушная мелодия и слова. Только голос, увлекающий в полёт...

Я спросила Елену: «Вослед какому лучу Вы готовы лететь?»

И она ответила просто:

— Это — Божья любовь.

ИВАНОВ КРУГ

О судьбе знаменитого спортсмена Ивана Утробина

ЧЕМПИОН ИЗ ОРЛОВКИ

Сомнений быть не могло: с фотографии в «Комсомольской правде» на односельчан смотрел Ванюшка Утробин, сын мельника Степана и его жены Федоры. Имя и фамилия в заметке тоже сходились. А называлась она «Слесарь из Томска – сильнейший». Вот это как раз и возмущало! Почему «из Томска», если он родом из нашей Орловки? И вообще – с Камы, а не из Сибири. Ох уж эти газетчики!

Особенно обидно было подросткам. В нашей среде Иван был кумиром. Мы знали, конечно, что он в шестнадцать лет уехал в Пермь поступать в ремесленное училище, а через два года оказался в Томске. Ну и что с того? Всё равно ведь наш, орловский. В той же деревянной школе-семилетке, что рядом с церковью, учился, по тем же деревьям лазил, с той же Демидовой горы зимой на санках катался. Короче говоря, шустрый мальчонка был. С восьми лет зерно с тока на элеватор возил, с десяти на сенокосилке работал. И всё – на лошадях, с которыми управлялся легко и сноровисто. На дальние луга с отцом и старшим братом ездил, на покос. А на этих луговых просторах и мы потом вырастали, вкалывая от зари до зари наравне со взрослыми. Всё это объединяло.

Ну и сельский физрук-фронтовик Андрей Алексеевич Мухин не устал повторять, вспоминая Утробина:

– Иван обязательно чемпионом станет. Вот увидите!

Правда, к самому будущему чемпиону, когда он приезжал в отпуск, мы подходить стеснялись, ведь он был старше послевоенного подростка на целый десяток лет. Любовались им со стороны, когда он на «задах», в степи, совершал длительные пробежки или тренировался на велосипеде. Спортивный велосипед, яркая форма, заграничные кеды и кроссовки – всё это было тогда в диковину.

И вот прогноз нашего физрука сбылся! Заметка в «Комсомолке» рассказывала о победе Ивана Утробина на первенстве СССР в Свердловске. 1960 год, первая золотая медаль... На неприметного «слесаря из Томска» тогда никто и не ставил. И стартовал он на «тридцатку» аж двухсотым, когда уже все медали считались разыгранными, поскольку группа сильнейших (Колчин, Аникин, Кузин) закончила выступления. И вдруг – лучший результат!

В том же году Ивана включили в сборную страны. Кстати, вторично. Впервые это случилось двумя годами раньше, когда он занял призовые места на первенстве народов РСФСР. Удержаться в сборной тогда помешало единственное обстоятельство – Иван работал на заводе, считавшемся секретным, выезжать за границу ему было нельзя.

Что делать – путь к пьедесталу почёта и после победы в Свердловске не был устлан для Ивана розами. То ли судьба ставила ему подножки, то ли собственный независимый характер мешал. У Ивана никогда, например, не было личного тренера. Как спортсмен-одиночка он, пожалуй, уникален. Тренировался всегда по собственной методике, половина всей нагрузки уходила у него на велосипед. Вряд ли еще кто-нибудь «крутил педали» столько, сколько Иван Утробин.

Врачи выявили в организме спортсмена уникальные свойства, обратив внимание на то, что он никогда не разминается даже перед самой сложной дистанцией. Да и зарядку, кажется, не делает. Встанет на лыжи и побежит на любую дистанцию. Сядет на велосипед и поедет – хоть до Киева. Выносливость – неимоверная. Оказалось, отработанная кровь у Ивана может моментально насыщаться кислородом, что не позволяло сердцу и мышцам уставать.

А трудолюбия Ивану с детства было не занимать. Зарядку-то он хоть и не делал, но тренировался ежедневно «на полную катушку». И всегда работал на победу, на результат. «Железная воля, сила характера в этом молчуне просто поражали», – вспоминал в своё время товарищ Утробина по сборной СССР, знаменитый в шестидесятые годы Павел Колчин. На дистанцию в семьдесят километров, например, Иван на международных соревнованиях стартовал тринадцать раз – больше всех в Советском Союзе, где по праву считался лучшим лыжным марафонцем (три победы), хотя умел побеждать и на пятнадцати-, и на тридцати-, и на пятидесятикилометровой дис-

танциях. К 68-му году он уже был двенадцатикратным чемпионом СССР, дважды – призёром первенств мира и Олимпийских игр.

Как он тогда смотрелся со стороны? Рассказывает Александр Борознов, главный судья соревнований на приз Ивана Утробина, проводившихся в Набережных Челнах:

– 1968 год, Кавголовские игры... Я, студент института физкультуры, был на них зрителем. Утробин стартовал вслед за финном Ээро Мянтюранта, дважды выигрывавшим первенство мира. Дистанция – 30 километров. И вот финиш. Уже на стадионе, на глазах у всех зрителей происходит невероятное – невысокий крепыш в красном свитере обходит стройного, рослого финна в сине-белой форме и выигрывает у него две минуты. Стадион замер от неожиданности, а потом разразился восторгом. Так приветствовали Утробина.

Но где характер – там и сложности. Послушным проще. Раз нет тренера, значит некому слово замолвить, когда нужно. А сам Иван горла драть не умел. Обделили чем-то – смолчит, виду не покажет. Особенно сильно переживал, когда его в Гренобль не взяли, на зимние Олимпийские игры в том же, 1968 году. Готовился к ним усиленно, словно чувствовал дыхание в затылок судьбы. Но пришлось довольствоваться ролью зрителя, хотя этой же зимой всё равно доказал собственную силу, выиграв первенство Союза на двух дистанциях (30 и 50 километров).

ЗИГЗАГ СУДЬБЫ

А летом случилось непоправимое...

Однажды утром Иван, проводивший отпуск у отца с матерью, оседлал, как обычно, велосипед. Его ежедневный тренировочный маршрут пролегал до Заинска и обратно.

– Ванюшка, ведь это же сто двадцать верст в оба конца, не всякой лошади под силу, – пожалела его мать. – А у тебя отпуск. Зачем себя истязаете? Вон худющий какой...

– Зато лёгкий, мама. А лёгкому легче – и жить, и по лыжне бежать. Ты лучше к моему возвращению молочка из погреба достань.

Однако молочка ему в тот день отведать не довелось. Проехал километров пятьдесят. Помнит обгонявший его грузовик и шофёра, долго смотревшего сбоку на яркую форму велосипедиста. Иван держался обочины, продолжая сосредоточенно крутить педали. А дальше в памяти провал, ничем не заполненный и по сей день...

Удара он не ощутил. Очнулся стоящим на земле. Большой палец левой руки был как-то странно повернут – оказался вывихнутым. Первая мысль: «Как я буду держать лыжную палку?» Рядом валялся искорёженный велосипед. На педали болталась пристегнутая замком импортная обувка. Иван посмотрел на ноги. Вроде целы. Только почему левая не туда смотрит?

А к нему уже бежали люди. Его подхватили чьи-то руки, чтобы нести к стоящему на дороге небольшому автобусу. И тогда Иван закричал от нечеловеческой боли. У него были сломаны четыре ребра. А самым ужасным оказался закрытый перелом левой ноги. Это выяснили уже врачи, в руки которых он попал лишь через четыре часа после случившегося. Почему так поздно? А в одну больницу привезли – там ремонт. Пока нашли другую...

Правда, по Заинску его катали уже не в автобусе, а в «скорой». Водитель автобуса, передав пострадавшего в руки медиков, ринулся в погоню за «Запорожцем», который и сбил на автотрассе велосипедиста. Сбил и не остановился. Автобусник же ехал сзади и всё видел.

Догнал один водитель другого. Обошёл его и преградил дорогу, заставил остановиться. За рулем «легковушки» с ручным управлением сидел перепуганный инвалид, от которого несло перегаром, а рядом сидела его жена. Что тут скажешь? Матюгнулся разгневанный шофёр автобуса, хлопнул дверцей да в ближайшее отделение милиции отправился, чтобы номер виновника дорожно-транспортного происшествия сообщить.

Иван эти подробности через несколько дней в больнице от следователя узнал. Желания мстить инвалиду у него не возникло. И на суд он потом не ездил. А когда узнал, что человек, изуродовавший ему не только ногу, но и будущее, остался на свободе, вздохнул с облегчением и сказал:

– Вот и хорошо.

Исполнилось спортсмену тогда 34 года. Для такого лыжника, как он, это был самый расцвет, что Иван и доказал, кстати, потом.

ЕГО ТРАССА

Более трёх месяцев провалялся Утробин в больницах: в Заинске, в Казани, в Москве. На большом пальце руки пришлось делать операцию. Нога, слава Богу, под гипсом срослась. Правда, голеностоп «барахлит» и по сей день, мешают костные осколки. Рёбра, отскочившие от позвоночника, срос-

лись тоже. Всё это произошло, конечно, не сразу. Первые двадцать дней после травмы были особенно тяжёлыми. Температура держалась под сорок, места переломов сильно отекали. В Москву Ивана везли на носилках.

Но стоило врачам снять гипс, как он запросился на велоэргометр. Потом – ходьба. Начал с пятисот метров, кончил пятнадцатикилометровой дистанцией. Представьте себе – ежедневно, на костылях! А в санатории «Цхалтубо» ходил по горам с палочкой.

Врачи лишь поначалу сомневались, что он сможет снова встать на лыжи. Сам Иван не сомневался. Для полной реабилитации ему потребовалось меньше года. Весной 69-го он уже участвовал в первенстве Союза и занял девятое место. Слово «подвиг» нам уже изрядно поднадоело, но я не знаю другого, чтобы оценить волю этого человека. Он же ужасно расстроился: неужели, дескать, не смогу больше претендовать на победу? И начал усиленно готовиться к первенству мира. Но его туда не пустили. Из сборной вывели в 70-м. Сказали просто – молодым лыжню застишь. Ещё через пять лет Иван перестал выступать совсем...

Он никогда и никому не высказал ни одной обиды. Не опустил: до сих пор не курит, не пьёт. Живёт под Москвой, начиная с 1961 года. Именно с него начиналась знаменитая красногорская лыжня, он её проложил. Он и сегодня содержит её в образцовом порядке, это теперь его основная работа. Недаром трасса получила в лыжном сообществе ещё одно – неофициальное – название: «Иванов круг». Точнее не придумаешь. Но на пенсии с таким характером, как вы уже поняли, ему не усидеть. Ивану Степановичу 10 марта нынешнего года исполнилось семьдесят пять. Ходит в баню каждую неделю. Не в ту, которая для «новых русских», а в обычную, городскую, в которой все равны. «Старые раны» дают о себе знать – то кости в местах переломов заболят, то голова (последствия сотрясений мозга). То давление вверх скакнет. Но с лыжами и велосипедом по-прежнему не расстанется.

Живёт Иван Степанович в трёхкомнатной квартире с женой, дочкой и собакой Багирой – всеобщей любимицей. Имеет сад-огород в двадцати минутах ходьбы от Красногорской лыжной базы.

В общем, обычная у него семья со спортивным уклоном. Жена Ивана Степановича – тоже прославленная в прошлом лыжница Нина Шабалина, неоднократная чемпионка Союза. До пенсии работала в поликлинике Министерства обороны врачом по лечебной физкультуре. Дочь Таня в родителей пошла, она – мастер спорта, занимается в обществе «Российская армия». Характером Татьяна в отца – переняла от него эстафету лыжного марафона. На её счету такие значительные победы, как первое место в финском традиционном марафоне «Хиихто» (1995 год) и третье место на чешской лыжне (2000 год). Прикинем для ясности, что дистанция женского лыжного марафона – 50 километров. Иван Степанович, конечно, доволен успехами дочери, но особо её не захваливает. В последний раз я звонил знаменитому односельчанину год назад, перед его очередным приездом в

Набережные Челны. На вопросы – как живёте, чем занимаетесь – он ответил просто:

– Нормально живу, как все. Продолжаю работать на Красногорской лыжной трассе, когда-то мной и проложенной, готовлю её к различным соревнованиям. Пытаюсь приспособиться к свободным ценам, на которые никакой пенсии не хватает...

Когда-то Иван Степанович побывал в Швеции, в гостях у давнего друга и соперника Сикстена Эренберга. Эренбергу, когда он ушёл из спорта, король живописнейший участок земли подарил и распорядился виллу построить. Там два горных озера, из земли ключи бьют, вода – вкуснейшая. Сикстен в этой замечательной долине комфортабельные домики соорудил, все знаменитости мира

к нему на тренировки съезжаются. А вот у Утробина – «Иванов круг»... На большее он не претендует, ведь нашим «королям» далеко до шведского, хотя Иван в своё время и шведов на лыжне «делал».

– Иван Степанович, а если КАМАЗ пригласит вас в Челны?

– Да нет, спасибо, я уж к Красногорску прирос. Былого не воротишь, в одну реку дважды не войдёшь... Особенно после семидесяти.

Справедливости ради следует сказать, что ни город, ни КАМАЗ такого предложения выдающемуся спортсмену не делали. Хотя возможности были. Ведь, начиная с 1982 года, в Набережных Челнах едва ли не каждую зиму устраивались лыжные гонки на приз Ивана Утробина. Начинал это благородное дело Марат Шакирович Бибишев, наш заслуженный строитель, бывший начальник домостроительного комбината, ныне пенсионер, а продолжили управление физкультуры и спорта КАМАЗа, затем – детско-юношеская спортивная школа «Титан», возглавляет которую Евгений Александрович Моргачёв. К организации в Набережных Челнах республиканского первенства среди юношей и девушек на призы заслуженного мастера спорта СССР Ивана Утробина подключилось и общественное объединение «Челнинское землячество». С 2007 года соревнования проводятся с участием администрации города, а также торгово-промышленной палаты региона «Закамье»...

* * *

После соревнований земляки устроили прославленному спортсмену восторженный приём во Дворце культуры «Энергетик». Зал был полон молодёжью и ветеранами. Иван Степанович выглядел, как всегда, оптимистом. Он подробно рассказал о своём жизненном и спортивном пути, точно и с юмором отвечал на вопросы, много улыбался.

А я радовался тому, что мы сумели достойно встретить нашего кумира, чемпиона из Орловки. Мне не забыть, какое счастье сверкало в глазах ребятшек, когда они получали завоёванные награды из рук самого Ивана Утробина. Я смотрел на пацанов в февральском лесу с белой завистью, потому что мне в эту реку второй раз тоже не войти...

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

(О художнике Викторе Сынкове)

Сынков Виктор Иванович (1955-2000). Художник. Основные произведения — в графике. Жил и работал в г. Набережные Челны (Республика Татарстан). Принципиально в творческих союзах не состоял.

Пути искусства неисповедимы. Для кого-то творчество — это увлечение, хобби, средство от скуки, а предметы искусства существуют исключительно для улады глаз и создания приятного комфорта душе, устающей от суетной жизни. Для кого-то это способ заявить о себе и своём таланте... тот опасный путь, когда наше «Я», ненасытное Эго, требует всё больше и больше подтверждений состоятельности, и мы в плену этих иллюзий растрачиваем драгоценные силы и время в тщетных попытках удивить мир, добиться признания, славы и почестей.

Но есть исключительные по искренности и преданности искусству люди, для которых творчество становится такой же насущной необходимостью, как дыхание, и для них искусство — это способ постижения мира, ими дви-

жет страстное желание найти ответы на вечные вопросы о добре, истинной красоте... О том, что есть Бог, и зачем он сотворил мир таким, зачем дал нам жизнь с этим неистребимым желанием задавать вопросы, на которые никогда не найти исчерпывающих ответов...

Из этого круга редких людей — художник Виктор Сынков.

* * *

В работах Сынкова — пронизывающая всё его творчество устремлённость к поиску истины, смысла жизни, взбудораженность души современного человека, ощутившего своё ужасающее одиночество и желающего вернуть утраченное единство с Богом, то есть богоискательство, столь характерное для традиции русской духовной мысли, становится главной доминантой его творчества. Каждая его работа — это постижение через тернии сомнений и душевных переживаний чего-то глубокого в самой жизни, какого-то скрытого от поверхностного взгляда смысла, проявляющегося в каждый миг, момент в бесчисленных и простых до изумления ситуациях и событиях, вещах и окружающих предметах. Эти бабушка с внуком, кошка, вечно путающаяся под ногами, мудрые вороны, свысока наблюдающие за нами, бесчисленные стаканы и бутылки, ваза с цветочком, деревья и домик с висящим над ним одиноким облачком, многозначительный ключик и спичечный коробок — все эти вещи не выхваченные кусочки жизни, а сама жизнь, проявляющая себя через вещи. И каждая вещь — это целый мир. Это то, о чём говорит нам Лао-цзы: «Не выходя со двора, можно познать весь мир». И каждая вещь живёт. Это не мёртвые предметы (невольно вспоминается ужасное слово «натюрморт», означающее в прямом переводе «мёртвая природа»), а предметы, одушевлённые взглядом художника и сердцем, которой умеет любить.

* * *

Когда я заходил к Вите, всегда удивлялся тому, как он организовывал пространство вокруг себя, обживал его как художник. Его окружали всевозможные вещи, которые как будто сами раскрывали себя, свою красоту, душу рядом с ним и в его работах. Это были какие-то разноцветные камни-галочки, отшлифованные временем, ржавые от переживаний старые ножицы и висячие замки, увеличительное стекло и кубик Рубика, игральные кости, помогающие человеку обрести или потерять судьбу, колёсики от часов, пучки засушенных трав, стеклянные колбочки с веточкой укропа, книги, журналы, картины — всего не перечислишь... В расположении вещей не было хаоса, но и не было организованного рациональным рассудком порядка. Скорее, это был очень естественный и органичный беспорядок. При

этом каждая вещь — на своём месте, и все они взаимно подчёркивают красоту, дополняют и обогащают друг друга.

Это не та структурированная в определённую систему красота, которую демонстрируют, например, композиции Пита Мондриана или сумерматизм Казимира Малевича, и не та холодная и искусственная красота, которую продвигает в наше жизненное пространство современный дизайн.

Тут иной путь, может, как раз тот особый, о котором говорил Тютчев...

* * *

В творчестве Виктора Сынкова проявляется совершенно другая эстетика. Многие вещи и особенно люди в его картинах с точки зрения общепринятой скорее некрасивы, чем красивы. Но в более глубоком смысле в них обнаруживается другая, грубоватая и сильная, не вычищенная и рафинированная, а настоящая и естественная красота. Что-то подобное происходит с людьми и животными в работах Павла Филонова и в искусстве русского лубка (в китайском лубке, например, совершенно другая ситуация — там стремление к красивости, приукрашиванию заслоняет собой ту естественную и первозданную красоту необработанной и дикой природы, которая потому-то и сохраняет в себе биение жизни, и, возможно, здесь проявляется излишняя старательность китайского народа)...

Есть красота бабочки, розы, лица ребёнка или девушки с правильными чертами. Большинство людей справедливо наслаждаются этими творениями природы, но, к сожалению, не стремятся идти дальше. А ведь есть ещё другая красота, в которой отсутствует красивость и слащавость, которая живёт не во внешнем облике, а в большей мере во внутреннем содержании, в сущности предмета или явления. Красота обычного камня, коры дерева, потрескавшейся от безводья земли или лица старого человека, изборождённого морщинами, — эта красота лежит не на поверхности, а находится гораздо глубже, и не противоречит той, более доступной. Так же, как золото: оно одинаково ценно что на поверхности, что в недрах земли, только в глубине всё-таки его может оказаться гораздо больше.

И вот что интересно. Вот эта земная, архаичная и грубоватая красота окружает повседневно-повсеместно. И когда мы однажды обнаруживаем, открываем её для себя и ахаем — мы обретаем гармонию с окружающим нас миром. Никакие мы не хозяева природы, мы едины с ней, мы её органичная часть.

В работах Виктора Сынкова проявляет себя та сторона русской души, которая не сбита с толку научными объяснениями устройства мира, исходящими из позиций и ценностей европоцентризма, не развращена гордыней имперского прошлого, не искажена ложным представлением о богатстве как исключительно материальном понятии, а с простотой и скромностью, в которых отражается самодостаточность и достоинство человека, идёт по жизни путем гармонизации не мира, а себя в мире.

* * *

Если искусство — это один из способов познания человеком мира, художник Виктор Сынков своим искусством говорит нам, что вопрос вовсе не в том, чтобы понять мир, а в том, чтобы принять его. То есть в конечном итоге это проблема любви сердца, а не интеллекта или аспекта ума. Так как речь идёт о том, чтобы довериться потоку жизни, не противопоставлять себя, не бороться с ней, а бороться за нее. Может, это и есть путь к себе. Может, поэтому в картинах большого художника всегда есть жизнь.

Тот удивительный взгляд на окружающий нас мир, которым он поделился с нами, та красота, которую он нам открыл в своих картинах и «почеркушках», щедрость, с которой он раздаривал работы, и то богатство, которое он оставил всем нам, — чем мы можем отплатить ему хотя бы сейчас? Только ответной любовью к этой красоте и благодарностью миру и художнику за этот бесценный дар.

АКТАС ХАМАДЕЕВ,

*доцент кафедры дизайна КИИД,
член международной ассоциации
«Союз дизайнеров»*

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

Н РЕЖДЕ ЧЕМ написать несколько строк о Викторе Сынкове, заглянул в интернет. Кроме трех-четырех застарелых сообщений о состоявшихся выставках ничего не обнаружил. Значит ли это, что его стали забывать? Думаю, нет. В интернете происходит то же, что и в реальной жизни. А в реальной жизни происходит вот что. Две-три выставки в Челнах, Бугульме, да тоненькая книжица, которую несколько лет назад издали казанские художники, и больше ничего. А проектов было продекларировано много: и выставки в заграницах, и полноценная книга, которую только ленивый не собирался издать...

Реалии сегодняшней жизни заставляют пересмотреть некоторые, казалось бы, неоспоримые истины: мы живем в городе, который появился на свет благодаря великому трудовому подвигу граждан великой страны. Еще каких-то 20-25 лет назад об этом знал любой школьник в нашей стране. А что сегодня? Сегодня в ответ на рассказ о том, как отцы и деды учеников городских школ за короткий срок построили огромный город, автомобильный завод и гидроэлектростанцию, следует странная реакция, сводящаяся к простому: «Бред! Так не бывает!» Это не вымысел, это происходит на самом деле. Что же случилось? А случилось то, что всегда случается, когда государство и общество забывают о самом главном — о духовном стержне, об атмосфере творчества. И, что самое страшное, ржа забвения поражает самые основные институты государства, в том числе и школу.

Меня спросят, что общего между художником Сынковым и сегодняшней деидеологизацией? А связь есть. Чтобы любить свой город, надо знать его историю. Чтобы гордиться своим городом, нужно поддерживать и развивать его мифологию, и делать это во всех сферах, и не в последнюю очередь, в сфере искусства. Для того, чтобы продвигать образ нашего города, мало идеи трудового подвига, за которым сегодня ушлые критики видят все ту же идею моноиндустриального города. Нужны новые идеи, лежащие за пределами только индустриального представления о современном молодом городе.

А теперь пора вернуться к творчеству Виктора Сынкova. Сегодня, спустя почти девять лет после ухода художника из жизни, разговоры о нем не стихают, и становится ясно, что это был художник мирового масштаба. И это как раз та идея, которая, могла бы поспособствовать решению задач продвижения имиджа нашего города, коли мы любим и продолжаем строить его во имя будущего.

Только вот и сам художник нуждается в продвижении его творчества, чтобы о нем не забыли вскоре... Нужны выставки его работ, нужны книги, альбомы, посвященные творчеству нашего земляка. Пора уже задуматься о полном каталоге его работ, пока еще не все они проданы за рубеж.

Понимая эти проблемы, в Камском институте искусств и дизайна в 2008-2009 учебном году в рамках курса проектирования книги студентами третьего курса факультета графического дизайна была выполнена курсовая работа по созданию книги, посвященной творчеству Виктора Сынкova. Творческий импульс студенты получили, ознакомившись с отсканированными графическими работами художника и услышав рассказы преподавателей, лично знавших его. Лучшие студенческие работы будут представлены на традиционном фестивале «Челнинский сувенир», который состоится в августе.

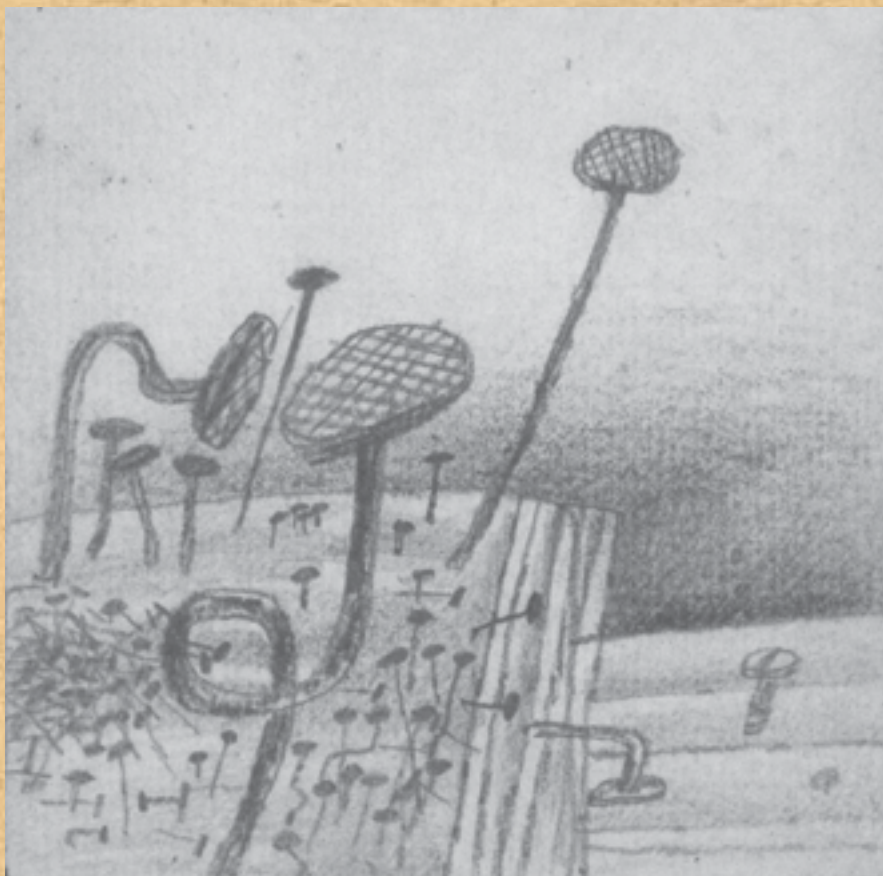
г. Набережные Челны

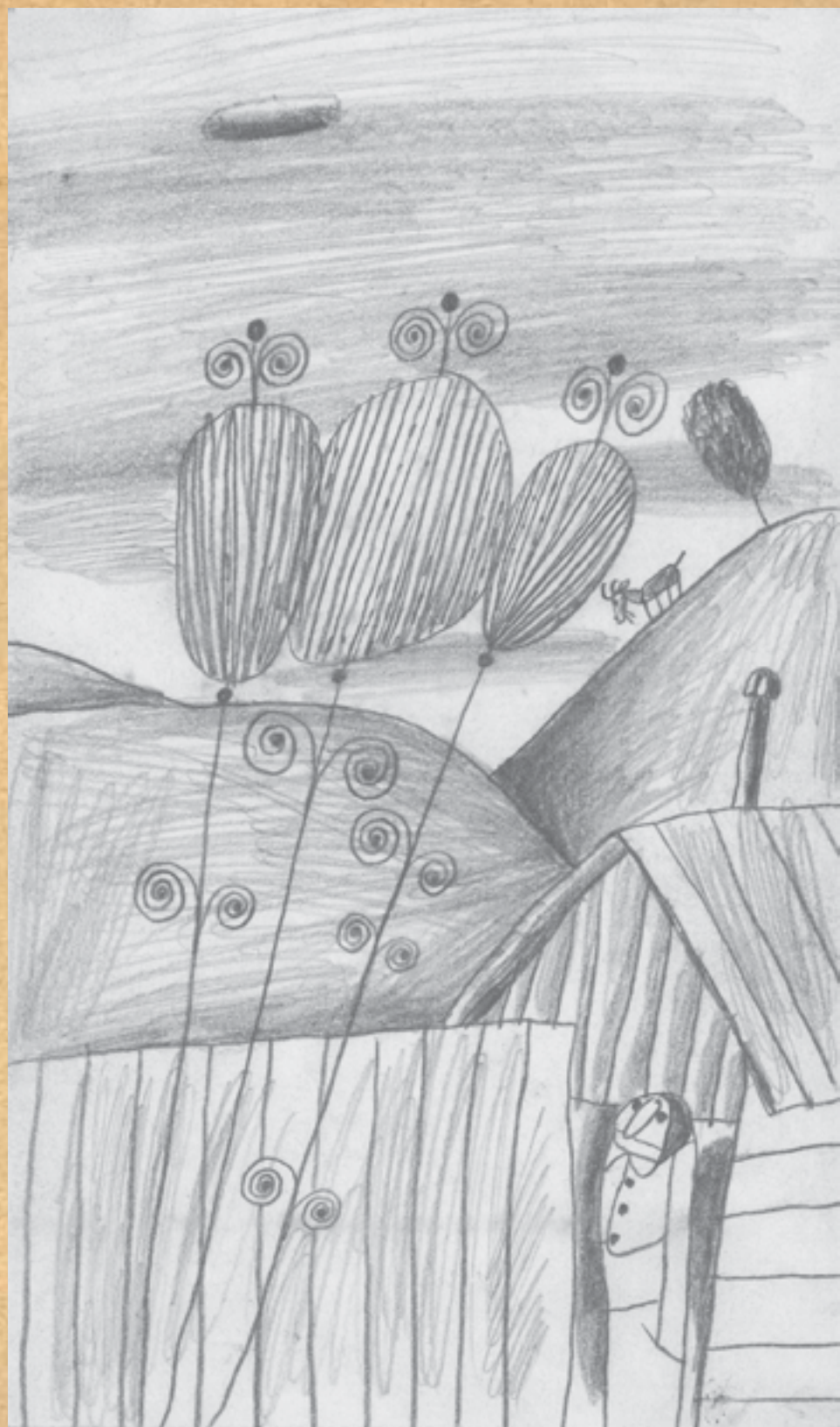
БЕСЦЕННЫЙ ДАР
Художник Виктор Сынков и его работы

Фото Владимира Салмана

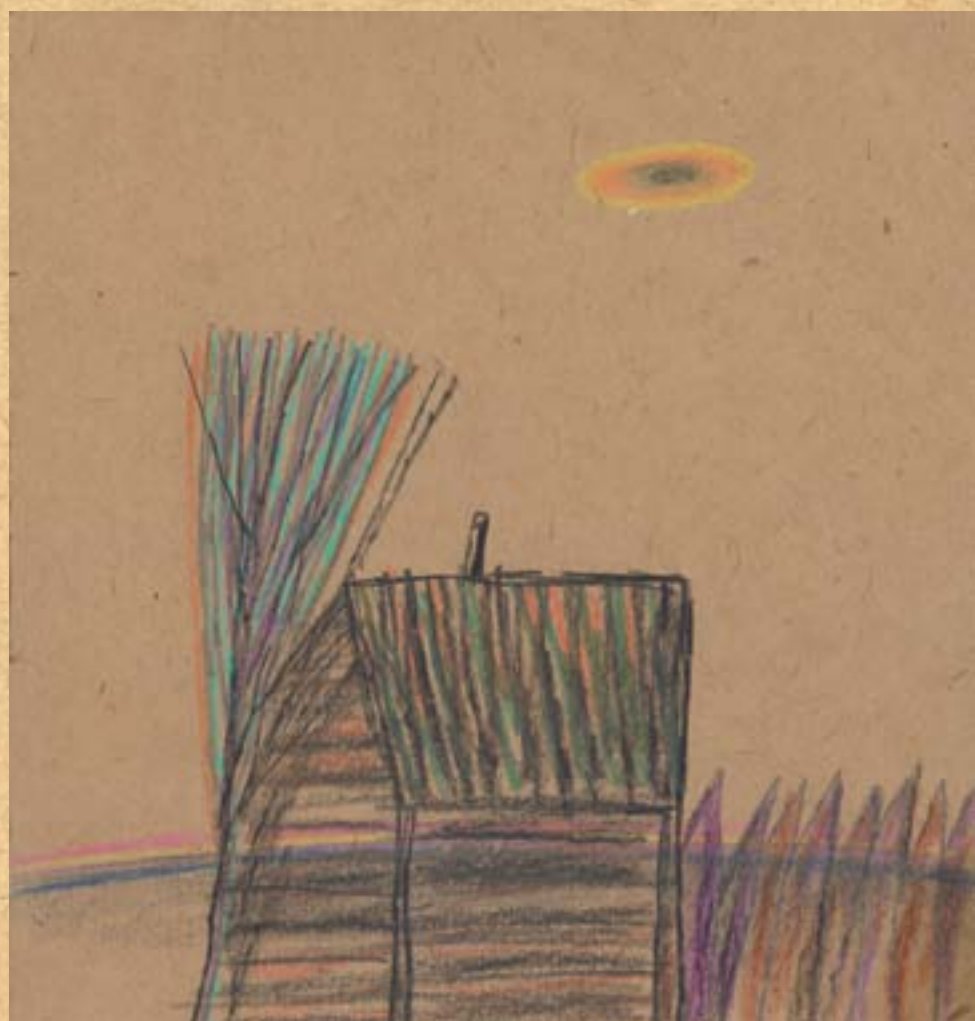

Литературная премия имени Марины Цветаевой

Имя великого поэта серебряного века Марины Ивановны Цветаевой навсегда связано с Елабугой — городом, волею судьбы ставшим её последним земным пристанищем.

Елабужане с особым трепетом и любовью относятся к её имени и делают всё возможное для сохранения памяти и популяризации творчества Марины Ивановны.

Здесь, в Елабуге, в 2002 г. к 110-летию со дня рождения Поэта был открыт уникальный мемориальный комплекс Марины Цветаевой, включающий в себя:

- площадь Марины Цветаевой с памятником поэту,
- дом памяти, где прошли последние дни жизни поэта,
- литературный музей М. И. Цветаевой,
- библиотеку серебряного века,
- литературное кафе «Серебряный век»,
- портомойню,
- охранную зону Петропавловского кладбища с могилой Марины Цветаевой,
- церковь Покрова Божьей Матери, где 31 августа 1990 г. по благословению Патриарха Всея Руси Алексия Второго Марина Цветаева была заочно отпета.

За создание мемориального комплекса М. И. Цветаевой мэр города Елабуги Ильшат Рафкатович Гафуров в 2006 году был удостоен звания «Мэр года» по результатам конкурса, объявленного газетой «Литературная Россия».

В целях развития лучших культурных традиций России и увековечения имени Марины Цветаевой глава Елабужского муниципального района, мэр города Елабуги в 2007 году учредил литературную премию имени Марины Цветаевой.

История премии началась в 2006 году, когда член Союза российских писателей, поэт, лауреат республиканской литературной премии им. Г. Р. Державина Николай Алешков (г. Набережные Челны) предложил учредить в Елабуге литературную премию имени Марины Цветаевой.

Глава Елабужского муниципального района, мэр города Елабуги Ильшат Рафкатович Гафуров поддержал эту идею и выступил её учредителем.

Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник в лице генерального директора Гульзады Ракиповны Руденко (заслуженный работник культуры РТ и РФ) взял на себя функции оргкомитета премии.

Генеральным спонсором премии стало ОАО «Таттелеком» (г. Казань), генеральный директор Лутфулла Нурисламович Шафигуллин.

Лауреатами первой литературной премии имени Марины Цветаевой 2007 г. (премия вручалась в августе 2007 года в дни празднования 1000-летия Елабуги) стали:

Лев Абрамович Мнухин, кандидат технических наук, историк литературы и культуры, член Союза писателей г. Москвы, член Русской Академической группы в США, старший научный сотрудник музея Марины Цветаевой в Болшеве (г. Королёв Московской области);

Елена Баурджановна Коркина, кандидат филологических наук, литературовед-исследователь, почётный работник культуры города Москвы, старший научный сотрудник отдела «Архив русского зарубежья» культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой»;

Вячеслав Михайлович Головки, доктор филологических наук, профессор Ставропольского государственного университета, заведующий кафедрой истории русской и зарубежной литературы.

Вручение второй литературной премии им. Марины Цветаевой состоялось в августе 2008 г. в Москве при участии правительства Москвы, департамента культуры города Москвы, культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», администрации Елабужского муниципального района Республики Татарстан и Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, ОАО «Таттелеком» г. Казани.

Лауреатами Второй литературной премии им. Марины Цветаевой стали:

Ирма Викторовна Кудрова, автор фундаментальных монографий «Путь комет. Жизнь Марины Цветаевой» (СПб., 2003 г.) и «Просторы Марины Цветаевой. Поэзия. Проза. Личность» (СПб., 2003 г.);

Ольга Николаевна Григорьева, автор поэтического сборника «Из семи традиций» (Павлодар, 2007 г.).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вручение *третьей литературной премии им. Марины Цветаевой* будет приурочено к проведению в Елабуге Пятых Международных Цветаевских чтений в августе-сентябре 2010 г.

Премия 2010 г. учреждается по следующим номинациям:

«*Популяризация творческого наследия Марины Цветаевой*» (на соискание принимаются книги переводов стихов, прозы и эпистолярного наследия М. И. Цветаевой на различные языки мира);

«*Популяризация жизни и творчества М. И. Цветаевой*» (на соискание принимаются заявки как от музеев, так и от частных лиц. Критерии оценки: наличие музейных экспозиций и издательская деятельность музея, отражающие творческий и жизненный путь М. И. Цветаевой и её семьи. Созданные теле- и радиопередачи, художественные, документальные и научно-популярные фильмы о жизни и творчестве Марины Цветаевой и членов её семьи. Принимаются также на соискание монографии о жизни и творчестве Марины Цветаевой);

«*Популяризация творчества поэтов российской провинции*» (на соискание принимаются книги стихотворений, изданные в 2009-2010 гг.)

Лауреатам вручаются памятные медали лауреатов литературной премии имени Марины Цветаевой и денежные вознаграждения в размере 50 000 рублей.

Заявки на соискание премии (форма прилагается) и книги высылаются на адрес Оргкомитета до 1 июня 2010 года.

Адрес: 423600, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Гассара, дом 9, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, с пометкой «Литературная премия им. Марины Цветаевой».

Приложение

ЗАЯВКА

на соискание Литературной премии имени Марины Цветаевой

Фамилия	
Имя	
Отчество	
Название и выходные данные книги, присылаемой на конкурс	
Почтовый адрес	
Электронный адрес	
Контактный телефон	
Членство в литературной организации, союзе	
Место работы	
Должность	
Паспортные данные (серия, номер, кем выдан, дата выдачи)	
ИНН	
Страховое свидетельство	
Дополнительные сведения о себе (если есть)	

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ

Елабуга

Памяти Марины ЦВЕТАЕВОЙ

...Не смерклась обида, смятение не спит,
В студёную тьму, за окно перевесясь,
Где, скорчившись в небе согбенном, стоит
Усталый, как бледный старик, полумесяц...
Проросший из семени ропот травы
Потушит нагрянувшим снегом однажды,
И в мыслях — биение влажной листвы,
Что в окна стучится и отзыва жаждет...

Не так ли, ночью листвою дыша,
Под небом, промозглой звездой промытом,
Мятется и отзыва жаждет душа,
Как бедная прачка, спеленута бытом?
Гудок моросит по-над Камой, точь-в-точь
Осенняя птаха... Глоток самосада...
И, словно листок, истончается ночь,
Неисповедимую лампой разъята.
Таков он, обмакнут в бессонницу, дом...
Здесь, выпит из боли, страданием добыт,

По вдовьим слезам
 Ведомую не царскосельскою музой...
 И он, —
 Как сирень исступлённой весной,
 Разросшийся по словарям и зовущий
 Сестрой — невозможную жизнь,
                                 проливной,
 Как ливень, — в биении струй и созвучий.
 Пространство, дремучее, как наговор,
 Он взял в собеседники, а не в соседи...
 Раскроешь гудящую книгу, как бор,
 И тотчас «зароешься в шелест осенний...».
 И эту стихию, где бури — не гладь,
 Где счёт на созвездья идёт — не на строки,
 Ловчилась казённая знать — обкорнать
 И в мутные, тужась, вогнать водостоки.
 Но, с жаждою вылущить голую суть
 Предметного мира, он шёл не к распутью —
 К распятью,
                                 не умыслом равный Творцу,
 Но всею своей светоносною сущью.

А утро сплывает меж тем на плотах
 По зорней реке...
 Воплощённая карма,
 Простёртая в скрипах уключин, в гудках,
 Течёт через душу всезрящая Кама.
 Как пристальна свежесть! На до-олгой реке
 И лодки, и снасти, и отблески лета —
 И всё это влажно ветвится в зрачке,
 Напрягшимся под дуновением света.
 И словно омыты бесплотной рукой,
 Прозрачны студёной порою незримой
 И люди, и говор их, словно рекой,
 Сносимые временем... Тем нестерпимей
 Юдоль одиночества. Где б ни жилось,
 Шуршат в подсознании иссохшие Парки,
 Мотая усталые нити на гвоздь,
 Растущий в бессонницу прямо из балки.

Но — жизнь молода и безумствует всласть,
 Но — льнущим, распластным шёпотом Федры

Мучительно ропщет кромешная страсть,
Разъявшая кровоточащие недра...
И сызнова — дух ожиданьем разъят —
И имя, и род обрекая злословью,
Спускаются неуголимые — в ад
Влекомы незрячей, палящею кровью.
И смертные страсти,
И скрученный в жгут
Весь миропорядок, как шнур аксельбанта,
И бездны души обречённой — все ждут
Из будущих ядерных выбросов — Данте.
И трезвая мысль никого не щадит,
И прочно сомнения в формулу лягут:
А вдруг бытие, как нам опыт твердит,
Не поиски Духа — блужданья меж тягот?
Мерцает меж нами печальная связь
Тщеты и страданий... и всё же, как прежде,
Знобя, изнывает сознание, стелясь
Согбенной и сирой лозою — к надежде.
Распахнуто в прошлое мысли окно,
Что слышит оно — не для пошлого слуха...
Лишь воспоминаньем спастись дано,
Как будто присутствием Божьего духа.

А Кама — движение света на дне —
Придаток к больному сюжету, не боле,
И боль утешает мерцаньем в окне,
Но не обещает затмения боли.
И, заключены в испытующий свет,
Смеркаются и выцветают сомненья.
Не в них ли потерянно ищет поэт
Причину смятенья,
Исход откровенья?
И что он читает на ясной воде? —
Всей гневною кровью, всей болью — затвержен
Взгляд сына, толкающий в небытие,
В котором пребудешь и сир, и отвержен...
Кто сыплет на воспоминания соль?
Да что из того, что в строке многолюдно,
Ведь, сплющена в сердце, бездомная боль —
Так сын во младенчестве спал — беспробудна...
Валить на судьбу? — ну, да что с неё взять?
Оплавило время страдания грани...

Потянешься друга иль сына позвать,
Чтоб выплакаться, — пепелище в гортани!

Отчаяньем жизнь нарывает, огнём,
Когда обстаёт одиночество... глухо...
И непроходимую ночью, и днём –
Ни Камы, ни кармы... — всё впроголодь духу.
Расхристанно время... Кому ж я повем
Свой плач по поэту?! — едва ли услышат...
В зиянье меж жизнью и небытием
Глядит предрешённость, забвение дышит.
Вот так бытие проливает поэт –
...Петля из пеньки... ржавый гвоздь...
и — усилие
неверной ногой оттолкнуть табурет...
И — не подхватили незримые крылья,
Не прянули в небо!
(Шаги на крыльце...)
И тут спеленало бессилие руки,
Вытаивает в оскудевшем лице
Пожизненный свет...

И — к о н ч а ю т с я м у к и .

Устал и опален, палимый судьбой,
Не видя в сплошном отрицанье исхода,
Наследую и отчуждённость, и боль,
Но — неоспоримое право ухода.
Взметнуть, обревевшись, реестр обид,
Пустой, неуёмной молве потакая?
Нет! — жить, как жестокое дело велит,
И зависть, и ненависть превозмогая!
У скола судьбы, непроглядно умны,
Мы, знаю, судить о поэте не вправе –
Едва ли узнаем, поспешные, мы,
Как с кровью выламываются из правил.
И страшно! — нет брода в тебе, немота...
Едва ли смирение глядит с фотографий...
И, в мутную совесть вминаясь, плита
Ложится под нищую речь эпитафий.
А ей и плиты не достало... Молва
Способна, всеядна, глумиться и ранить,
Но не сострадать, потому и трава

Забила тропинку к могиле и — память...

Казнить благоглупость?
Ссылаться на рок?
Потом спохватились... а может, прозрение:
Что ж пересыпаем, как бrenный песок,
В смятении, сквозь горловину забвенья?
Никчёмные клятвы...
Признанья в любви
Поспешны и пошлы, как рупоры сами...
Но замкнуто ИМЯ стоит — на крови,
И сумрачно, и отчуждённо, как в храме.
Там страшно один на один с пустотой
Ей, брошенной матери... И цепенеешь,
Ведь там, где Господь ей судил быть одной,
Другим, вне сомнения, будет страшнее...

Над пристальной Камой молчу тяжело:
Кому же повем я свой плач? — хоть и слово,
Обветренно временем, в силу вошло —
До злого закала, до звона литого...

Сентябрь наследил по лесам — к октябрю,
Есть строгость прощанья в осенней погоде...
За что обстоятельства благодарю? —
Не лгут,
Хоть надежды мои на излёте:
И к нашим могилам тропинки забьёт
Травой безразличной... родные устанут...
И всё ж, отступая в страданья её,
Я вчитываюсь в постаревшую Каму,
Прошу её, в тёмную воду войдя:
«Открой мне хоть голос, хоть чёрточку той, что
В тебе умывалась, ладони студя
Бегуще свежестью, стужей проточной...».
От ног моих рябь, разрастаясь, бежит
К тяжёлой барже, проржавевшей, как драма
На пыльных подмостках... Но зычно молчит,
Как бы отстраняя, осенняя Кама,
Пришитая к берегу серым дождём...
Кто ж в хмари — дыханье поэта отдышит?
О ком,

Окровавив ладони,
Гвоздём
Она — мёртвый скрежет — по памяти пишет?
Чьи воспоминания воспалены
Виною? Кого в напряжении держит,
Вминаясь в раздумья и рваные сны,
Как голос — отчаянный, сорванный скрежет?..

Мы втиснуты наглухо в спектр скоростей,
В безликой запарке горим и мельчаем...
О ком же,
                                рабам суррогатных страстей,
Гвоздь силится нам рассказать? — не узнаем...
Но всё ли забвению обречено
И спешкой размыто?
И, может быть, время,
По меркам пространственным, искривлено,
И, значит, в грядущем мы встретимся с теми,
Кто, втоптанный в муки отчаянья,
В ад
Спускался кругами этапов...
Из а д а
К нам письма летят и вслед лица глядят —
Сквозь бледный, заплаканный лик циферблата.

...Кому же повем я свой плач, полусед?
Всё тот же в глаза испытующий свет...
Кому же повем я свой плач?
До рассвета
Грохочет в набатных висках табурет —
Последняя пристань? Голгофа? —
                                поэта...

г. Тюмень, 1985 г.

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

АЛТАЙ. Показом спектакля «Рассказы Шукшина» в исполнении актеров Государственного Театра Наций завершится Год Шукшина на Алтае. Об этом сообщил начальник краевого управления по культуре Анатолий Ломакин.

Государственный Театр Наций приедет на закрытие Года Шукшина 6-7 декабря. Спектакль «Рассказы Шукшина» планируется показать в Барнауле и Бийске. Кроме того, спектакли по произведениям Василия Макаровича на закрытие Года Шукшина покажут театры Алтайского края и других регионов Сибири.

Молодёжный театр **Алтая** поставит малоизвестную пьесу Евгения Шварца «Приключения Гогенштауфена». Это будет первая постановка пьесы на российской сцене. По словам директора Молодёжного театра Татьяны Козициной, пьеса мало известна, она рассказывает о молодом экономисте-новаторе, которого пытаются погубить вместе с его проектом.

Не исключено, что в постановке примет участие художественный руководитель театра, народный артист России Валерий Золотухин. Премьера спектакля намечена на март 2010 года.

* * *

АМУР. 29 июня, после длительных гастролей, Амурский театр актера и куклы закрыл юбилейный, сорок пятый театральный сезон. Весь июнь театр показывал премьерные спектакли «Бука» и «Почему опасны спички». Кукловоды объехали Свободный, Райчихинск, весь Благовещенский район, Белогорск. Также выступления прошли во всех детских садах областного центра.

* * *

АРХАНГЕЛЬСК. Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон 28 июня в день празднования 425-летия города Архангельска освятил памятник святым благоверным князю Петру и княгине Февронии Муромским чудотворцам. Столица Поморья стала первым городом, где установлена и освящена такая скульптурная композиция.

Скульптурные композиции «Святые благоверные Петр и Феврония Муромские» установлены ко Дню семьи, любви и верности в 10 городах России: Архангельске, Владивостоке, Новосибирске, Екатеринбурге, Сочи, Ульяновске, Самаре, Тольятти, Санкт-Петербурге и Ярославле.

* * *

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД. Шикарный подарок к 1150-летию юбилею Великого Новгорода сделали первому российскому императору — открыли бронзовый памятник Петру Первому (архитектор Юрий Романенко и скульптор А. С. Пшерацкий, памятник изготовлен на личные средства Ю. Романенко). 9 июня на набережной реки Гзень встал, держась за колесо, бронзовый Петр.

Известно, что сам российский император в свое время наведывался в Новгород — возводил бастионные сооружения вокруг Кремля и даже велел построить в Новгороде парусную мануфактуру.

Автор «Чебурашки» и ряда других популярных произведений для детей Эдуард Успенский и известный детский писатель Валерий Воскобойников провели в Старорусском доме-музее Федора Достоевского мастер-классы для молодых российских писателей и поэтов, пишущих для детей. Участниками семинара стали более 30 начинающих литераторов из различных регионов страны.

Семинар в **СТАРОЙ РУССЕ**, которую специалисты называют «городом братьев Карамазовых», был организован российским Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (Москва).

14 июня открыт ещё один монумент — Сергею Рахманинову. Его уже установили в **МОСКВЕ** на одной из центральных улиц у стен древнего Кремля.

* * *

ВЛАДИВОСТОК. 30 июня в Приморском государственном объединенном музее имени В. К. Арсеньева состоялась презентация очередного номера альманаха «Литературный Владивосток», который стал своего рода подарком ко Дню рождения города.

* * *

ВОРОНЕЖ. Молодая воронежская актриса Кристина Якунина награждена премией им. народного артиста СССР М. И. Царёва, учреждённой Союзом театральных деятелей РФ. Выпускница Воронежской академии искусств приняла участие в сборном выпускном вечере ведущих театральных ВУЗов, который впервые прошёл в Москве на Пушкинской набережной. На мероприятии присутствовало 200 экс-студентов ГИТИСа, Школы-студии МХАТ, Театрального училища им. М. С. Щепкина, института им. Б. Щукина, Санкт-Петербургской и Уфимской театральных академий, Иркутского и Нижегородского театральных училищ, Екатеринбургского, Ярославского и Новосибирского театральных институтов.

* * *

ЕКАТЕРИНБУРГ. В Екатеринбурге в зале Государственного академического театра оперы и балета состоялась премьера балета «Любовь и смерть» известного азербайджанского композитора, народного артиста Азербайджанской Республики, посла Азербайджана в РФ Полада Бюль-бюль Оглы.

Перед началом премьеры министр культуры Свердловской области Наталья Ветрова отметила высокий уровень культурных связей между Свердловской областью и Азербайджаном, отметив большое количество проектов, осуществляемых между Баку и Екатеринбургом в разных сферах культуры и искусства.

4 июля подведены итоги вокальной ярмарки. В ярмарке приняли участие представители всех 32 музыкальных театров России и шести (из 14 существующих) оперных. В итоге из 138 участников ярмарки 70 певцов заключили контракты с театрами страны.

* * *

КАЗАНЬ. На базе факультета русской филологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета состоялось открытие Всероссийской научной конференции «Национальный миф в литературе и культуре». В работе конференции принимают участие учёные из городов: Москва, Курск, Саранск, Чебоксары, Самара, Екатеринбург, Казань, Набережные Челны, Елабуга и др.

С приветственным словом выступил ректор ТГГПУ, профессор Радиф Замалетдинов. Он отметил, что эта научная конференция проводится с 2003 года и является особо значимой, поскольку вопросы конференции непосредственно решаются в университете. Факультет русской филологии и его кафедры стали центрами по подготовке специалистов русского языка и литературы

27 мая на сцене Казанского государственного университета культуры и искусств прошёл творческий вечер поэта Николая Алешкова, лауреата литературной премии им. Г. Р. Державина. В программе приняли участие авторы-исполнители, представители набережночелнинского творческого объединения «Земляки», которые исполнили песни на стихи поэта.

* * *

ЛАИШЕВО. 14 июля в Лаишево, пригороде Казани, состоялся традиционный праздник поэзии, посвящённый 266-летию Г.Р. Державина. Приветственным словом торжество открыл Председатель Государственного Совета Республики Татарстан, член Совета Федерации Ф.Х. Мухаметшин. Он отметил: «Великого поэта Гавриила Романовича Державина считал своим учителем Александр Сергеевич Пушкин, а великого Пушкина называл своим учителем Габдулла Тукай. И эта связь поэтического мастерства, как дыхание времени, передаётся творчеством великих людей из поколения в поколение, из народа в народ». Ф.Х. Мухаметшин объявил имя тринадцатого лауреата литературной премии имени Г.Р. Державина. Им стал поэт и прозаик Рустем Кутуй. Председатель Госсовета вручил Рустему Кутую диплом, удостоверение лауреата и денежную премию.

«Мною выпущено более пятидесяти книг, – ответил Рустем Адельшевич. – И хотя премия вручена за книгу стихов «Профиль ветра», в творчестве я довольно легко перехожу от стихов к рассказу или повести, ибо это – единый исповедальный поток, в котором я и задыхаюсь, и тону, и живу. Искренне благодарю за высокую награду».

Литературная премия имени Г.Р. Державина учреждена Министерством культуры Республики Татарстан и администрацией Лаишевского района в 2000 году. За девять лет её лауреатами стали тринадцать поэтов и прозаиков, среди них: Владимир Корчагин, Сергей Малышев, Ахат Мушинский, Лилия Газизова, Николай Беляев, Николай Алешков, Рустем Сабиров, Владимир Лавришко и другие.

Наряду с новыми лауреатом, главным героем праздника стал, конечно же, сам Державин, которого сыграл заслуженный артист РТ Дамиль Утешев. Благодаря организаторам (сценарист и ведущая – Л. Газизова) гости мероприятия совершили путешествие во времени, побывав в гостях у Гавриила Романовича. Вместе с известными писателями Державина поздравили с днём рождения и молодые авторы.

* * *

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ. 29 июня на сцене Центральной городской библиотеки состоялся творческий вечер Натальи Первовой, приуроченный к 70-летию поэтессы и посвящённый презентации двух её поэтических книг: «Моя параллель» (2007 год) и «Китежанка» (2009 год). В течение всего вечера друзья, коллеги по творческому цеху читали стихи Натальи Ивановны, исполняли песни как на её слова, так и на свои, посвящая выступление юбиляре.

* * *

ПЕНЗА. Открыт Межрегиональный форум «Читай, Россия», в работе которого примут участие работники библиотек из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саранска, Саратова и Ульяновска. Программа мероприятия включает в себя публичное представление проекта нового здания Пензенской областной библиотеки, торжественную церемонию вручения премий библиотекарям Пензенской области за реализацию проектов по продвижению чтения, а также круглый стол на тему «Библиотека и чтение в межкультурном пространстве России».

4 июля в Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» состоялся Всероссийский Лермонтовский праздник. После традиционного возложения цветов на могилу М. Ю. Лермонтова в Зелёном театре музея-заповедника состоялась творческая встреча с участием ведущих мастеров искусств России и юных музыкантов. В этом году в Тарханы приехали: поэт, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств России А. Деметьев, народная артистка РФ Е. Шаврина. В числе почетных гостей: певец А. Макарский, актриса В. Морозова, певец О. Погудин.

Завершился праздник церемонией вручения ежегодных премий им. Лермонтова. В номинации «За выдающиеся достижения в литературном творчестве» лауреатами премии 2009 года стали Валерий Сухов (Пенза) — за поэтический сборник «Архангельский мой собор» и Екатерина Полянская (Санкт-Петербург) — за сборник стихов «Сопротивление».

* * *

ПСКОВ. С 23 по 26 июня 2009 года при организации Псковской центральной районной библиотеки в Пушкинских Горах работала первая Пушкинская летняя школа молодого библиотекаря. В работе школы приняли участие молодые библиотекари из Пушкиногорского, Островского, Гдовского, Печорского, Опочецкого,

Псковского районов, города Великие Луки. Открытие школы состоялось в Псковской центральной районной библиотеке. С приветственным словом к молодым библиотечным специалистам обратилась инициатор и руководитель школы — директор Пушкиногорской центральной районной библиотеки Наталья Юрьевна Юркив.

* * *

РЯЗАНЬ. По сообщению «Татар-информ» (Анвар Бикинин), руководитель рязанского клуба «Играй, гармонь» Вячеслав Земченков стал почетным гостем фестиваля имени Геннадия Заволокина, где получил диплом одного из лучших гармонистов страны.

В конкурсном отборе по итогам которого были названы 10 лучших гармонистов России, приняли участие музыканты из 86 регионов страны. На фестивале «Играй, гармонь» в Ханты-Мансийске, куда съехались артисты из Рязани, Владимира, Сургута, Ставрополя, Архангельска, Нижнего Новгорода, Костромы, Брянска, Мордовии, победители конкурса присутствовали в качестве почетных гостей. Им были вручены дипломы и памятные медали.

* * *

САМАРА. 5 июля под Самарой завершился фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина. Он опять проходил на двух полянах — Мاستрюковских озерах и расположенных от них всего в 12 километрах Федоровских лугах — с отдельными творческими и конкурсными программами. Напомним, что «раздвоение» «Груши» произошло, когда права на аренду Мастрюковской поляны выиграла компания «Мета». Тогда Самарский областной клуб имени Валерия Грушина — родоначальник фестиваля — стал проводить альтернативное мероприятие.

Крупнейший форум любителей авторской песни проходит отдельно уже третий год подряд. И каждый турист выбирает сам, ехать ему на Федоровские луга или на Мастрюки.

* * *

САРАТОВ. 30 июня в Саратовском академическом театре драмы официально открыта мемориальная доска памяти народного артиста СССР Олега Янковского. По сообщению РИА Новости министр культуры Саратовской области Владимир Синюков предложил назвать одну из улиц областного центра именем выдающегося актёра. Он отметил, что речь идёт не о переименовании существующей, а о присвоении имени одной из улиц в новых районах города.

Напомним, что Олег Янковский с семьёй переехал из Казахстана в Саратов в 1951 г. Окончил Саратовское театральное училище и работал в Саратовском драматическом театре до 1973 г., после чего перешёл в московский «Ленком».

* * *

ТВЕРЬ. И снова к Пушкину в село Берново Старицкого района. В рамках торжества, посвященного 210-летию великого поэта, здесь открылся I Международный фестиваль славянской поэзии «Поющие письмена». Воздать дань уважения таланту Пушкина приехали гости из 11 стран: Беларуси, Украины, Болгарии, Македонии, Чехии, Черногории... А потому романсы и стихи Александра Сергеевича звучали на разных языках.

* * *

ТУЛА. Комсомольский парк Тулы (бывший Александровский сад) празднует свой 102-й день рождения.

Парк — любимое место отдыха горожан — был заложен по инициативе доктора Александра Александрова и назывался сначала Александровским. 15 января 1907 года городская Дума одобрила доклад городского головы о разведении парка и постановила: осенью приступить к высадке деревьев. В указанный срок при выезде из Тулы по Миллионной улице, слева, окопали канавой больше 7 десятин земли и посадили на этом участке 7800 берёзок.

В 1921 году парк заново открыли как парк Союза молодежи. В 1924 его переименовали в Комсомольский, так как комсомольцы приняли активное участие в его развитии.

* * *

ЯКУТСК. Популярная якутская певица Саина вошла в число победителей фестиваля «Ветер надежды», который проходил в Пскове. Конкурс носил общероссийский статус и проводился под патронатом Аллы Пугачёвой.

Первоначально в нём участвовало полторы тысячи российских и зарубежных певцов. Из их числа было выбрано 25 человек, пробившихся в финал. Среди них оказалась и якутянка. В финале Саина исполнила песню «Ветер надежды», а затем композицию из репертуара Эдит Пиаф. К решающему третьему туру она находилась в пятёрке лучших. В последний день фестиваля певица великолепно исполнила эвенкийскую песню, приведя в восторг местную публику и жюри, которое и назвало её лауреатом. Саина вполне может претендовать на попадание в Книгу рекордов Гиннеса, так как поёт на 15 языках мира.

От редакции.

Уважаемые читатели, если вы желаете разместить в нашем альманахе новости и произведения литераторов вашего региона, мы готовы к взаимовыгодному сотрудничеству.

Ваши литературные произведения мы представим на страницах выпуска в любом объёме – от небольшой подборки материалов до целевого номера, посвящённого вашей республике, области, краю.

Литературный альманах «Аргамак» распространяется в шестидесяти регионах России.

С предложениями и пожеланиями обращайтесь по адресу:

E-mail: anp45@mail.ru

Телефон: (8552) 58-13-71

«ПОД НЕБОМ ВЫСОКИМ»

Так названа антология челнинской поэзии, издание которой стало знаменательным событием в октябре прошлого года. Ну, скажите, какой ещё город может похвалиться собственной поэтической антологией? А вот Набережные Челны теперь могут. Великолепно оформленный сборник стихотворений объёмом в 480 страниц посвящён 40-летию с начала строительства КамАЗа и 90-летию ВЛКСМ. Книга выпущена Торгово-промышленной палатой города и региона «Закамье», а также Татарстанским отделением Союза российских писателей.

В сборник вошли поэтические произведения 111-ти авторов. Среди них как профессиональные поэты, приезжавшие на великую стройку в творческие или шефские командировки, так и участники городских литературных объединений «Орфей» и «Лейсан».

В начале 70-х все молодёжные издания страны много писали о маленьком городке на Каме с красивым названием и разворачивающемся там строительстве автозавода-гиганта. Они не могли пропустить стихотворения Ярослава Смелякова, которое начиналось словами «Чудится мне качанье лодочки и волны в самом твоём звучанье, Набережные Челны...», а заканчивалось так:

Это ведь крайне важно,
чтоб в глубине страны
жили многоэтажно
Набережные Челны.

Стихотворение, украсившее и наш сборник «Под небом высоким», прочитала тогда, наверное, вся страна. А кого-то оно укрепило в решении поехать на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку.

Побывал здесь и не менее известный советский поэт Евгений Евтушенко. Он представлен в антологии стихотворением «Краном — из грязи». Московский поэт Николай Зиновьев — «Одой на рождение автомобиля», «Камским паромом» — Станислав Золотцев, литературовед, поэт, критик, побывавший в Челнах в составе творческой делегации журнала «Новый мир».

Перед строителями КамАЗа выступал с авторскими концертами Владимир Высоцкий, будучи у нас на гастролях с актёрами театра на Таганке. В антологию челнинской поэзии вошло его стихотворение «Памяти Василия Шукшина». Всемиролюбимцу Высоцкому в нашем городе открыт памятник на площади его имени перед зданием управления «Камгэсэнергострой».

Конечно же, у всех на слуху представленные в сборнике имена известного поэта Николая Беляева; автора книг и научных статей, кандидата филологических наук Факиля Сафина; лауреата премии имени Эдуарда Касимова, автора поэтических сборников на татарском и русском языках Кадыра Сибгатуллина; лауреата Государственной премии имени Габдуллы Тукая, депутата Госсовета Республики Татарстан, автора многих книг в стихах и в прозе на татарском и русском языках Разиля Валеева, чьё творческое кредо — в гармонии мира:

Рождён не охать и не ахать,
иду по жизни. Даль видна.
Зимой бела моя рубаха,
весной, как листья, зелена.

(перевод Николая Алешкова)

Рядом с известными в республике литераторами встретите вы в антологии имена и вовсе неожиданные. Руководитель стройки, легендарный Евгений Батенчук. Надо же? — удивятся многие. А вот так! Необозримо то, что вмещает в себя душа человеческая... не знаю, как, но появились же среди инженерных расчётов эти строки:

Мне кажется — я очень древний,
Но в ранге деда и отца
Вдруг вспомню клумбы и деревья
Я у заветного крыльца.

Или Владимир Альфиш, главный инженер «Камгэсэнергостроя»:

Никогда я не был в жизни пешкой,
Не стоял с протянутой рукой,

Но теперь живу в России грешной,
Где один с мощной,
А все с сумой.

Как верно сказано. И как горько, что это про нас, сегодняшних... Но тогда, в начале 70-х, ещё и сам Горбачёв не мог, наверное, предполагать, какой вираж у страны впереди. Тогда для приехавших на стройку из разных городов и деревень история саккумулировалась в одной точке, в Набережных Челнах с единой для всех сверхзадачей: КамАЗу — быть!

Я иду... Мне это надо, надо!
За спиною свой оставить след.
Новый город, стройный, как баллада,
Пусть из мрака явится на свет.

Эти строки написал лауреат премии имени Эдуарда Касимова, автор ряда поэтических книг Ямаш Игеней, а перевёл на русский язык Николай Беляев. С ними перекликаются десятки авторов сборника — пониманием своего времени и собственного места в нём.

Надо услышать сердцем
Стройки большой размах.
Мы её, как младенца,
Нячим в своих руках.

Евгений Кувайцев («Где тишина веками...»)

Действительно, сооружение такого комплекса заводов и современного города в столь короткий срок — в мировой практике случай беспрецедентный. Иностранные гости, побывав на челнинских стройплощадках, лишь головами качали. Восхищались... А молодые люди, авторы антологии, были участниками. Крановщики, каменщики, плотники-бетонщики, сварщики, монтажники — это они написали проникновенные строки о том, как жили, работали, мечтали, любили...

И так старались, что касались
Мы неба звёздного лица!

Юрий Малков («Баллада о стройке»)

В сборнике много замечательных стихов о любви, о малой родине, о дружбе, о природе, о России. Но самые яркие — и в этом видится стержень книги — о великом созидательном труде. Можно сказать прозаичнее: о рабочих буднях. «Когда мы ходили с тобою в кино? Забыли.» (Е. Кувайцев). Только это были будни другого порядка. Одухотворённые идеей.

Покажите книжку или назовите поэта, который сегодня писал бы о труде. Не найдёте! Ибо всё сведено к деньгам. Сегодня человек не работает, а зарабатывает. Важен — только и только — результат. В век доллара и гламура кто же будет думать о том, что именно труд наполняет смыслом жизнь? Труд — в радость, считали предки. О том же говорил Христос... С этой точки зрения сборник «Под небом высоким» — как глоток чистого воздуха, возвращающий нас к благородным идеалам людей возвышенных, а не приземлённых.

Только не зря
След за спиной,
Выдавленный в граните.
Город дарю вам,
Построенный мной, —
Живите!

Евгений Кувайцев

Стихи этого автора хочется не просто цитировать — приводить целиком: так много в них талантливой точности и светлого чувства. Это проявляется в каждом стихотворении поэта, о чём бы он ни писал — о стройке, о памяти своей бабушки, о лунной ночи, о России:

Я тебя не хаю —
Я тобой горжусь,
Милая,
Родная,
Лапотная Русь!

Рамки статьи, конечно, напоминают о себе, и всё же ещё строфа:

Матушка, зелёная планета,
Век моей любви не огрубеть.
Песня до конца моя не спета.
Дашь ли до конца её допеть?

Не допел, или... Евгений Кувайцев, поэт милостью Божьей, не смог ужиться с веком доллара и гламура — и пропал без вести в 2001 году. Его друзья до сих пор надеются — может быть, жив... Стихи его живут и будут жить — заворачивать умением столь неказённо и ярко видеть мир, глубиной эмоций, порыва будут побуждать читателя думать и сравнивать. Читая их снова и снова, мы возвращаемся мысленно в те годы, когда город рождался и рос, а посвятившие ему свои стихи поэты были молоды.

Многоголосие ощущений времени, слышимое в стихах челнинских авторов разных возрастов, социальных групп, уровней образования, даёт красочную кар-

тину жизни участников великой стройки. Это и портрет города. Не сегодняшнего. Сегодня он красив зрелой красотой сложившейся личности. Это портрет города той поры, когда он был юным. А у юности своя красота. Особая во все времена и нескончаемо привлекательная чистотой и смелостью мысли, обезоруживающей открытостью.

И встал он — важнее любой из наград,
Руками, а не чудесами
Построенный в вольной степи Автоград.
Как жаль, что вас не было с нами!

Строки известной в нашем городе поэтессы, написавшей несколько книг поэзии и прозы, живущей ныне в Москве Инны Лимоновой — своеобразное обращение к нынешним молодым челнинцам, у которых, и это естественно, другое время, другие задачи, другие идеалы.

Думается, в нашей жизни есть немало поводов вести разговор о вечных человеческих ценностях. Как и о соотношении личного и общественного. Когда при необходимости маленькое «я» растворяется в большом «мы», ибо великие дела одиночкам не под силу. Чтобы всем миром помочь, например, в строительстве дома, русские ходили на толóку, татары — на омэ. Этим замечательным словом и названо одно из стихотворений Махмута Газизова, написавшего несколько поэтических сборников на родном языке.

Вот почему поэтический сборник «Под небом высоким» и своевременен, и попадает, как говорится, в яблочко. Он — о нравственном, о самом важном. О том, что высокой нотой звучит и в сдержанных, несколько академичных стихах Инны Лимоновой; и в замешанных на православной философии стихах Владимира Гофмана; и в лёгких, каких-то совсем народных — Юрия Котова; и в душевной обнажённости стихов Веры Арямновой, принимающей «всё: от любви — до вражды»; и в ярко образных жизнеутверждающих мотивах Михаила Гоголева, лауреата Всероссийской литературной премии имени Николая Островского: «А где-то смерть уже точит ножницы...//Только красные флажки//детских трусиков//могут спугнуть её, как волчицу». Та же нота — у Руслана Галимова в его метаморфозах, почти каждая из которых как укол шпаги где-то около сердца; и в лирике Николая Алешкова.

Последний в городе хорошо известен, как талантливый поэт, автор нескольких сборников стихов, ставший лауреатом республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина, возглавляющий Татарстанское отделение Союза российских писателей. Много лет он буквально выискивает и собирает вокруг себя литературно одарённых людей, поддерживает их, помогает в издании книг.

Говорить о его стихах не буду, так как в минувшем году у нас в городе прошла научно-практическая конференция по творчеству Николая Алешкова. Остановлюсь лишь на одном аспекте. Нет-нет, да и прозвенит в его стихах носталь-

гическая грустинка. Коренной челнинец, он, пожалуй, единственный из наших поэтов, написавший в тех увлечённых стройках 70-х такие строки:

Я бы тоже гордился заводами,
если б речка осталась жива.

Это была позиция честного человека и гражданина. Мы знаем: сберечь природу от наступающей урбанизации — одна из острейших проблем современности. По меньшей мере, в нашей стране. «Твоё село наполовину уже под город снесено» — это из поэмы «Орловское кольцо»...

Испокон веку одной из важных составляющих русской поэзии была «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Прослеживается эта традиция и у Алешкова. Он помнит своё родство, дышит им, передаёт сыну. Его душевную память «илом не занесло». И, конечно, не занесёт.

Всё мне видится банька
между белых берёз,
и соседская Танька
всё смеётся до слёз...

Стихотворный сборник «Под небом высоким» — антология челнинской поэзии — вышел тиражом 2500 экземпляров, за что огромное спасибо нынешнему руководителю торгово-промышленной палаты города, истинному патриоту Набережных Челнов, бывшему мэру Юрию Ивановичу Петрушину.

Предназначен сборник, как написано на титуле, для библиотек и учебных заведений. Смею надеяться, что столь полезное издание не станет экспонатом выставочной полки, и кто-то из ребят заинтересуется, что это за антология такая?

Ему объяснят: сборник разных авторов. А, между прочим, буквальный перевод с греческого — букет цветов. Книга эта и впрямь как букет — яркий, многокрасочный, с ароматом молодости, подаренный своему городу целым поколением романтиков и созидателей.

*Наталья ПЕРВОВА,
поэтесса*

«НОВАЯ ИЛИАДА»: ЗА И ПРОТИВ

«Илиада». Что мы, рядовые читатели, знаем о ней? Великое эпическое произведение — эпопея. Героический эпос, возникший в незапамятные времена, предположительно в VIII веке до нашей эры, в Древней Греции. По преданию, поэма, созданная аэдом — слепым певцом Гомером, за право называться Родиной которого ещё в древности спорили семь городов Греции. И сейчас учёные спорят об «Илиаде»: была ли она песней-импровизацией, продолжающей традиции устного народного искусства, или уже изначально литературным произведением, лишь опирающимся на фольклорные источники? Насколько историчен её сюжет? — ведь Шлиман в своё время нашёл-таки остатки Трои, опираясь на указания поэмы, и был этот город действительно в очередной раз разрушен именно в XII веке до н. э. — время действия поэмы. Но одно несомненно: «Илиада» — величайший памятник культуры, оказавший и продолжающий оказывать влияние на всё развитие европейской, да и мировой цивилизации.

А знаем ли мы «Илиаду»? Так, как знаем, к примеру, «Войну и мир» или «Слово о полку Игореве»?

Ну, по-древнегречески никто из нас не читает, да и по всему миру таких знатоков древней культуры осталось, должно быть, не так уж много. Древнейшие памятники всех цивилизаций известны в переводах. В России «Илиада» была переведена только однажды, ещё в пушкинские времена, Николаем Гнедичем. Перевод отмечен трепетным отношением к подлиннику. Гнедич использует размер, наиболее приближённый к греческому гекзаметру, но в то же время органически включённый в утвердившуюся к этому времени в России силлабо-тоническую систему стихосложения: нерифмованный шестистопный дактиль. Он стремится в той или иной степени сохранить стилистику подлинника и подчёркивает его архаичность:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына.
Пагубный, лже ахеенам множество бедствий содеял.

Перевод Гнедича — великий подвиг. Это отметил ещё Пушкин.

И, однако, я сомневаюсь, что многие читали «Илиаду» в переводе Н.Гнедича, разве что отдельные отрывки. Нам, абсолютному большинству, содержание «Илиады» чаще всего известно из прозаических греческих мифов о Троянской войне, от суда Париса до Троянского коня и падения города. А ведь поэма повествует лишь об одном эпизоде, лишь о нескольких днях десятилетней войны.

И вот перед вами «Новая Илиада» Петра Прихожана — первое после Гнедича обращение ко всему тексту великой поэмы. Те же двадцать четыре песни. Почти тот же объём, лишь небольшие сокращения за счёт дословных повторений (в поэме это дань фольклорной традиции) и перечисление имён: они перенесены в подстрочные примечания. Это не перевод, это иной жанр: то, что называется поэтическим переложением.

Воспойте, музы, страшный гнев Ахилла:
сменились времена, но до сих пор
несчастливая Эллада не забыла,
чем завершился тот давнишний спор.

Гнедич пытался сохранить в стихе близость греческому гекзаметру. Прихожан не стремится к сходству (созвучию) греческого и русского стиха, он выбирает привычный нашему слуху размер: пятистопный ямб с перекрёстной рифмовкой, с чередованием мужской и женской рифм, энергичный и стремительный. И этим существенно облегчает восприятие нам, воспитанным на ритмах пушкинских и лермонтовских поэм, стихов Блока и Ахматовой.

А как вообще отнестись к такому замыслу и его воплощению? Нужно ли и возможно ли столь вольное обращение с великим творением древности? На этот счёт могут существовать разные точки зрения.

Вот одна из них. Она принадлежит человеку высокоинтеллигентному, включённому в литературный процесс. Я не называю имени, ибо не имею на то позволения автора: «Я пришёл к формулам типа: «Осторожно, классика Культуры!», «Нельзя переписывать шедевры!», «Почему бы не зарифмовать Библию?» и т. п. На мой взгляд, Пётр Борисович совершил свой подвиг, перешагнув через несколько общепринятых правил, существующих в области культуры. Он создал прецедент, позволяющий делать всё, что угодно, с предшественниками. А это чревато,,,» (многозначие автора высказывания).

Позиция, как видим, определена точно, и её могут разделять многие. Я же придерживаюсь другой точки зрения.

«Прецедентов», позволяющих «делать всё что угодно с предшественниками», в истории культуры было достаточно много — от нелепых и смешных до

имеющих бесспорное право на существование. Из последних укажу только один: А. С. Пушкин написал поэму «Анжело», являющуюся пересказом (переводом в другой жанр) комедии Шекспира «Мера за меру». Опасения насчёт Библии, которую могут «зарифмовать», вряд ли обоснованы, такой труд непосилен никому, а вот обращения к сюжетам и образам Ветхого и Нового Завета в литературе, в том числе большой, существовали неоднократно: роман Томаса Манна «Иосиф и его братья», повесть А. Куприна «Суламифь», цикл А. Ахматовой «Библейские стихи» и её же «Реквием» («Хор ангелов великий час восславил»), «Мастер и Маргарита» М. Булгакова — и находились строгие критики, требующие здесь осторожности. А поэты и прозаики обращались к библейским мотивам вновь и вновь, ещё со времён Средневековья. Вот у меня в руках книга: Кул Гали «Сказание о Йусуфе»; эта поэма XIII века сама уже стала прекрасным памятником культуры.

Но вернёмся к «Новой Илиаде».

Это, как я уже сказала, не перевод в обычном смысле слова. Петр Прихожан «переводит» эпическую поэму в другой жанр — жанр поэтического переложения. А существует ли он в литературе? Да, существует. В частности, в русской литературе, в применении к нашему национальному эпосу — «Слову о полку Игореве».

В подлиннике «Слово о полку Игореве» — это древнерусский язык; в отличие от древнегреческого, он доступен нашему восприятию. На практике, знакомясь с ним, мы все пользуемся переводами. Их существовало много и будет ещё больше; наиболее известен и употребляем сейчас перевод академика Д. С. Лихачёва. Ни один, даже самый лучший перевод не передаёт подлинника в полной мере. Невозможно сохранить поэтическое звучание слов «О Русская земля! уже за шеломянем еси...»: «О Русская земля! ты уже за холмом». Нелзя сохранять ритм и энергию другой фразы: «Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслю поле мерит», заменяя древний глагол «бдит» на «бодрствует» или «не спит», как во многих переводах (Д. Лихачёв его оставляет, не меняя). Тут уж ничего не поделаешь.

Но кроме переводов «Слова о полку Игореве» существуют и его многочисленные поэтические переложения. В известном детгизовском издании 1953 года (с гравюрами В. Фаворского), которое до сих пор бережно хранится учителями и используется в школьной практике, помещены обширная статья Д. Лихачёва «Золотое слово русской литературы», его же примечания; древнерусский текст «Слова»; параллельный ему перевод и в особом разделе — поэтические переложения А. Н. Майкова (XIX век) и Н. Заболоцкого (XX век). Майков использует нерифмованный хорей, Заболоцкий — тоже пятистопный хорей, но с перекрёстной рифмовкой; окончание строки у Майкова всюду неударное, у Заболоцкого чередуются женские (неударные) и мужские (ударные) рифмы. Вот как начинается «Слово» в переводе и в двух поэтических переложениях:

Перевод Д. Лихачёва:

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,
Игоря Святославича?
Начать эту песнь надо,
следуя былям сего времени,
а не по замыслению Бояна.

Переложение А. Майкова:

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных былях.
Песнь о храброй Игоревои рати
И о нём, о сыне Святославле.
И воспеть их, как поётся ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном.

Переложение Н. Заболоцкого:

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревои слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.

Таким образом, поэтическое переложение не только возможный жанр, он уже существует в русской традиции. И осуждать Петра Прихожана за то, что он осуществил поэтическое переложение древнегреческой поэмы, значит эту традицию игнорировать.

Как соотносятся между собой подлинник, перевод и поэтическое переложение?

Перевод идентичен подлиннику в меру поэтического дарования переводчика. Это формула В. Жуковского: переводчик в стихах — соперник поэта. Нам, русским, повезло: в силу тех или иных, иногда социальных причин мы можем «принять», как своих, европейские романтические баллады, стихи Беранже, Гейне, Бёрнса, сонеты Шекспира и всё его драматургическое наследие (и мы «не знаем», например, Байрона, ибо никто у нас его адекватно его таланту не переводил). Но, как я уже говорила выше, часто даже талантливый перевод не способен передать всю красоту и своеобразие подлинника.

Никто из нас сейчас не знает, как прекрасна «Илиада» в своём первозданном, греческом звучании. Тут уж ничего не поделаешь. А вот сопоставить перевод

Н. Гнедича и поэтическое переложение П. Прихожана мы можем. И это интересно: что сохранилось и что потеряно?

Я выбираю для такого сопоставления XIII песню «Битва при кораблях». Это самая середина «Илиады», отнюдь не кульминация; её содержание составляет именно битва с характерным для большинства глав «Илиады» приближением к читателю многих героев без выделения кого-то одного. Боги, как чаще всего и бывает в «Илиаде», вмешиваются в битву, принимая облик кого-то из сражающихся: Посейдон, поднимая дух ахейцев, вещает устами Калхаса. Так что это в полном смысле «срединная» песня. По размерам перевод и поэтическое переложение близки: Прихожан следует за текстом Гнедича и ничего не сокращает. Но изменён режим: медленная размеренность сменяется стремительностью. Изменения происходят и в стилистике: исчезают архаизмы, столь частые в переводе (мы, правда, не знаем, в какой степени они присущи оригиналу): у Гнедича «под стопами священных», у Прихожана «под тяжестью божественных шагов».

И далее, из речи Калхаса — Посейдона: «Здесь, размахнувшись, как пламень стремительный, Гектор предводит/Гектор, себя величающий сыном премощного Зевса» (Гнедич) — «... где Гектор воинство на штурм ведёт/Себя он сыном Зевса называет/и говорит от имени его» (Прихожан). И, конечно, очень жаль, что Прихожану пришлось отказаться от прекрасных многосложных поэтических определений типа «розоперстая Эос», большинство из них просто не укладывается в размер. Здесь, в XIII песне, у Гнедича есть светозарные очи Зевса, меднолатная рать ахейян, бурно летающие, быстроскакущие кони Посейдона. В переложении сохранился только один эпитет: кони медноногие.

А вот ироничность ряда сцен, в которых действуют боги Олимпа, Прихожан не только сохраняет, но даже усиливает. В них автор допускает нарочитое снижение, даже сарказм, использует с этой целью и современную лексику. В XIII песне Зевс временно отстраняется от участия в событиях, рассчитывая, что без его позволения боги тоже не посмеют в них вмешиваться. «Но он ошибся: тактику иную/избрали боги, ведь, по существу/заглядывать в глаза и пакостить втихую/присуще на Олимпе большинству». В переводе Гнедича этого комментария нет. Нет у него и вступления к песне, где автор поэтического переложения говорит от своего лица, обращаясь к читателям-друзьям: перейдён экватор, нужно остановиться и взвесить силы — стоит ли продолжать дальше. Ведь даже и сверхмодный детектив в один присест одолеть трудно. «Но если вы уже от сна восстали/и зрение готовы портить впредь» — читайте дальше. Такие авторские отступления, обращения к читателю, общение с ним есть и в других главах. И хотя их немного, они выводят поэму из категории чисто эпических произведений в лиро-эпическую. Это закономерно и оправдано: вспомним, что в русской литературе XVIII-начале XIX веков чисто эпические поэмы типа «Россияды» Хераскова не прижились, их сменили лиро-эпические: Пушкина, Баратынского, Лермонтова. Да и роман в стихах «Евгений Онегин» невозможно представить без авторских отступлений и обращений.

Но несмотря на всё, сказанное выше, «Новая Илиада» строго следует греческому подлиннику в той мере, в какой ему следует перевод Гнедича. Вот, для примера, конец XIII песни (в первой строке речь идёт о Гекторе):

Н. Гнедич «Илиада»:

Так произнёс — и пошёл он вперёд. Устремились Трояне
с криком ужасным; крикнули с ними и задние рати...
Крикнули вместе и рати Данаев: они не теряли
мужества и ожидали ударов героев троянских.
Крик их взаимный дошёл до эфиров и светов Зевеса.

П. Прихожан «Новая Илиада»:

Так он воскликнул, и, вздымая пики,
троянцы с рёвом двинулись вперёд.
Заслышав устрашающие крики,
ахейцы закричали в свой черёд.
И, переполнив все пределы мира,
их громогласный крик достиг небес.
И высоко над безднами эфира
услышал этот грозный рёв Зевес.

Итак, перед нами поэтическое переложение древней поэмы: жанр, не только имеющий право на существование, но и существующий в русской литературной практике. Насколько он будет сегодня востребован? Об этом, вероятно, судить рано. Но уже сейчас, я полагаю, людей, познакомившихся с «Новой Илиадой» в печатном варианте (книге) или в интернете, не меньше, чем современников Гнедича, прочитавших его перевод, и уж, конечно, намного больше, чем наших современников, его осиливших. Думаю, что появление поэтического переложения «Илиады», несмотря на споры о его нужности или ненужности, правомерности или неправомерности, прежде всего пробудит, усилит интерес нашего культурного общества к самой великой поэме. И не я одна заинтересовалась теперь и старым переводом, прочла и его.

И я теперь знаю не в прозаическом кратком переводе, а в полных, хотя и разных двух поэтических текстах, как прощались Гектор и Андромаха, как молил Приам разгневанного Ахилла и как троянцы погребали тело Гектора...

*Наталья ВЕРДЕРЕВСКАЯ,
член Союза российских писателей,
кандидат филологических наук*

«МИР, КОТОРЫЙ ЕСТЬ»

«Китежанка» — вторая книга стихов Натальи Первой. Первая — «Моя параллель» — вышла два года назад. А до этого была большая, долгая жизнь: голодное военное детство в глухой северной деревне, учёба и работа, города — Мурманск, Череповец, Архангельск, а с начала 70-х годов — Набережные Челны. Наталья Перова приехала сюда, когда завод и город только строились, и живёт здесь до сегодняшнего дня.

Но в душе — и в поэзии — она навсегда осталась северянкой. Китежанкой. Берендеевкой. Обе её книги — гимн русскому Северу, земле, где ещё живут нерушимо глубинные, коренные начала — в природе, в преданиях, в душах людей. Земле, которую не топтали орды Батыя, куда не дошли поляки, где жил и творил поэт милостью Божьей Николай Рубцов, где и поныне живёт мудрейший писатель Василий Белов («Здесь не хозяйничал Батый или поляк»). Русский Север, как легендарный Китеж-град, просвечивает через толщу веков, он нетленен. Здесь ещё живы лесные чащи, край непуганых птиц и зверей. Здесь «мужик серьёзный — бор» подпирает небеса корабельной сосною. Здесь древние береги, и леший по-прежнему заводит путников в бездорожье, оборачивается трухлявым пенёком. Здесь необыкновенные краски и звуки: ранним утром и поздней ночью, летом, осенью, зимой. Гроза подобна Апокалипсису, вороний грей оборачивается гимном. Луна, зажата между соснами, ткёт точечный узор галактик, журавли танцуют в брачных играх на болоте, медведь на овсяном поле лакомится сладкими колосьями, просторны поляны в зарослях розового иван-чая. И всё ещё живут древние деревни со старинными названиями: Желниха, Костамуши, сельцо Алёшино. Хотя и до них добирается прогресс, и это горько.

В нашей современной (скажем даже, сегодняшней) поэзии противопоставление деревни и города — очень частый мотив. Переехавшие в город поэты с ностальгией вспоминают родную деревню, противопоставляя её естественность, близость природе городской цивилизации. Но противопоставление это, как правило, довольно спокойное. Деревня хороша, воспоминания приятны, но что же делать, если жизнь идёт вперёд, и эта жизнь — городская. И вот «Китежанка». Мне ещё не приходилось встречать столь яростного, жёсткого, обжигающего противопоставления двух миров: деревенской, кондовой, шире — провинциальной страны, которая и есть Россия, и столицы, мегаполисов, больших городов. Вот она, столица, собирающая, а точнее отбирающая у России всё: астраханскую икру и вологодские кружева, сибирскую пушнину и балтийский янтарь; место, куда мы, голодные, приезжали за колбасой, «за что столица презирала нас».

Очень хорошо помню это и солидарна с автором стихотворения «Вертикаль». Вот мегаполис, который засасывает, как трясина, диктует образ жизни, где все чужие друг другу («Мегаполис»). А Россия — она иная («Россия родом из деревни»), здесь пращуры собирали свой первый сноп из хлебных колосьев, здесь корни всех русских людей, и жителей больших городов тоже. И горожанину, покинувшему родные места в поисках призрачного счастья, фантома, остаётся помнить о них, видеть во сне и тихонько плакать («Из деревень и малых городов»).

Наталье Первой известны боль расставания и радость новой встречи. Её стихи трагичны и светлы. И — пусть это и немодно сейчас — пронизаны чувством высокой нравственной ответственности, обязательной для человека и поэта.

А нам — смотреть вокруг и видеть,
И видя — слушать, слыша — несть
Одну лишь мысль: как не обидеть
Вот этот мир, который есть.

В предисловии к сборнику «Моя параллель» поэт Николай Алешков поздравлял и поэтов, и читателей с приходом нового, самобытного и яркого поэта. Присоединяюсь к его словам; и «Китежанка», вторая книга Натальи Первой, — тому подтверждение.

*Наталья ВЕРДЕРЕВСКАЯ,
член Союза российских писателей,
кандидат филологических наук*

НЕ СТАРЕЮТ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Книга Марата Бадретдинова «Не нами начато, не нами кончится», изданная в «Идель-Пресс» (Казань) в 2009 году, представляет собой сборник лирико-эпистолярных и рационально-прикладных арабесок.

Первая часть книги — притчи, которые, согласно определению словаря С. Ожегова, являются небольшими иносказательными литературными произведениями с поучительной концовкой. Насколько поучительными получились притчи у нашего автора — судить читателю, но достоверно одно: они затрагивают душу и легко запоминаются.

Второй раздел «Откуда родом поговорки и пословицы» вовлекает читателя в беседу с автором, направленную на осмысление сути дошедших до нас народных изречений, в диалог, являющийся совместной творческой попыткой раскрыть тайну их совершенства и красоту слога. Разговор автора с читателем складывается непринуждённо, вызывая ощущение того, что суждения нередко формируются из витающих в воздухе, до боли знакомых понятий, а также догадок и недоумков, вызывая тем самым иллюзию сопричастности к творческому процессу.

В завершающей части книги — «Не стареют ключевые слова» — поговорки и пословицы, меткие народные выражения собраны по темам в соответствии с различными вехами жизни человека: когда он растёт, учится, трудится, любит, обзаводится семьёй, служит людям и обществу; когда на долгом жизненном пути его ожидает не только радость, но и печаль, подстерегают соблазны и такие пороки, как лень и пьянство. И мудр тот, пишет автор, «кто в соблазнах узреет опасность», кто будет «шагать по земле с открытым сердцем и ясными глазами, и тогда разум поколений и мудрость веков послужат сполна, словно катехезис праведнику».

Со страниц своей книги М. Бадретдинов тактично напоминает человеку, объявившему себя «Красой вселенной и венцом всему живущему» (Шекспир), что за высокими словами нельзя забывать об исполнении и своего высокого долга — творить добро. *«Человеку следует опасаться только одного: как бы не опоздать с добрыми делами. Если добро останется безадресным, да умолчат оракулы, то неизвестно куда повернёт колесо сансары».* Важно ещё помнить и о том, что *«Всегда существует пуля с твоим именем»*, что *«слова звучат, как выстрел, как некое предупреждение, адресованное тебе. Но пуля существует не для того, чтобы свести с тобой счёты, ты даже не на прицеле у неё, но своим наличием учит ценить каждый день жизни, каждый её час, как глоток воды под испепеляющим солнцем пустыни. Однако не следует тешиться иллюзией, что пуля с твоим именем ещё не отлита. Время идёт безостановочно <...>. Судьба должна быть завершённой. Вот о чём слова».*

Думается, что моральное право на создание подобной книги автор приобрёл не только благодаря своему почтенному возрасту, но и, прежде всего, богатому жизненному опыту. Ещё в молодости, во время службы в армии, Марату Шарифьяновичу довелось участвовать в ликвидации американского шпионского самолёта «Локхид У-2» с пилотом Френсисом Пауэрсом на борту, наделавшим немало международного шума. Именно этот исторический момент вошёл в сюжет художественного фильма «Мёртвый сезон» и послужил основой для создания нескольких документальных фильмов.

После армии М. Ш. Бадретдинов работал в Свердловске, на заводе «Уралмаш» и в Суворовском военном училище, куда сам когда-то, будучи ещё мальчишкой из далёкого башкирского села, мечтал попасть. Затем была учёба в Свердловском юридическом институте и двадцатипятилетний стаж работы в следственных органах.

За свою творческую биографию автор нередко публиковался в периодической печати, начиная с гарнизонных, окружных газет, до центральных газет и журналов, вплоть до газеты «Правда». Марат Шарифьянович — член Союза российских писателей, автор нескольких художественных книг. А повесть «Последнее дело» принесла ему звание лауреата Всероссийского конкурса художественных произведений.

Марат НАЗИРОВ

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Под этой рубрикой публикуются произведения участников литературной студии, открывшейся в Набережночелнинском государственном педагогическом институте в нынешнем году

АРСЕНИЙ МУСТАФИН,
*вольный слушатель
литературной студии НГПИ*

СДЕЛАННЫЕ ИЗ БУМАГИ

— Уже уходишь?

— Да мне пора. Да и поздно уже.

В очередной раз, когда ей хотелось, чтобы он остался, у неё пропал дар речи.

Он неспешно оделся, ожидая слов. Но никто ничего не сказал. Бросил взгляд из-за плеча. Не заметил немой просьбы в её глазах (а если и заметил — не подал виду) и ушёл.

Они всегда уходят. Иногда возвращаются. Но уходят они всегда.

На следующее утро она залезла на крышу. Крыша была покатая, обшарпанная, выцветшего зелёного цвета.

Этим утром было мало облаков, много солнца и неба. Когда она падала вниз, она не думала о смерти. Только удивлялась бездонности неба и радовалась ощущению полёта...

— Правда, оно чудесное? — спросил Шаман. Вопрос был больше утверждением, чем вопросом.

— Да, — сказала она тихо.

Совершенно незаметно полёт прекратился. Они лежали в густой траве и смотрели на небо. Она не знала того, кто с ней заговорил — они встретились впервые. Но точно знала, что Он — Шаман.

Какое-то время они лежали молча. За это бесконечное мгновение она, глядя на небо, «увидела» зелёный холм, на котором они лежали, знойный полдень середины лета, за холмом — тихую речку с заросшими берегами, лес на другой стороне...

Потом она второй раз за этот день (день?) проснулась. Над головой было бесконечное синее небо. Ещё немного помолчав, она решила на вопрос:

— А что ты тут делаешь? — И, поняв, что Шаман ей ответит, добавила: — Кроме того, что смотришь на небо?

Шаман тихо рассмеялся:

— Ничего кроме. Смотрю на небо. Смотрю и слушаю. Мне, случается, задают вопросы. Я сам ищу вопросы. Иногда вопросы ищут меня. А потом я смотрю на небо. И слушаю истории.

— Это интересно — слушать истории и искать ответы?

— Никогда об этом не задумывался. И я не ищу ответы. Я ищу вопросы и смотрю на небо.

— Расскажешь историю?

— Слушай...

Но Шаман не сказал ни слова. Они молчали и смотрели на небо. В этот раз она «увидела» тело во внутреннем дворике, кровь на асфальте из раны на голове, улыбку на лице и небо в глазах. Ей не понравилось. Потом она «проснулась» в третий раз.

— Не очень красивая история?..

И снова вопрос был утверждением.

— Да. Шаман, а почему ты не ищешь ответы? — И, поняв, что он ответит, добавила: — Кроме того, что ты занят тем, что смотришь на небо?

Он тихо рассмеялся.

— На небо смотреть веселее. Вопросы интересней. Хороший вопрос — редкость. Ответы мне не нужны. Знаю ответы на все вопросы. Да и каждый знает. Просто кто-то врёт себе, а большинство предпочитают забыть.

Они молчали. Время застыло, день не хотел кончаться. Она смотрела на небо и искала вопросы.

— Шаман, подари мне вопрос.

— Почему прочные, вечные вещи, с удовольствием притворяются сделанными из бумаги?

— Это похоже на хокку.

— Может быть, но, прежде всего, это хороший вопрос.

— И почему?

Шаман протянул ей квадратный лист плотной бумаги. Она сделала из него журавлика оригами и отдала Шаману.

— Мы не ищем ответов. Мы смотрим на небо, слушаем истории, складываем оригами, делаем ещё миллион вещей — живём. Не забыла?

— Нет...

Они молчали. Она слушала истории и смотрела на небо. Потом она проснулась, уже в который раз. Железо на крыше нагрелось, и лежать на нём стало не так комфортно, как утром. Она осторожно подошла к краю крыши, осторожно перегнулась через старенькие перила и посмотрела во внутренний дворик.

Через двор шёл молодой человек. Напевал себе под нос какую-то мелодию. Шёл, держа в руках очень древнюю, вечную вещь, которая почему-то притворилась журавликом оригами.

Потом она пила кофе (сегодня особенно ароматный) и думала о том, что неплохо бы прогуляться с фотоаппаратом. И о том, что на углу живет бездомный пёс, рыжий, хитрющий, по глазам которого можно понять — у него отличный нюх на новые вопросы...

Шаман лежал на холме и размышлял: «А ведь если бы она думала о смерти, всё могло бы кончиться иначе...»

— Да, — тихо ответило небо, потому что говорить громко было невозможно...

ЗАНАВЕС

Два дня дождей занавесом упали между Летом и Осенью...

Может, и даже наверняка, будет ещё тепло, и не просто тепло, а жарко. Но это уже не Лето будет, это Осень подарит теплые деньки. Чувствую, уже пришла рыжеволосая красавица — подруга моя сердечная. Осенью мне всегда хорошо, тепло, светло и спокойно. И, самое главное, на душе всё в порядок приходит...

Пришла уже она, пришла, и за ней Новый год приходит. Сидит он сейчас на стенке, что отграничивает Старый год от Нового. Сидит, ножками болтает, сорванец, над людьми потешается. Стенка та вся в дверях. У дверей люди толпятся, в новую жизнь проходят, тащат за собой весь скарб накопившийся. Чемоданами огромными тащат, ящиками, пыхтят, потеют, боятся что-нибудь потерять. Вот Новый год и потешается, не поймёт, зачем им там, в Новом году, всё это барахло старое?..

И я иду к дверке. У меня рюкзачок маленький, правда, тяжелый: немного планов на жизнь и старые дела незаконченные, их бросать нельзя, прикуют цепями тяжелыми к тому месту, где кинул, годами потом тащиться будешь — не убежишь. И всё. Остальное выкинул. А самое лучшее — самые светлые мечты, самые воспоминания легкие — они в небе воздушными шариками яркими летают, им границы нипочём, они всегда со мной. И не нужно их никуда тащить. В небо посмотрел — и они тут как тут. Душу греют, сердце успокаивают, берегут от несчастий.

А в кармане внутреннем, что к сердцу ближе, рядом с самыми близкими образами трубочка лежит. Сяду в Новом году-то на холмик зелёный, на траве развалюсь и буду в небо смотреть. И пускать душистые дымные кольца, туда, к шарикам....

А пока за занавесом дождливым не видно ничего. Как оно там будет, в Новом году? Кто я, где я?..

А на сердце спокойно...

Занавес, господа, занавес...

ШОКОЛАДНЫЕ КОНФЕТЫ

Какая начинка должна быть у шоколадных конфет, чтобы они были вкусными? Ты знаешь? Ну, конечно же, ты знаешь! Хотя, может быть, и запомнявала...

Немного чистой детской радости просто оттого, что новый день, и ты живёшь. Самые светлые и лёгкие мечты. Сладкие грёзы. Чуть-чуть невообразимой фантазии. Искромётных улыбок. Смеха до упаду. Для разнообразия в конфеты можно добавить ветра, что рождается в ногах от бега. Летнего грибного дождика. Снега первого, что тает на ладонке. Майского грома и молний.

И это будут самые вкусные конфеты.

Да, чуть не забыл! Чтобы конфеты не были приторными, нужно чуть-чуть добавить детских огорчений. Таких мимолётных, что через пять минут забываются. А для гурманов и особых любителей можно ещё добавить грусти светлой...

Ну, конечно же, ты всё это знаешь! О чём я говорю?.. Только, может быть, чуть-чуть запамятовала...

ЗАПАХ

Он... Опять... Запах... Никаких сомнений.

Никогда не задумывался о том, какими духами пользуются женщины. И не предполагал, что буду разбираться в ароматах. Я бы мог запомнить любое название и с проницательным видом произносить его. Но я не хочу знать имя духов. Не хочу...

А эти милые дамы и девушки совершенно не подозревают, чем они пользуются. Да, они знают название и фирму духов. Могут сказать о тех или иных нотках, присутствующих в запахе. Кое-кто может, наверное, вспомнить даже фамилию парфюмера... Но на самом деле, все они ошибаются.

Духи — это нечто особенное. Это запах осеннего вечера, переходящего в ночь; мокрого снега под ногами и с неба; длинного, сбивчивого и не самого простого разговора на двоих; мыслей-тянучек по дороге домой; убегающей в никуда ночной Москвы за окном автомобиля. Я уж не говорю про глаза и взгляды, губы и руки и прочие детали, которые фоном...

Каждый раз, когда эти юные девы и дамы проходят мимо незаметного меня, меня уносит водоворотом чувств в тот вечер, в ту жизнь, которые помнит лишь подсознание. И, как бы я ни пытался крепко стоять на земле, каждый раз часть меня улетает туда, и, кажется, каждый раз какая-то часть там и остаётся...

БУЛАВОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ты когда-нибудь видел Булавочного человека?

Он ходит в большой широкополой шляпе, сшитой из кусочков кожи. У него длинный плащ цвета выгоревшей ночи, штаны цвета хаки и чёрная, потёртая рубашка. Как и шляпа, вся его одежда состоит из различных по форме кусочков кожи и ткани, но (надо отдать ему должное) по цвету всё подобрано идеально. Смотришь и диву даёшься, как же хорошо эти кусочки сшиты. Швы аккуратные, еле заметные, ни одной ниточки не видно...

Только всё это не сшито. Все кусочки скреплены булавками. Булавки — везде: на шляпе вокруг тульи, на плаще — неведомым узором, на рубашке, штанах. В ухе, и то вместо серьги — булавка.

У Булавочного человека серого цвета прищуренные, внимательные глаза со стальным булавочным блеском и открытая улыбка на добром лице. Трудно определить, сколько ему лет. У него очень ловкие пальцы. В кармане он носит связки булавок — от самых маленьких до самых больших, с помощью которых он может скрепить между собой что угодно.

Ещё он молчалив. И передвигаться умеет весьма незаметно. Говорят, ночью он ходит по крышам домов и собирает кусочки чужих снов. А потом целыми днями напролёт в своём уютном подвальчике скрепляет их булавками в новые дремотные грёзы...

Говорят, боги не видят снов. Зато один раз в год они собираются в подвальчике одного старого дома и смотрят сны, скреплённые булавками...

Может, это и неправда, но так говорят...

СВЕТЛАНА САФОНОВА,
*студентка 2 курса филологического
факультета НГПИ*

РЕДКИЙ ЗВЕРЬ — ПАПА

По Сармановскому тракту, пыхтя и дребезжа, движется автомобиль, заросший грязью снаружи и покрытый пылью изнутри. Когда-то он был светло-вишнёвого цвета, но теперь приобрёл серо-буро-малиновый оттенок. Стас, стиснув зубы, рьяно крутит баранку, и автомобиль бестолково кидается то вправо, то влево. Впрочем, Стас хорошо умеет водить, и машина у него весьма редко так выплясывает на дороге. Просто его сегодня «достали». «Достали» пассажиры этого самого запылённого автомобиля, а именно мама Стаса и в особенности тётя Оля. А тут ещё сзади Стаса восседает его

двоюродная сестрёнка Женька и улыбается — зеркало заднего вида отлично передаёт всё ехидство этой улыбки.

Вся эта компания возвращается с огорода, где произошла очередная стычка между Стасом и тётей Олей. Главным образом поцапались из-за того, что Стас не вышел из машины и не помог дамам собирать яблоки. Но должен же человек отдохнуть!

— Ты же сегодня не работал! — возмущается мама.

Но ведь Стас привёз её и тётю Олю на огород, а это — большой подвиг. Поэтому Стас опускает сиденье и удобно растягивается во всю длину салона. Однако обрывки разговора, долетающие до него, мешают ему уснуть. Дамы обсуждают его личную жизнь: развод с женой Надей, новую любовь Стаса — Римму и его сына от Нади — Ромку, ну и, конечно, самого Стаса. Больше всего Стаса раздражает то, что ему говорят, будто он никому не помогает. А чего это он должен кому-то помогать! У него и своих забот хватает. Вот, например, за купленную в кредит машину надо платить. За бензин тоже надо платить, иначе как он будет к Римме в Казань ездить? А?! Особенно негодует тётя Оля, которая имеет право, по её мнению, рассчитывать на благодарность Стаса, ведь она его в течение многих лет воспитывала, когда родители племянника были на работе. Она училась и работала, и всё это время у неё на шее сидел Стас, которого тётя Оля любила до самозабвения. Так продолжалось до рождения у тёти Оли дочери Женьки. И отношения переменились. Тётя Оля уже не могла уделять много внимания Стасу, и он вымещал свою обиду на Женьке. Женька жаловалась матери, и Стасу влетало...

Наступило лето, и Стас не взял с собой в деревню их обеих, воспользовавшись тем, что Женька не могла поехать именно сейчас, — у неё была отработка в институте. Тётя Оля, естественно, осталась с Женькой. Можно было подождать всего лишь неделю, но Стас не захотел. Вот почему Женька сейчас ехидно щурит свои болотно-зелёные глаза на заднем сидении.

Кстати, огородные неприятности отнюдь не завершились перемыванием косточек Стаса. Пытаясь найти на крохотном пятачке земли место для стоянки автомобиля, да ещё такое, где бы машине не повредили стряхиваемые с дерева яблоки, Стас раздавил бидон с ягодами боярышника и машиной прижал Женьку к сливовому дереву. Дамы разразились криками, а Женька противно зашипела.

И вот в таких расстроенных чувствах компания возвращается домой с мешком невыносимо кислых яблок и злополучным изуродованным бидоном с превращёнными в кашу ягодами. Проезжая мимо дома, где живет Надя с сыном Ромкой, Стас по просьбе своей мамы остановил автомобиль. Гуляющий поблизости шестилетний Ромка сразу узнал закопчённую машину отца и стремглав помчался к ней. Мгновение, и он повис у Стаса на шее. После бурной встречи Ромка вылез из машины и, отыскав своего друга Артёмку, привёл его к Стасу и, указывая на этот не слишком часто появляющийся «объект», представил:

— Это мой папа!

Затем, вытеснив папу с водительского места, Ромка продемонстрировал другу автомобиль изнутри, и они вместе подержались за руль.

— Это машина моего папы!

Потом Ромка обежал всех бабулек, отдыхающих на скамейке возле подъезда, и каждой, показывая на высовывающуюся из окна автомобиля унылую физиономию Стаса, с гордостью говорил:

— Вот мой папа!

— Папу как в зоопарке показывают! — не выдержала мама Стаса.

А Ромка тем временем уже успел обежать весь двор, и всем представить своего папу, так редко появлявшегося здесь. Затем, выпросив разрешения ехать вместе с отцом, Ромка помчался домой предупреждать маму Надю и переодеваться. Через пять минут он выбежал из подъезда, но, увы, штаны Ромки предательски спадали вниз, несмотря на его попытки поддержать ослабшую резинку. И пришлось Ромке дуть обратно и искать другие штаны. И вот, наконец, он едет, счастливый и гордый тем, что рядом папа. Но... Но дома папа, не обращая на сына никакого внимания, бросается под душ, а потом... Потом входная дверь захлопывается прямо перед носом Ромки, и папа спускается в лифте к своему грязному автомобилю. И вот по казанской дороге летит пыльная «девятка». Стас привычным мысленным усилием выбрасывает из головы воспоминания о Ромке, Наде и всех остальных докучливых родственниках и устремляется навстречу Римме и новым приключениям.

ИРИНА МИГАЧЁВА,
*студентка III курса филологического
факультета НГПИ*

* * *

Пытаюсь видеть позитив во всём,
Но всё, как прежде, плохо почему-то.
И я тоскую целый день с дождём
И забываюсь только лишь под утро.

А утром, светом солнца возрождённая,
Я улыбаюсь кошке и себе.
Не страшно, что собою не прощённая,
Зато себя не бросила в беде.

* * *

Архиважные мысли ускользают ужами,
Подсознательно нужные, как в пустыне вода.
Для кого-то пустячно: раскидаться словами,
А чего мелочиться? Не самим подбирать!

Архиважные чувства. Да какая там вечность!
Когда каждый по-своему всё пережил.
Только время, как доктор — все раны залечит,
Только будешь дивиться: а о чём тут страдать?

Добивать себя песнями. Сердце рвать на кусочки.
И воздушные замки, точно щепки, летят.
Умудриться историю рассказать вплоть до точки,
Пока те, кто услышал, не успели заснуть.

Но сумеь улыбнуться, за весельем боль спрятать –
Дорогого достойно. Тут уж как не крути –
Не бывает жизнь свежей конфетой мятной,
Как бы не было худо — с колеи не свернуть.

Не архангелы — люди. Совершаем ошибки.
Сгоряча проклинаям, после каемся вновь...
А над всем мирозданием, чьё спокойствие зыбко,
Проплывает коварная слабость — Любовь...

ЮМОР, САРКАЗМ, ИРОНИЯ

ВЛАДИМИР ЛЫМАРЬ

Лымарески

БУДУЧИ В ДУРНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА...

Мокин, будучи в дурном расположении духа, плюнул в Квакина, которого не уважал.

Квакин тотчас пришёл в дурное расположение духа и плюнул в Пакова, которого недолюбливал.

Паков, выйдя из равновесия и войдя в дурное расположение духа, плюнул в Зыкова, которого игнорировал и ни во что не ставил.

Зыков немедленно обрёл дурное расположение духа, но... у него не оказалось слюны. Тогда он сполна отвёл душу, укусив Загашкину, на которую давно имел зуб.

Загашкина, молниеносно войдя в дурное расположение духа, огрела Зыкова канцелярским дыроколом и плюнула в него целых три раза — настолько она его ненавидела и презирала. И поскольку, пребывая в дурном расположении духа, она испытывает эти же чувства и ко всем окружающим (а слюны у неё всегда хватает), то она с удовлетворением оплевала и Хрюкина, и Брюкина, и Климова, и Сомова, и Дутова, и Хватова, и Котова, и...

Тут я, пожалуй, поставлю точку, иначе верблюд Загашкина доберётся и до меня тоже. А если это случится, то будучи в дурном расположении духа, я...

Нет-нет! Всё! Точка!

МЕТОДОМ ОТ ПРОТИВНОГО

Я рисовал квадрат. Но как ни бился, получался параллелепипед. Я нервничал, потел, начинал работу сначала, но результат был один и тот же — параллелепипед.

Убедившись в бесполезности своего занятия, я сменил тему — стал изображать овал. Но и тут меня постигла неудача: вместо овала на бумаге упрямо вырисовывался параллелограмм.

Я психанул и стал чертить треугольник. Получилась трапеция. Переключился на круг — вышел прямоугольник. А попытка изобразить звезду закончилась изображением усечённого конуса...

Вконец измотанный неудачами, я всё-таки не отступил от замысла, но решил вести работу методом от противного. Стал рисовать конус — получилась звезда. Продолжая работать над её совершенством, получил прямоугольник. И далее — как по маслу: из прямоугольника я вышел на круг, из круга — на трапецию, из трапеции — на треугольник, из треугольника — на параллелограмм, из параллелограмма — на овал, из овала, естественно, — на параллелепипед, а уж из параллелепипеда без труда нарисовал квадрат!

Как видите, всё очень просто и до смешного оригинально. Вот только до сих пор не могу понять: а зачем я столько полезного времени потратил на ерунду? Ну на какой фиг он мне нужен был, квадрат этот?..

НЕКТО БРЫКАЛОВ НА ФОНЕ НАРОДА

У Борисова раскочался зуб. У Саврасова воспалилось ухо. У Назарова выпадают волосы. У Копылова потеют ноги. Они угрюмы, озабочены, злы.

А у Брыкалова нет проблем. У Брыкалова отличное здоровье, он весел, доволен жизнью, любит составлять кроссворды и потом отправляет их на телепередачу «Поле чудес».

У Каюмова аллергия на работу. Панащенко страдает завистью и бессонницей. У Петрова увели жену. У Тарасова угнали машину. Они расстроены, взвинчены, хмуры.

А Брыкалову хоть бы хны: он успешно продвигается по службе, удачно играет в «Спортлото», продолжает составлять кроссворды и по-прежнему отправляет их на телепередачу «Поле чудес».

Косоротов в драке вывихнул руку. Шахназарову врачи строго-настрого запретили курить и пить. Кучумов до нитки проигрался в карты. Малыхин (просто напасть какая-то!) в очередной раз предстал перед женой в чужих женских панталонах. Они в досаде, подавлены и удручены.

А Брыкалова показали по телевизору в телепередаче «Поле чудес». Ему выпал сектор «Приз» и он выиграл видеомэгнитофон.

Рабинович отравился консервами. Балагурин обварился кипятком. Нетрезвый Караваев свалился с крыши. Беднягу Шишигина посадили за растрату и воровство.

А у Брыкалова (наконец-то! Всё-таки есть справедливость на белом свете!) сгорел цветной телевизор, сдохли рыбки в аквариуме, украли видеомэгнитофон, а сын получил двойку по географии. Вдобавок ко всему к нему неожиданно прикатила тёща из Таганрога, причём, обратите внимание — на целый месяц!

Вот так-то, везунчик ты наш, Брыкалов! Не всё коту масленица — пора, наконец, и тебе узнать и почувствовать, как непросто живётся на Руси простому народу!

КОГДА Я БРОШУ КУРИТЬ

Когда я брошу курить, я основательно займусь своим здоровьем. Начну делать физзарядку, обливаться холодной водой и, конечно же, бегать. Трусцой. По утрам. В любую погоду!

Куплю гантели, буду качать мускулатуру. Забуду о кашле, прострелах в пояснице, выброшу все лекарства, перестану надоедать врачам.

Далее. Освою аутотренинг, правильное питание, обеспечу полный самоконтроль и железную дисциплину.

Для заветной цели использую все доступные средства: летом — велосипед, зимой — лыжи или коньки.

Можно попеременно: коньки — лыжи, лыжи — коньки. И обязательно — плавание!

В проруби или бассейне. Можно попеременно: зимой в проруби, летом в бассейне.

Особое место в моей оздоровительной программе займёт баня. Круглый год по два раза в неделю — ядрёный пар, берёзовый веник, массаж и холодный душ! После бани — горячий чай с травами. Или стопочку... А, впрочем, можно и чай, и стопочку!

По выходным, как правило, — дальние прогулки с рюкзаком, палаткой и спиннингом. Всё для здоровья, всё для меня: чистый воздух, родниковая вода и полная свобода от дурной привычки!

Помолодею лет на десять-пятнадцать. А может быть, на все двадцать пять.

Силу верну. Вес наберу. Женщину заведу. Любить стану. Женюсь! Радость жизни почувствую! И вот тогда...

...и вот тогда... можно будет снова начать курить!!!

ОТ ЗАМУЖЕСТВА ДО ЗАМУЖЕСТВА

Мой первый муж был очень хорошим человеком. Но у него, как и у всех хороших людей, был один существенный недостаток: он был заядлым курильщиком. Он ни на минуту не выпускал изо рта сигарету и из-за дыма, который никогда не рассеивался в нашей квартире, я его почти не видела.

Наше жилище напоминало огромную табакерку, где табак, окурки и пепел можно было увидеть всюду: в кровати, на столе, на ковре, в умывальнике и даже в супе. При этом муж постоянно прожигал одежду: то — носки, то — рубашку, то — брюки, то — выходной костюм... Однажды, когда я отдыхала в санатории на Чёрном море, он закурил в постели и сгорел вместе с домом.

Я получила страховку и вышла замуж.

Мой второй муж оказался страстным автолюбителем. У него был старенький «Запорожец», мотоцикл с коляской и велосипед. Теперь свою новую квартиру, где я жила с мужем-автолюбителем, я часто путала с гаражом. Здесь так же не выветривался запах бензина, всё было залито и перепачкано маслом, и кругом, куда ни сунься, валялись какие-то колёса, карбюраторы, коленвалы и масса другого полезного хлама. Конечно, муж любил меня не менее, чем свои запчасти, но однажды поехал в деревню навестить свою тётку, налетел на бульдозер — и этим всё кончилось.

Я получила страховку и вышла замуж.

Мой третий муж во мне просто души не чаял. Он был альпинистом. У него была маленькая зарплата, но зато множество всяких дипломов, почётных грамот и несметное количество красивых фотографий, на которых были изображены горы, горы, горы и, разумеется, он сам.

У нас в квартире по всем стенам, шкафам, углам и стеллажам были развешаны, разбросаны и разложены страховочные верёвки, металлические крючья, ледорубы, спальные мешки и прочие несметные богатства мужа.

Мы с ним жили счастливо, но тоже недолго. Где-то в Гималаях он покорял вершину и обязательно покорил бы её, если бы не свалился в пропасть.

Я получила страховку и потом периодически выходила замуж за капитана дальнего плавания, дрессировщика львов, лётчика-испытателя и других не менее интересных мужчин.

Сейчас я — временная вдова. На днях приходили из страховой компании, где ко мне уже привыкли, и очень даже интересовались: буду ли я ещё страховаться? Что за вопрос: конечно буду! Я уже с водолазом Васей роман кручу!

КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО...

Закатилось лето... Накатила осень...

Сбившись в стаи, рванули на юг самолёты, вертолёты, дирижабли и парашюты...

Глядя им вслед, заволновались, вытянув шеи, телеграфные столбы. Почернели, скукожились от тоски лопухи под заборами. Над прохудившимися крышами нависли сырые тучи...

Дождит... Моросит... На нервы капает...

Иду в магазин за сметаной и яйцами и вижу, как целыми рощами потянулись в тёплые края тополя, рябины, ольха и черёмуха.

Красиво летят! Величаво... Измороженная бытом душа моя так и просится вслед...

Упорхнуть бы с ними!.. Но не могу: во-первых, жена не отпустит, во-вторых, летать давно разучился, а в-третьих... чего я не видал на этом юге? Мне вот в магазин успеть надо, пока там ещё сметана и яйца есть, да свежее пиво не расхватили!..

г. Красноярск

P.S. От редакции. Дорогой читатель, как Вам лымарески? Если понравились, то мы продолжим знакомство с их автором. В самом деле — не Жванецким же единым? Или Жириновским...

Здравствуй, японский друг!..

Шарип Шайхуллин, ученик школы-девятилетки из деревни Большой Куян (у нас в Татарстане все знают, что «куян» — это «заяц») занял первое место по выращиванию кроликов и был награждён путёвкой в Артек. Там он познакомился с японским школьником по имени Сисико, и ребята обменялись адресами. Через две недели после того, как Шарип вернулся с солнечных черноморских берегов в родные края, ему пришло письмо из Токио.

«Здравствуй, Шарп, — так оно начиналось. — Пишет тебе твой друг Сисико. Как только вернулся из Артека, вспомнил о тебе. Какая у вас погода? У нас жара. Мы пьём кока-колу, едим бананы и ананасы, ходим в шортиках. Как живёте вы? Напиши подробно обо всём. Жду ответа...»

Шарип сразу же засел писать далёкому приятелю:

«Здравствуй, японский друг. У меня особых новостей нет. На улице холодно, моросит дождь. Мы пьём катык, едим лапшу. Если бы пили кока-колу и ели бананы с ананасами, то, наверное, тоже ходили бы в шортиках (на штаны уж тогда точно бы не хватило!).»

После Артека меня с другими школьниками послали на свёклу. Это для нас ещё одни каникулы. Конечно, потом, чтобы наверстать упущенное, придётся проскакать по учебнику галопом, но зато сейчас — красота! Дёргаем, во-первых, свёклу, во-вторых — девчонок за косички. Свёклу кидаем в кузов «сто песят», а девчонок — на грядки. Любимое развлечение у нас — кидаться землёй...

Когда возвращаемся домой, каждый прихватывает по две свёклы. Нельзя забывать про ужин для коровы...»

«Здравствуй, Шарп! Почему не называешь меня по имени? Мне, например, твоё имя очень нравится. У нас так называется фирма, которая производит телевизоры и магнитофоны.

Шарп, я в твоём письме не всё понял. Почему вас заставляют скакать по учебникам? Что такое «сто песят»? Зачем друг в друга кидаться землёй? Это, наверное, больно! Зачем обижают девочек? У нас, наоборот, за девочками ухаживают, покупают им мороженое, чизбургеры. Зачем носить домой по две свёклы, ведь корове всё равно этого мало. Не лучше ли сразу купить для неё машину корма? Жду ответа. Сисико».

«Здравствуй, японский друг. Не сердись, что не называю тебя по имени. Твоё имя звучит на нашем языке не слишком красиво. А телевизоры ваши у нас тоже есть. Моего старшего брата наградили за то, что второе место по уборке занял. Жалко только, что пульт сломался, когда мы им орехи кололи. Непрочная оказалась вещь, а ещё говорят — японское качество! Да и телевизор толком не показывает. Отец, когда бывает пьяный, кидается чем попало. В последний раз брату досталось чайником, а в телевизор отец запустил шлёпки.

Теперь отвечу на твои вопросы. 1) «Сто песят» — это ба-альшой трактор. 2) Конечно, больно, когда в тебя попадают комком земли, но зато какая радость врезать кому-нибудь от души! 3) Если бы у нас в деревне продавалось мороженое, то неужели бы мы его девочкам стали покупать? Конечно, сами бы слопали. Если бы наш учитель труда Хафиз-абый не ругался, то мы бы не только их на грядках изваляли, мы бы ещё этим ябедам за шиворот земли насыпали! 4) Когда приношу с поля свёклу, отец всегда говорит: «По капле озеро набирается». То есть, если я с поля прихвачу две свёклы, брат — две, и отец с матерью — каждый по две, то наша корова уснёт сытая и довольная.

Про чизбургеры я разузнал у своей тёти, которая в Казани учится в институте. Оказывается, у нас в деревне тоже их готовят, только называются они по-другому — перемячи».

«Шарп, я всё-таки многого не могу понять. У вас всем за уборку телевизоры дают? Я бы тогда каждый день свою комнату убирал. Почему вы орехи колете пультом от телевизора? Зачем твой отец отшлёпал телевизор после того, как подарил брату чайник? Насыпать девочке за шиворот земли — значит показать, что она тебе нравится? А воровать всей семьёй свёклу — у нас за такое могут и в тюрьму посадить...»

«Здравствуй, далёкий японский друг. Не сердись, но на твои вопросы ответить не смогу. Вернее, даже если отвечу, ты всё равно ничего не поймёшь... Чтобы понять нашу страну, надо здесь родиться и вырасти. Может быть, наша жизнь кажется тебе странной и даже дикой. Но нам всё это дорого и близко. Как-никак — родная земля! До свидания, японский друг, пиши, но не забивай себе голову лишними вопросами. Шарип».

г. Казань

Перевела с татарского Ф. Ситдикова

«СТРОЙ–КРАН»

СПЕЦ. ЦЕНТР:

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КАЧЕСТВО, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Руководитель

Игорь Николаевич Паскида, генеральный директор ООО «Строй-Кран» Спец. Центр. Родился 20 ноября 1958 года в селе М. Можары Рязанской области. В 1981 году с отличием окончил Днепропетровский инженерно-строительный институт по специальности «Инженер-механик строительных, дорожных машин и оборудования» и был направлен в Набережные Челны на строительство КАМАЗа. Трудовую деятельность начал в СУМ-4 Управления механизации строительства ПО «Камгэсэнергострой», где работал механиком, а затем главным инженером подразделений УМС. С 2002 года — генеральный директор ООО «Строй-Кран» Спец. Центр.

Предприятие

ООО «Строй-Кран» Спец. Центр — относительно молодое предприятие, созданное в Набережных Челнах на базе кранового управления Треста механизации строительства ОАО «Камгэсэнергострой» в апреле 2001 года. Тем не менее, этого срока вполне хватило для того, чтобы компания смогла завоевать себе прочную репутацию мобильной, работоспособной производственной единицы и надёжного делового партнёра.

О направлении деятельности предприятия говорит само его название: ООО «Строй-Кран» Спец. Центр является крупнейшим в Республике Татарстан специализированным центром по эксплуатации и ремонту грузоподъёмных кранов и располагает высокооснащённой технической базой. За время своей деятельности компания внесла свой достойный вклад в строительство многих важных объектов в Республике Татарстан и за её пределами, среди которых Ледовый Дворец, Торговый центр «На Пушкинской», Центр занятости в Набережных Челнах, развлекательный комплекс «Пирамида», онкологический корпус городской больницы в Казани, более 200 жи-

лых домов, школы, а также более 50 других объектов различного назначения. При реконструкции и сооружении ряда промышленных объектов, таких как здание ОАО «Татэнерго», ТЭЦ-2, ТЭЦ-3 в Казани, Нижнекамский нефтеперерабатывающий завод, завод «Ижсталь» в Удмуртии, Трак-центр в пос. Бехтерево, железнодорожный терминал в Соль-Илецке, предприятием были оказаны услуги грузоподъёмными механизмами. В настоящее время ООО «Строй-Кран» Спец. Центр работает на Нижнекамском шинном заводе, на территории открытой экономической зоны «Алабуга».

Безусловно, нынешние экономические трудности, обусловленные всеобщим кризисом, не могли не сказаться и на деятельности челнинского предприятия. Но и в этих непростых условиях компания остаётся в строю действующих, занимаясь производством основных работ и, наряду с этим, осваивая новые виды деятельности. Так, в последнее время ООО «Строй-Кран» Спец. Центр активно развивает направления, связанные с капитальным ремонтом и монтажом подъёмного оборудования, благо, что у него для этого имеются все предпосылки — мощная техническая база и высококвалифицированный профессионал. Например, для ОЭЗ «Алабуга» на высоком профессиональном уровне компанией был проведён монтаж уникального контейнерного козлового крана, являющегося неотъемлемым элементом будущего производства.

Предприятие также предоставляет своим клиентам услуги грузоподъёмных механизмов, проводит реконструкцию и модернизацию грузоподъёмных механизмов, а также проводит техническое и сезонное обслуживание подъёмно-транспортных машин, ремонт, наладку и установку приборов безопасности, занимается перемоткой электродвигателей и перевозкой тяжеловесной и крупногабаритной техники.

В востребованности услуг, а, следовательно, в успешной работе предприятия, в принципе, нет никакого секрета. Это, в первую очередь, ответственный подход к своим обязательствам, сплочённый, грамотный коллектив, готовый к выполнению любых задач и, несомненно, качество работы. Именно эти три составляющие были заложены в фундамент создания ООО «Строй-Кран» Спец. Центр и остаются основой его деятельности.

*Адрес: Республика Татарстан,
г. Набережные Челны, Стройбаза, а/я 83.
Телефон: (8552) 44-32-13. E-mail: mail@stroykran16.ru*

Наши авторы

АЛДОШИН Тимур Леонидович родился 31 марта 1961 года в Казани, где и проживает по сей день.

Первая публикация: газета «Вечерняя Казань», 1987 год. Печатался в казанских газетах и журналах, а также «Новая Юность», «Октябрь» (Москва), «День и Ночь» (Красноярск), «Дирижабль» (Нижний Новгород), в антологии «Нестолличная литература» издательства НЛО (Москва).

Лауреат премии А. М. Горького (2005 год).

Пишет стихи, прозу, критику, публицистику.

Вместе с А. Е. Кирилловым ведёт литературное объединение «ARS Poetica» при Казанском государственном университете.

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время – председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей.

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор восьми книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве.

Живёт в Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина.

АРАКЧЕЕВ Валерий Леонидович родился 4 февраля 1942 года в Горьком. Журналист (псевдонимы В. Стрижевский и В. Кольцов), заслуженный работник культуры ТАССР. Трудовую деятельность начал в 1959 году слесарем Иркутского монтажного управления «Строймонтаж». В 1968 году окончил Горьковский институт иностранных языков, затем служил в рядах Советской Армии. Профессионально журналистикой начал заниматься в редакции газеты «Ленинская правда» (г. Нижнекамск).

С 1973 года – редактор газеты «Рабочий КамАЗа» в городе Набережные Челны, затем старший корреспондент газеты «Советская Татария», главный редактор газеты «Вести КамАЗа».

Как руководитель несколько лет возглавлял пресс-службу Центра по связям с общественностью ОАО «КАМАЗ», более десяти лет был главным редактором газеты «Бизнес-класс». Сотрудничал и с такими известными изданиями, как «Регион-информ», «Лидер Татарстана», «Доброхот» и «Челны спортивные».

В. А. Аракчеев – автор нескольких книг. В 1976 году ему присвоено почетное звание «Ударник строительства КамАЗа», он награжден орденом «Знак Почета», почетным знаком «За заслуги перед городом Набережные Челны».

БЕЛОВА-НЕДОВИЗИЙ Ольга Борисовна родилась в 1967 году в городе Иваново. В настоящее время живёт в Набережных Челнах.

В 1991 году окончила художественно-графический факультет Набережночелнинского государственного педагогического института. С 1990 года активно занимается художественно-педагогической деятельностью. Творческие предпочтения Ольги – графика, в том числе, книжная. Она – автор иллюстраций к произведениям и книгам челнинских писателей, участница городских, республиканских и региональных выставок. С 2001 по 2008 год в Набережных Челнах состоялось несколько персональных выставок Ольги Беловой-Недовизий. Её работы находятся в Музее изобразительных искусств Республики Татарстан, в картинной галерее Набережных Челнов, у частных коллекционеров России, Германии, Франции.

О. Белова-Недовизий – член Союза художников России.

БЕЛЯЕВ Николай Николаевич – русский поэт, родившийся в 1937 году в Ярославле. Окончил Казанский государственный университет, много ездил с геологическими партиями по стране, которая когда-то называлась Советским Союзом.

Неоднократно приезжал в строящиеся Набережные Челны, выступал с чтением своих стихов на стройплощадках, в общежитиях, в заводских цехах.

Ныне живёт в селе Ворша Владимирской области. Автор поэтических книг, издававшихся в Казани, Москве, Красноярске, Набережных Челнах. Известен также как переводчик татарской и латышской поэзии.

ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х – 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году – книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году – сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году – «Осень с дыханьем весны».

Член Союза российских писателей.

В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

ГАЗИЗОВА Лилия Ривкатовна родилась в Казани. Окончила Казанский медицинский институт (1990), Московский литературный институт (1996).

Работала детским врачом. Ныне – руководитель секции русской литературы и художественного перевода Союза писателей Татарстана.

Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Даугава», «Татарстан», «Идель», «Казань», альманахе «Истоки», в «Литературной газете», «Литературной России» и т.д.

Автор пяти сборников стихов.

Составитель антологии русской поэзии Казани «Как время канитяся в Казани золотое...» (Казань, 2005), сборников (совместно с Сергеем Малышевым) «Современная татарская проза» (Казань, 2007), «Современная татарская поэзия» (Казань, 2008).

Известна как переводчик татарской поэзии на русский язык.

Член правления Союза писателей РТ. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Лауреат литературной премии им. Г. Р. Державина.

ГОГОЛЕВ Михаил Николаевич родился в 1956 году в селе Ижевка Елабужского района ТАССР. Закончил школу-десятилетку в Менделеевске. Учился в Казанском химико-технологическом институте. Затем закончил Елабужский педагогический институт, филфак. Был редактором и издателем газет и альманаха «Росток» в городе Набережные Челны. Занимался бизнесом. Работает в городском Дворце детского творчества – руководителем литературной студии. Издал более четырех десятков книг в самых разных жанрах: философские эссе, научные статьи, верлибры, стихи для детей и взрослых, сказки, проза, пьесы...

В настоящее время возглавляет писательскую организацию СП России в Набережных Челнах. Лауреат всероссийской премии Николая Островского.

КАШИНА Александра Николаевна живёт в городе Казани. Её имя известно многим ценителям поэзии, чему способствовали многочисленные публикации в республиканской и российской прессе.

Александра – лауреат двенадцати республиканских и всероссийских литературных конкурсов. В 2004 году её была присуждена международная премия «Филантроп» (Москва – Женева) в номинации «Поэзия». В 2005 году Саша стала лауреатом республиканского конкурса «Женщина года» в номинации «Культура – духовность».

А. Кашина – автор сборников стихов «Кочевница Сердца» и «Глядя на вас...».

Член Союза писателей Республики Татарстан.

КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБИШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась 8 апреля 1964 года в городе Волжском Волгоградской области.

В начале семидесятых вместе с родителями приехала в Набережные Челны, где и окончила среднюю школу, училище искусств по классу виолончели и факультет педагогики и психологии педагогического института.

С 2000 года сотрудничает с Татарстанским отделением Союза российских писателей как редактор, журналист и организатор литературно-музыкальных встреч.

Ольга – автор двух поэтических книг «По воле небес» и «Раскачивая маятник судьбы», двух песенных альбомов «Любовь пою» и «Ты услышишь», художественно-документальной книги «Одноклассники. Письма в будущее».

Член Союза российских писателей.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович родился 30 апреля 1947 в Рыбинске, в семье актёра и преподавательницы русской литературы. С 10 лет занимался в изостудии. Стихи, по собственному признанию, начал писать в 14–15 лет.

В 1964 году Юрий Кублановский приезжает в Москву и поступает на отделение искусствоведения Исторического факультета МГУ. Там он знакомится с молодыми поэтами — Леонидом Губановым, Владимиром Алейниковым и другими. По инициативе Леонида Губанова молодые поэты создали литературное объединение «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» (СМОГ), которое в 1966 году под давлением властей прекращает существование.

В 1970 году состоялась первая официальная публикация — стихи в сборнике «День поэзии». В том же году заканчивает университет.

В 1975 году выступил в самиздате с открытым письмом «Ко всем нам», приуроченным к двухлетию высылки Александра Солженицына, которое было в 1976 году опубликовано на Западе. Это окончилось вызовом на Лубянку и лишением возможности работать по профессии.

Печатался в сборнике «Ленинские горы. Стихи поэтов МГУ» (Москва, 1977). В 1979 году принял участие в неподцензурном альманахе «Метрополь», изданном самиздатовским способом, а также вышедшем за границу. С середины 70-х его стихи публикуют русскоязычные журналы и альманахи Европы и США. В 1981 году в США в издательстве «Ардис» вышел первый сборник стихов «Избранное», составленный Иосифом Бродским.

В 1982 году Ю. М. Кублановский вынужден был эмигрировать. Жил в Париже, Мюнхене. Был членом редколлегии и составителем литературного раздела журнала «Вестник русского христианского движения», печатался в «Русской мысли», «Гранях», «Континенте», «Глаголе» и других эмигрантских изданиях. Работал на радио «Свобода».

В 1990-м году Юрий Кублановский возвращается в Россию. После возвращения много публикуется как со стихами, так и со статьями. Работает в журнале «Новый мир»: заведующий

отделом публицистики (1995—2000), заведующий отделом поэзии (с 2000).

Член редколлегии журналов «Вестник РХД», «Новый мир» и «Стрелец», газеты «Литературные новости» (1992). В 2003 году Юрию Кублановскому была вручена премия Александра Солженицына за «правдивую точность поэтического слова, за богатство и метафоричность языка», за ясную гражданскую позицию.

Сопредседатель Союза российских писателей.

ЛЫМАРЬ Владимир Яковлевич родился в июне 1945 года. Фотожурналист. Много лет работал в Набережных Челнах. В настоящее время живёт в Красноярске. Пенсионер.

МЕДВЕДЕВ Михаил Михайлович родом из Луганска, окончил МГИК по специальности режиссура. После учебы работал на телевидении, где создал 14 телевизионных и 15 кинофильмов. С 1967 года занялся фотографией. В 1974 году приехал на работу в Татарстан, где создал фотолетопись строительства КАМАЗА. В 1985 году был назначен фотокорреспондентом ТАСС по республике. Татарстанский мастер фотографии также известен как постоянный участник мировых ралли, в том числе «Париж-Дакар». К 1000-летию Казани им были выпущены четыре сувенирные книги о Республике Татарстан. Он является участником многих международных фотовыставок. Лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства, заслуженный работник культуры РФ, обладатель национальных премий РТ, диплома "Серебряный лучник" в области дизайна.

ПАНЧЕНКО Александр Михайлович (1937-2002) – литературовед, историк. Родился в Ленинграде в семье научных сотрудников Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Выпускник Ленинградского государственного университета, также закончил Карлов Университет в Праге. За свою жизнь ученый написал более 400 статей, книг и учебников, многие из которых известны не только в России, но и за рубежом. В 1991 году Александр Панченко стал академиком РАН, в 1995 году был удостоен Государственной премии.

ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем – на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

ПЕРОВСКИЙ Николай Михайлович (1934-2007 гг.) родился в слободе Михайловка Курской области. Его родители были репрессированы в тридцать седьмом, и будущий поэт оказался в детском доме.

В начале войны детдом эвакуировали. Под Курском обозы попали под немецкие бомбы. Мальчик воочию увидел кровь и смерть. Затем попал в Среднюю Азию, где ему пришлось познать беспризоршину и ранний труд.

С 1947 по 1953 годы Николай оказался «воспитанником колхоза» – так это тогда называлось. Пас телят в предгорьях Тянь-Шаня, работал водовозом, подручным комбайнёра. Затем учился в Московском горном институте, работал на обогатительной фабрике в Донбассе, на шахте в Воркуте. Впоследствии жил на Белгородщине, преподавал музыку и физкультуру в школе, был газетчиком, клубным баянистом.

Первую книгу стихов выпустил в 1961 году. В 1964 году принят в Союз писателей СССР. С 1976 года жил в городе Орле.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич родился 15 марта 1937 года. Биография русского писателя – в его творчестве: здесь даны и родословная писателя, и вся история деревни Аталанки, расположившейся на берегу прославленной реки Ангары. Детство Валентина пришлось на войну и голодные послевоенные годы. После школы в 1954 году он поступил на историко-филологический факультет Иркутского университета. В студенческие годы стал внештатным корреспондентом молодёжной газеты.

Окончив университет в 1959 году, Валентин Распутин работал в газетах Иркутска и Красноярска. Первая книга рассказов Распутина «Человек с этого света» была издана в 1967 году в Красноярске. В полную силу талант писателя раскрылся в повести «Последний срок» (1976г.), заявив о зрелости и самобытности автора. Затем последовали повести «Живи и помни» (1974г.), и «Прощание с Матёрой» (1976г.), поставившие их автора в ряд лучших современных русских писателей.

В последние годы писатель много времени и сил отдаёт общественной и публицистической деятельности, не прерывая творчества. Повесть «Пожар», опубликованная журналом «Наш современник», в 1989 году была удостоена Государственной премии СССР. Валентину Григорьевичу присвоено звание Героя Социалистического труда. В мае 2000 года писателю была вручена премия Александра Солженицына за пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни. 15 марта 2007 года писателю исполнилось 70 лет. Указ о награждении Валентина Распутина орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени подписал президент России Владимир Путин. Как сообщается в указе, государственную награду Валентину Григорьевичу присвоили за заслуги в развитии

отечественной литературы и многолетнюю творческую деятельность.

САРЧИН Рамиль Шавкетович родился 14 декабря 1975 г. в селе Калда Барышского района Ульяновской области. Окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета, аспирантуру при кафедре литературы УлГПУ.

Поэт, литературный критик, литературовед. Автор поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал»; монографий «Поэтический мир Николая Благава», «Традиции русской поэзии в творчестве Инны Лисенской»; статей о русской литературе, преимущественно о поэзии.

Кандидат филологических наук.

СИТНИКОВА Валерия Аркадьевна родилась в Кировской области. В 1982 году закончила заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России. Руководит детской литературной студией в Великом Новгороде, где и проживает в настоящее время.

ШАМСУТДИНОВ Николай Меркамович родился 26 августа 1949 года в Яр-Сале Ямальского района Тюменской области. Детство прошло в Березове, Омске, Павлодаре.

В 1966 году окончил Нефтеюганскую среднюю школу. Работал монтажником в НГДУ «Юганскнефть», рабочим в геологических партиях. С 1968 по 1970 год служил в ВВС, а затем вернулся на Тюменский Север. Работал художником-оформителем, тележурналистом.

В 1980 году одновременно с окончанием Литинститута выходит его первая книга стихов. Поэт печатается во многих журналах и альманахах. Занимается переводами стихов с татарского, хантыйского, аварского, грузинского, киргизского и печатается на языках этих народов, а также украинском, английском, датском, словацком.

С 1983 года — руководитель литературного поста журнала «Сибирские огни» в Приобье. Продолжительное время вел в Сургуте городское литобъединение. Переехав в Тюмень, возглавил Тюменское отделение Союза российских

писателей и областной фонд защиты творческой интеллигенции. Был директором издательства «Берлек». Член Союза писателей с 1982 года. Весной 1991 года Н. Шамсутдинов, единственный из тюменских литераторов, был приглашен в Данию, где прочитал цикл лекций в Королевских университетах Копенгагена и Одена.

Живет и работает в Тюмени.

ХАБИБУЛЛИН Мусагит Мударисович родился в 1927 году в Татарстане. В годы войны работал токарем в городе Магнитогорске. Служил на флоте во Владивостоке. В послевоенные годы, переехав в родные края, работал шофёром на «скорой помощи» в Бавлах...

Тяга к литературному творчеству появилась после тридцати лет. Роман писателя «Водовороты» был трижды издан в Москве.

Интерес к истории своего народа возбудил у него известный учёный-историк Лев Николаевич Гумилев. Первый исторический роман Мусагита Мударисовича «Кубрат-хан» в переводе Валентина Тублина был издан в Москве в 1990 году. Затем Хабибуллин написал серию исторических романов — «Атилла», «Посол — лицо неприкосновенное», «Чёртово городище», «Сююмбике ханбике и Иван Грозный», «Айбиби», «Божий дар» и другие.

Народный писатель Республики Татарстан.

ШАРИПОВ Хамза Маулиханович (1957 г. р.), художник из города Набережные Челны, вошел в искусство Татарстана в конце 80-х годов после окончания отделения художественного текстиля в Академии промышленного искусства имени Мухомовой в городе Санкт-Петербурге. В 90-е годы начал экспонировать свои картины на отечественных выставках, в Турции, в Пакистане, в Арабских Эмиратах, во Франции.

Творчество Х. Шарипова в современном искусстве получило название «татарский авангард». Характерной особенностью картин Хамзы Шарипова является их философское содержание, выраженное в лаконичной форме, с опорой на символику древних архетипических образов и на традиции искусства народного примитива.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ С ЛЮБОВЬЮ ИЗ ТАТАРСТАНА	3

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ КАЗАНЬ

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ	6
ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ.....	7
ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ	8

НАСЛЕДИЕ

АЛЕКСАНДР ПАНЧЕНКО ИДЕИ Л. Н. ГУМИЛЁВА И РОССИЯ XX ВЕКА	15
ЛЕВ ГУМИЛЁВ «ОТ РУСИ ДО РОССИИ»	18
МУСАГИТ ХАБИБУЛЛИН ЗАСТУПНИК	24
ВАЛЕНТИН РАСПУТИН ТВОЙ СЫН, РОССИЯ, ГОРЯЧИЙ БРАТ НАШ	40
ВАСИЛИЙ ШУКШИН СРЕЗАЛ	45

ПОЭЗИЯ: ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ ...СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ	52

ПОЭТЫ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ «ДОКОПАТЬСЯ ДО ЗВЁЗДНЫХ КОРНЕЙ...»	55
НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ ДОРОГИ ПРОПАХЛИ ПОЛЫНЬЮ	59
РАМИЛЬ САРЧИН МЕРЫ И ПОЧВА ПОЭТА	70
НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ СКВОЗЬ ВЕТЕР	77

ЭСТАФЕТА

РАМИЛЬ САРЧИН ОРАНЖЕВЫЙ КОСТЁР	84
ВАЛЕРИЯ СИТНИКОВА К ЗАВЕТНОЙ ПОЛЯНЕ	87
ТИМУР АЛДОШИН ТАНЦЫ НАД ГОРОДОМ	94
САША КАШИНА ГЛЯДЯ НА ВАС	98

ПРОЗА

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ САМОРОДОК	103

ОЧЕРК

ВАЛЕРИЙ АРАКЧЕЕВ «КАМАЗ-МАСТЕР»: БЕЗ БУЛДЫРАБЫЗ!	139

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ	
ЛЕТЕТЬ ВОСЛЕД ЛУЧУ	154
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ	
ИВАНОВ КРУГ	173
ХАМЗА ШАРИПОВ	
БЕСЦЕННЫЙ ДАР	180
АКТАС ХАМАДЕЕВ	
ВО ИМЯ БУДУЩЕГО	183
НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ	
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ	185
ПОЭЗИЯ	
НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ	
ЕЛАБУГА	188
НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ	
ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ	195
ИЗДАНО В ТАТАРСТАНЕ	
«ПОД НЕБОМ ВЫСОКИМ»	201
«НОВАЯ ИЛИАДА»: ЗА И ПРОТИВ	207
«МИР, КОТОРЫЙ ЕСТЬ»	213
НЕ СТАРЕЮТ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	215
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ	
АРСЕНИЙ МУСТАФИН	217
СВЕТЛАНА САФОНОВА	221
ИРИНА МИГАЧЁВА	223
ЮМОР, САРКАЗМ, ИРОНИЯ	
ВЛАДИМИР ЛЫМАРЬ	
ЛЫМАРЕСКИ	215
АЛМАЗ ГИМАДИЕВ	
ЗДРАВСТВУЙ, ЯПОНСКИЙ ДРУГ	231
НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ	
«СТРОЙ-КРАН» СПЕЦЦЕНТР:	
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КАЧЕСТВО, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ	233
НАШИ АВТОРЫ	235

Литературно-художественное издание

АРГАМАК-ТАТАРСТАН

Подписано в печать 28.07.2009. Формат 70х100 1/16.

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,8. Тираж 2000. Заказ

Отпечатано в ОАО ПИК «ИДЕЛ-ПРЕСС»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

